РОДИНА

3—4 — 1994

ISSN 0235-7089

КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА: XIX ВЕК *(НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ)*

ВЫСТРЕЛ В ГОРАХ

БЫВАЕТ КОВАРНЫМ.
ОН МОЖЕТ ВЫЗВАТЬ ЛАВИНУ И КАМНЕПАД — СТИХИИ,
СМЕТАЮЩИЕ ВСЕ НА СВОЕМ ПУТИ.
[illegible] ТОМ СВОИХ И ЧУЖИХ.
ЕГО ЭХО БЫВАЕТ ГУЛКИМ И ДОЛГИМ,
[illegible] ЛЕТ.
И ГИБНУТ, СТРАДАЮТ ЛЮДИ — ВОЙНА ПРОДОЛЖАЕТСЯ...

ФОТОГРАФИИ ГРИГОРИЯ ТАМБУЛОВА

РОДИНА

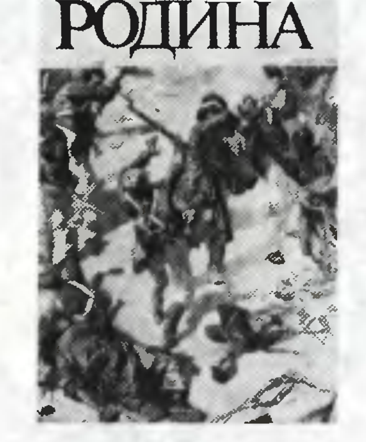
№ 3—4 — 1994 Выходит с января 1989 г.

РОССИЙСКИЙ ИСТОРИКО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
УЧРЕДИТЕЛЬ: СОВЕТ МИНИСТРОВ — ПРАВИТЕЛЬСТВО РФ

Международный фонд «Культурная инициатива» осуществил благотворительную подписку на журнал «Родина» на 1994 г. для десяти тысяч библиотек России, других стран СНГ и Балтии.

Номер набран и сверстан в компьютерном центре журнала «Родина».

Жизнь в горах

На первой обложке: фрагмент панорамы Ф. Рубо «Штурм аула Ахульго».

Война в горах

Песни гор

Эхо гор

CONTENTS

Россия долго была империей, а всякая империя, чтобы существовать в своем натуральном виде, должна расширяться. Для географического расширения существовал классический способ — завоевательные войны, одной из которых в истории России и являлась Кавказская война.

Она продолжалась немало лет — всю первую половину прошлого столетия — и велась главным образом в Чечне, Дагестане, на Северо-Западном Кавказе. Уже ее продолжительность свидетельствует об упорстве сторон — монархических правителей России и кавказских горцев, объявивших священный газават против «неверных», пришельцев с Севера. Конечно, силы сторон были неравными, как неадекватными были средства и цели этой войны. Для России это была в некотором смысле «война престижа», «карманная война», с различной степенью удач по «усмирению» горцев. Для горцев же дело шло о защите национально-религиозной независимости, сохранении вековых исламских устоев.

Наверное, в отличие от официального, имперско-шовинистического отношения к Кавказской войне, присущего верхам российского общества, его передовая, прогрессивная часть имела на нее свой взгляд. От него не могло укрыться, как на Кавказе погибали смиренные русские солдаты, годами тянули нелегкую лямку походно-бивуачной службы армейские офицеры. И в то же время там отмывали запачканную честь проштрафившиеся дворянские дети, делали военную карьеру удачливые генералы, наживали капиталы поставщики и интенданты. Впрочем, как и на всякой войне.

Примечательно, что Кавказская война явилась заметной страницей не только русской истории, но и русской культуры. Именно в лучших произведениях Л. Толстого, М. Лермонтова, А. Бестужева-Марлинского воплотилась ее иногда романтическая, иногда пронзительно реалистическая правда, несомненно оставившая свой благотворный след в русском общественном сознании.

ВАСИЛЬ БЫКОВ,
писатель, член общественной коллегии журнала «Родина»

Жизнь в горах

ФОТО АНАТОЛИЯ ЧЕРЕЯ

Там — грохот обвала, здесь — праздник природы.
По скатам ребристым, по глыбам породы
Свирепые реки, сломавшие льды,
Несут орошенье в поля и сады...

А. Чавчавадзе. Из стихотворения «Кавказ».

Перевод *П. Антокольского*

МОЛИТВЫ РОДНЫМ ОЧАГАМ

Легенды, предрассудки и верования дагестанских горцев, составленные со слов Шамиля и членов его семейства

О светопреставлении

Дагестанские горцы, вероятно так же, как и прочие мусульмане, вполне убеждены, что кончина мира произойдет посреди нижеследующих подробностей.

Во-первых, это случится спустя сто двадцать лет после того, как на земле не останется ни одного человека, который мог бы с теплым сердцем произнести символ мусульманской веры: «ля илльляга илль-алла-гу» и проч.* Но предварительно, за сорок с небольшим лет, последует вторичное пришествие Иисуса Христа на землю. Это продолжится сорок лет, именно столько, сколько проживет на земле Спаситель. В это время он снова умрет и будет погребен в Медине, рядом с пророком Мухаммедом, где уже в настоящее время приготовлена для него могила. Вслед за смертью Христа поднимется ветер, который умертвит всех мусульман. С истреблением их на свете останутся только дурные люди да разные недоверки, которые промаются кой-как еще сто двадцать лет; но лишь только окончится последняя минута этого термина, на землю слетит архангел Исрафиль и тотчас же произведет столь сильный трубный звук, что в одно мгновение вся вселенная распадется и обратится в прах. Предвещание это не кажется мусульманам слишком преувеличенным, потому что они принимают в соображение и средства, которыми располагает архангел для осуществления столь сложного действия: диаметр нижнего отверстия архангельской трубы вдвое больше диаметра целой вселенной; а сам Исрафиль одарен силою, вполне соразмерной для управления этим инструментом. В этом может удостоверить нас его наружность, о которой достаточно сказать только то, что «от конца верхней его губы до оконечности его же носа ангел Джабраил, посланный Богом с каким-то приказанием, летел ровно триста лет». Исрафиль и в настоящее время уже готов к выполнению своей миссии: придерживая у рта трубу, он внимательно смотрит на Бога и только дожидается его мановения, чтобы слетать на землю и произвести роковой звук.

*«Нет Бога, кроме единого Бога, а Мухаммед Пророк Его».

С кончиною мира умрут не только люди, но и ангелы, и архангелы, и все невидимые и бесплотные духи, и наконец, окончив свое дело, умрет и Исрафиль. Останется один Бог. Через некоторое время он опять призовет к жизни Исрафиля и велит ему протрубить в другой раз. С последним звуком трубы все снова воскреснут: люди получат свою прежнюю земную оболочку, и тогда-то начнется страшный суд. Подробности его изложены в мусульманских книгах до тонкости; но по причине их крайней сложности нет нужды передавать здесь какую-либо часть текста. Достаточно сказать только то, что горцы, видевшие однажды копию известной картины Ван Дейка «Страшный суд» и рассматривавшие ее долго и внимательно, под конец объявили, что подробности страшного суда изображены на картине совершенно так, как написано об этом в книгах.

Суеверия

К числу суеверных убеждений дагестанских горцев следует отнести не менее слепую веру в возможность вреда для больного человека в том случае, если в занимаемой им комнате сохраняются драгоценные каменья и изделия из благородных металлов или если вошедший в комнату посетитель, какого бы ни был он пола и возраста, будет иметь их при себе. Тогда болезнь внезапно принимает самый резкий оборот, и если не будут своевременно приняты меры (конечно, не без посредства чернокнижия), то легко может окончиться смертью, несмотря на самые благоприятные условия, в которых больной до этого находился.

Такой именно случай был с Шамилем, когда он почти совсем оправился после знаменитой штыковой раны.

Из числа других предрассудков, тождественных предрассудкам, существующим у нас, следует упомянуть о тяжелых днях и о физических явлениях, случающихся ранней весною.

У горцев, так же как и у нас, есть тяжелые дни, есть и легкие. Тяжелых дней считается три: воскресенье, понедельник и суббота. Последняя составляет самое тяжелое время: в этот день горцы ни за что не начнут дела сколько-нибудь важного.

Легкими днями считаются среда и четверг, особливо последний: это самое удобное время для начала всякого рода сложных предприятий, и Шамиль всегда выступал в поход против нас не иначе как в четверг.

Теперь обратимся к людям, предсказывающим будущее. Это дело для женщин недоступно: им занимаются одни мужчины, да и то немногие. Преимущественно процветает оно в Тадбурты (Чарбили), где есть люди, изумляющие дагестанский мир верностью своих предсказаний и пользующиеся поэтому известностью и почетом не только в своем обществе, но и в самых отдаленных уголках Дагестана. Есть знатоки и между чеченцами, но они далеко не такие мастера, как тадбуртинцы*.

По словам Шамиля, сам он никогда не верил этим предсказаниям; но мы имеем положительные сведения, что и он, и сын его Кази-Мухаммед неоднократно обращались к тадбуртинскнм знахарям с вопросами о будущих успехах задуманных ими экспедиций, а также о разных делах общественных и семейных. Предсказания эти всегда были так верны, что впоследствии имели даже непосредственное влияние на некоторые экспедиции, отменявшиеся в самом начале, если отзыв тадбуртинских оракулов оказывался не в их пользу. Последнее предсказание сделано Шамилю в 1859 году, при прохождении его через Тадбурты из Ведено в Гуниб. Сущность его была столь неблагоприятна и сулила такие нелегкие результаты, что предсказатель затруднялся даже назвать их.

Эта слепая вера в предсказания составляет резкую аномалию с господствующим началом ислама — фатализмом; желание же узнать будущее и приготовиться к тому, что нас ожидает, в свою очередь, противоречит обычной лени и праздности, порождаемой в мусульманах особенностями их религии и воспитания, их невежеством и самым климатом местностей, которые они населяют.

Не подлежит сомнению, что зарождающиеся из такого источника понятия должны служить неодолимым препятствием в деле распространения цивилизации даже среди молодого поколения, на которое в этом случае только и можно рассчитывать. Бросим поэтому беглый взгляд на эти самые понятия, что, быть может, даст нам возможность судить о мерах, какие необходимы для устранения неблагоприятных условий в будущем.

Горцы убеждены, например, что все христиане — идолопоклонники и что «христианский Бог» имеет одно только око. Сам Шамиль не без труда расстался с этими убеждениями. Первое из них было основано на поклонении иконам, а последнее внушено изображением Всевидящего ока, которое он заметил однажды в церкви.

Но еще рельефнее обнаруживается дикость понятий горцев в деле землеведения. Вот описание атласа Старого Света, очень тщательно сохраняемого Шамилем, который вполне убежден, что земля наша в иных условиях не может находиться.

На этой карте обозначены только самые замечательные города; и хотя известно, что есть на земле много других городов, но все они далеко — не то, что эти.

Моря, реки, острова, горы на карте не обозначены совсем. Это произошло не оттого, чтобы горцы не знали об их существовании; напротив, они знают, что есть на свете моря белое, черное, красное, желтое и зеленое (Каспийское). Но, во-первых, они не знают, где именно эти моря находятся, а во-вторых, считают их таким ничтожеством в сравнении с материком, что даже не находят нужным упоминать о них. Горцы вполне уверены, что все моря то же самое по величине, что и их озера; поэтому каждое дагестанское озеро, часто похожее на большой пруд, именуется туземцами пышным названием «дингиз» — море.

Отсутствие морей, больших рек, озер, лесов, преобладание гор, грандиозных и подавляющих, отсутствие изобилия, умеренный, а местами и суровый климат, обилие атмосферных осадков и разрушающее их действие, чувство зависимости от окружающей приро-

* Общество Тадбурты расположено между Ичкерией, Анди, Технуцалом, Чамалалом, Упкратлем и Большою Чечнею. Шамиль зовет тадбуртинцев «горными чеченцами».

ды — все это не могло не отразиться на религиозных верованиях чеченцев.

Религия

Религия чеченцев не подходит ни под одну из ступеней, установленных наукою в развитии религиозной мысли; в ней и поклонение предкам, и почитание природы, и одухотворение неодушевленных предметов, и культ предков, и сабеизм, и фетишизм, и шаманизм, и признание Единого Бога — все это перемешано и существует одновременно, с большим или меньшим преобладанием одного над другим. Религиозные воззрения чеченцев, пожалуй, можно назвать анимистическими.

Первый и основной вопрос в деле разъяснения коренных начал любой из естественных религий человечества — это вопрос о том, есть ли душа у человека. Чеченец смотрит на смерть человека как на смерть тела, а не существа его; сущность человека не погибает.

Тот свет находится под землей. Им управляет подземный бог Эштр или Этерь. Тот свет называется по-ингушски «Дэли-Аилли», а этот свет — «Дэли-Малхи». Ингуши говорят: «В три года выстроенный Дэли-Малхи, в семь лет выстроенный Дэли-Аилли». Солнце днем освещает этот свет, а ночью — тот свет, а по другому варианту, солнце — светило этого света, а луна — того света или мертвых; от луны покойникам так же жарко, как нам от солнца. Тот свет находится там, где заходит солнце, т. е. на западе, — черта, опять-таки общая большинству первобытных религий. Тот свет, как постоянное местопребывание людей, является более массивным; его Бог строил не три, а семь лет. Живут также отдельными родами; всякий умерший отправляется к своим родственникам, умершим ранее.

Дальнейшее развитие общей культуры чеченцев, соприкосновение их с христианством и магометанством, развитие самого культа ближайших предков в культе народных героев — все это не мирилось уже с той простой картиной загробной жизни, которую мы только что нарисовали, и вызвало к жизни другие представления о загробном существовании. В них мало-помалу начинает входить идея о суде и возмездии за грехи земной жизни, которая затем приобретает значение основной идеи. Как известно из истории религии всех народов, эта идея имеет позднейшее происхождение и знаменует собою эпоху, когда религия начинает руководить нравственной деятельностью человека.

Дальнейшим развитием представления о загробном мире у чеченцев является перенесение местопребывания душ на небо, куда ведет лестница, по которой восходят души мертвецов. На небе есть деревянные скелеты, приготовленные Богом заранее для каждой души. При приближении чьей-либо смерти его скелет на небе начинает качаться и на нем все более и более нарастает мясо; как только умирает человек, душа его немедленно направляется по лестнице на небо в свой готовый скелет, покрывшийся мясом. Образ мертвеца не похож на земной образ человека, а есть олицетворение его деяний*.

* Любопытно, что подобное верование свойственно и индусам.

Перейдем к описанию представлений чеченцев о душе. В этом отношении интересно чеченское предание о Тамерлане, рассказанное мне Ганыжем. Однажды хромой Темир, у которого пропал сын, зашел в кузницу. Кузнец в то время спал, и Темир, не желая нарушать его сна, присел возле него и стал ожидать, когда он проснется. Он заметил, что из носа кузнеца вылезла муха, поползла на щипцы, лежавшие на миске с водой, переправилась по щипцам через миску на наковальню. За наковальней была большая трещина; муха спустилась в эту трещину и оставалась там довольно продолжительное время. Затем она выползла обратно и, миновав наковальню, стала переправляться через миску по тем же самым щипцам, но во время переправы упала в воду. Долго билась она в воде и, с трудом выползши на щипцы, вползла обратно в нос кузнеца. Очнувшись от сна, кузнец разговорился с Темиром. «Развлеки ты меня, сказал Темир, у меня пропал сын, и я в большом горе. Расскажи что-нибудь». — «А что рассказывать. Мы все равно не можем добраться до того, что я видел во сне». Темир стал просить его рассказать свой сон. Тот начал: «Во сне я переправился через большую реку и железную гору, где был клад золота и серебра; я долго там стоял, не будучи в силах оторвать глаз от блеска и роскоши. Но сознавая, что мне надо вернуться, я выбрался из пещеры. Когда я на обратном пути переправлялся через реку, то упал с моста и чуть было не утонул». Темир понял, что в виде мухи выходила душа кузнеца. Догадавшись, что в кузнице должен быть клад, он уговорил кузнеца уступить ему это место. Вскопав затем место, куда поползла душа кузнеца, Темир открыл несметные богатства, на которые он собрал войско и покорил весь мир.

Это сказание имеет для нас двойной интерес: во-первых, здесь мы встречаемся с верою ингушей в реальность сновидений, которая играет вообще в первобытных религиях существенную роль; во-вторых, здесь в представлениях чеченцев душа является материальною; они никак не могут себе представить абстрактной, нематериальной духовную сущность человека.

Календарь

Переходя к божествам чеченцев, необходимо познакомиться с понятием их о временах года, о делении года на дни, недели и месяцы, так как поклонение богам у них приурочено к тому или другому времени года или дню. Сообщаемые здесь сведения добыты мною от стариков; молодежь о них ничего почти не знает.

Год по-ингушски называется «шо» и имеет 365 дней. Новый год празднуется тремя днями ранее, нежели у русских. Шегрен и Селезнев утверждают, что ингуши не знают деления на месяцы, но это неверно. Месяц называется «бут» (от названия луны), неделя — «кири» (от грузинского «кера»»), день — «де». Месяц делится на четыре недели, неделя — на семь дней, причем за первый день считается понедельник — оршот. Этот день посвящен ветрам (день ветров) и свободен от полевых работ; в противном случае все разнесет ветром. Вторник — шинери, день быков, в который нельзя их запрягать. Среда, называемая кер-Сели (т. е. день бога Сели), замечательна тем, что в этот день нельзя давать соседям ничего из дома, а в особенности огня; посвящена богу грома Сели. Четверг называется огой-ер (сокращенно ера). В этот день раньше бывали празднества в честь Огоя. Праздновали преимущественно одни девушки. Они ходили по домам и собирали всякую провизию. Придя в дом, они пели песню: «Эй, мама, пожалуйста, мама, выходи, мама, отпусти ты нас, нам некогда: у тысячи хозяек гости мы (т. е. нужно побывать еще у многих). Посмотри в ящик, всунь руку в ущат» (т. е. достань и вынеси что-нибудь). Получив что-нибудь, девушки делили собранное и уносили домой. Пятница — пернске (грузинское Параскева) ничем не ознаменовывалась; с принятием мусульманства этот день стал священным «джумэ». Суббота — шот — считается «днем волков»; кто почитает и празднует этот день, у того волк не будет таскать овец. Воскресенье — киринде, т. е. «недельный день» (слово взято у грузин), считается Божьим днем; прежде он праздновался всеми ингушами.

Божества

У чеченцев мы находим вполне развитую систему политеизма, или многобожия; но у них нет единообразной стройной системы мировоззрения, исходящей из какой-нибудь одной основной идеи, с разделением богов на старших и младших. Напротив, у чеченцев мы встречаемся с двумя противоположными системами богов: с одной стороны, культ предков и народных героев, а с другой — поклонение обоготворенным силам природы.

Домашний очаг, говорят чеченцы, есть место священное, избранное самим Богом; он неприкосновенен. Огонь, цепь, котел и очаг считаются священными, и даже такие части очага, как зола, сажа на потолке и пр., пользуются почетом в доме. Чем больше котлов насчитывается в роде или фамилии, тем род сильнее, почетнее. До поздних времен среди чеченцев существовал обычай покрывать головы котлами в минуты семейных несчастий; по смерти мужей жены выходили из дому, накрывали головы котлами в знак того, что им уже более не для кого поддерживать священный огонь и воду, так как уже некому совершать жертвы и возлияния над очагом. Такое несчастье является бедствием не только для живых, но и для предков, которые теперь голодны, наги, бедны и вымаливают себе пищу у других, как нищие. Очаг служит, таким образом, центром домашнего культа; существование и счастье всего рода и его потомства неразрывно связаны с очагом. Хозяин дома ежедневно перед трапезой лучшие части пищи бросает в священный огонь и просит у богов всякого благополучия семье.

У чеченцев существуют патроны, или боги, общие всему племени, затем патроны отдельных обществ (нескольких селений) и, наконец, покровители отдельных аулов или отдельных родов. Они носят в Чечне названия эрдов (или ерда), а у ингушей — цщу; но наряду с цщу для некоторых патронов у ингушей существуют и другие названия, как-то: ерда и дяла. Отличие местного от высших патронов заключается лишь в меньшем районе действия, но никак не в могуществе и силе. Как предок семьи был заинтересован в том, чтобы члены ее жили между собою в ладу и помогали друг другу, так же точно аульный патрон заботится о целом роде и даже нескольких родах и наказывает всякого нарушителя родовой солидарности. Поэтому если культ ближайших предков уже играл важную роль в организации семьи и общественной жизни, то тем большая роль принадлежит аульному патрону, на которого постепенно были перенесены все функции семейных богов.

Из общеингушских богов-патронов большой известностью пользуется Галь-ерда, упоминаемый еще в 1810 году в договоре ингушей с русскими. Плоскостные ингуши называют его «кумиром, обитающим в горах». В честь этого «ерды» посвящены храмы, оставшиеся от времен христианства, и выстроено несколько новых капищ в Хамахинском и Мецхальском обществах. Главный храм, замечательный памятник грузинской архитектуры, находится около селений Агенты и Тарш Мецхальского общества. Шегрень говорит, что в его время (1846) все ингуши, плоскостные и горные, приносили Галь-ерде жертвы на Троицу и Новый год.

Известен также Мелер-ерда, покровитель плодородия и напитков, выделяемых из хлеба. Идолу Гушмале посвящено много церквей, он пользуется уважением многих аулов плоскостных ингушей и даже соседних племен. Бог войны у ингушей называется Молдзы-ерда, что означает проворный дух. Он, подобно Аресу, шел на войну впереди ингушей и нес им победу. Его никак нельзя было уязвить, потому что он подобен тараму (духу); покровительствуемые им люди также были неуязвимы. Его почитали ингуши всех обществ и горные чеченцы. Ему молились, приносили жертвы и просили помощи на войне. Принять присягу на его имя никто не решался, иначе и правая, и виновная сторона, говорят, останутся без детей.

ПЕЧАТАЕТСЯ ПО МАТЕРИАЛАМ ИЗДАНИЙ:

1. Руновский А. Легенды, народная медицина, предрассудки и верования дагестанских горцев// журнал «Библиотека для чтения». 1862. № 8—9.

2. «Терский сборник за 1890 год». Кн. 2. Выпуск 3. Владикавказ, 1983.

АННА ЗАКС,
кандидат исторических наук

С легендарным имамом Шамилем вы еще не раз встретитесь на страницах этого номера журнала. Эта статья — рассказ о повседневной жизни предводителя горцев в его резиденции Дарго-Ведено. Старейший историк Анна Борисовна Закс повествует об уникальной экспедиции, осуществленной почти шесть десятилетий назад. Собранные тогда материалы стали библиографической редкостью и не потеряли познавательной и исторической ценности и сегодня.

В ГОСТЯХ У ИМАМА

Вождь в повседневной жизни

В 1936 году Государственный Исторический музей организовал экспедицию в Чечню. Одной из ее задач было ознакомление с бывшей резиденцией Шамиля, находившейся в четырех верстах от селения Ведено. Быть нашим проводником вызвался Омар-Али, сын известного в 70-х годах XIX века «абрека» Зелимханова. Молодой чеченец с большим интересом отнесся к своей работе.

На месте лагеря Шамиля был цветущий луг, и только внимательный взгляд археолога (в экспедиции участвовал известный ученый Евгений Игнатьевич Крупнов) мог заметить некоторые особенности пейзажа, позволявшие определить контуры бывшего лагеря. Это были остатки вала и рва, окружавшие его территорию. Шаг за шагом обследуя вал, его местоположение, высоту и ширину, можно было сделать топографическую съемку, определить границы лагеря, места входа и выхода из него.

Потом мы произвели тщательный осмотр территории лагеря. Описания его имеются в официальных документах и многих воспоминаниях. Однако лишь здесь, на месте, можно было получить о нем точное представление. В западной части сохранилась большая разбросанная куча белых камней — очевидно, остатки домов Шамиля. В центре — большая круглая яма, где купали коней. Неожиданные находки обнаружились непосредственно за границей лагеря с восточной стороны. Это были куски шлака, металлические обломки, гвозди, остатки инструментов, зола, обгоревшие камни. Очевидно, здесь находился лагерь русских солдат — военнопленных или бежавших к Шамилю от тягот царской армии.

Здесь же мы записали рассказ проходившего мимо старика чеченца: «Давно это было. Русский царь Николай был. Палкин звали. Землю у чеченцев забирал. Хотел чеченцев крепостными сделать. Пришел к чеченцам Шамиль. Ох, смелый, ох, ловкий, ох, джигит! Сказал: хочешь, чеченец, вольным остаться? Иди с нами. И пошла Чечня за Шамилем. Давали ему скот, кукурузу, хлеб; лучшие воины — чеченцы.

Устроил Шамиль здесь лагерь. И долго жил, воевал хорошо. Строгий был. Но все простить мог, только измены не прощал никогда...»

На наш вопрос: «Почему же не победил?» — старик не ответил, лишь горестно махнул рукой.

Материалы нашей экспедиции в сочетании с официальными документами и воспоминаниями современников позволяют получить довольно ясное представление о том, какой была резиденция Шамиля.

После взятия царскими войсками казавшейся неприступной крепости Ахульго Шамиль бежал в Чечню. Однако селение Дарго, где он нашел приют, было взято и сожжено М. С. Воронцовым. 28 июля 1845 года Шамиль перебрался в западную часть Чечни — Ичкерию, центром которой было селение Ведено. Близ него Шамиль купил у местных жителей участок земли и прибыл туда во главе группы мюридов с орудиями. Эту свою столицу он назвал Новое Дарго, чтобы показать, что у него есть много других Дарго. В дальнейшем Новое Дарго получило название Дарго-Ведено (Ведено на чеченском языке означает «плоское место»). Участок был выбран очень удачно: именно здесь горы как бы раздвигаются и образуют долину примерно 7 верст в окружности. С одной стороны она упиралась в скалы, с другой зияла глубокая пропасть, на дне которой бушевала горная речка. Посреди долины Шамиль построил просторный дом для своего семейства, а для себя — небольшой флигель с мезонином; рядом находилось помещение для мюридов. Фактически это была крепость, окруженная рвом и частоколом из толстых бревен, а также стеной с пушками на ней. Единственным полновластным хозяином этой резиденции, которого беспрекословно слушались все, был сам имам Шамиль.

Ребенком Шамиль был слаб, худ, часто хворал. Назвали его по деду — Али. По местному обычаю, чтобы «злые духи» не смогли найти малыша, родители дали ему новое имя — Шамиль. Мальчик постепенно поправился и вырос здоровым и крепким юношей. Летом и зимой он ходил босой, с открытой грудью. Рассказывали, что он мог перепрыгнуть яму в 12 аршин шириной, что никто не мог догнать его на бегу, побороть в любом состязании.

Воспоминания современников рисуют его с разных сторон. Все отмечают его храбрость, решительность, инициативность, умение достигать поставленных целей и, конечно, верность исламу.

Друг Шамиля и его биограф Абдуррахман, оставивший интересные воспоминания, дополняет эту характеристику. Он пишет, что Шамиль был очень добр и

Имам Шамиль.
Хромолитография неизвестного художника XIX в.

ласков по отношению к прислуге, к простым людям, к пленным. Отправляясь на войну, он одаривал их деньгами, пестрым ситцем, который так любили горянки, и просил молиться за успех предстоящего похода.

Но в военных делах он действовал жестко, а нередко и жестоко, и не только в борьбе с царскими войсками, но и в походах для присоединения к имамату новых районов, в карательных экспедициях против непокорных аулов. Он не останавливался перед кровопролитием, без сожаления казнил «отступников», дотла сжигая целые поселения.

По записанному нами устному преданию, по утрам Шамиль выходил на прогулку один. Он облачался в облегавшую его стройную фигуру зеленую суконную «чоху», украшенную газырями, в которых он нередко хранил документы, надевал белую чалму, повязывая ее поверх папахи, и желтую мягкую обувь. Держа в руке яблоко, он шагал к крутому берегу реки, чтобы выполнить совет аксакалов: день будет удачным, если с утра поклониться текущей воде и съесть яблоко с яблонн, выращенной в своем саду.

Однако трудно верить этому поэтическому рассказу. Обычно выход Шамиля из дома сопровождался торжественным ритуалом. У него было двести телохранителей. Они стояли за ним полукругом, держа наготове заряженные ружья. Когда по пятницам Шамиль направлялся в мечеть, жители аула мюриды выстраивались шпалерами от его дома до мечети. Мюриды следовалн за ннм, распевая священные песни.

Время от утренней трапезы до обеда он посвящал приему многочисленных посетителей. Вход в дом тщательно охранялся. В комнату Шамиля разрешалось входить только его сыновьям и наиболее близким ему людям. Остальных он принимал в особом помещении — «кунацкой».

К Шамилю приходили люди, пользовавшиеся его особой благосклонностью. Это были купцы из России, которые успешно торговали с горцами. В обмен на «красный товар» — разноцветные холсты, пестрые ситцы, галантерею и т. п. — они получали изделия местных умельцев. Иногда горцы отдавали своих детей «на воспитáние» русским друзьям-кунакам.

После приема посетители приглашались к обеду. Однако лишь близкие к имаму люди садились вместе с ннм за стол. Иногда к обеду приглашались дочери Шамиля — Наджибат, Софиат и Баху-Меседу. Имам обедал на полу, сидя на маленькой скамеечке.

Небольшая деталь: неизменной участницей обеда была подаренная Шамилю беглым солдатом маленькая пестрая кошечка, которую он очень любил. Она жила в углу его комнаты. Готовил ей пищу и кормил ее сам Шамиль. Когда во время осады Ведено Шамиль скрывался в лесах, кошечка очень скучала, ничего не ела. Вскоре ее нашли мертвой, похоронили с почестями и поставили памятник.

Обслуживал Шамиля большой штат людей. Это были пленные разных национальностей, изъявившие желание прислуживать имаму. Он объявлял их свободными, давал им жилье в особой слободке близ своего дома, одевал и кормил.

После обеда, а также в свободные от приемов утренние часы Шамиль со своими советниками обсуждал намечавшиеся реформы: организацию регулярного войска, систему управления, назначения наибов, обладавших светской и духовной властью, устройство общественной казны, введение регулярных податей и многое другое. Важнейшей реформой Шамиля, укрепившей его популярность, было освобождение рабов.

Особая комната была отведена для судебных дел. Суд вершил сам Шамиль. Он сидел в углу комнаты, опираясь на подушку. Перед ним, положив бумагу на колени или на пол, садился секретарь, записывавший ход судебного разбирательства. Позади стояла вооруженная стража. Вокруг садились советники. Жалобщиков или подсудимых вводили по очереди.

Немало времени Шамиль отводил переписке с наибами, другими должностными лицами и ответам на многочисленные вопросы.

Письма Шамиля представляют собой небольшие густо исписанные листки. Обычно писались они рукой секретаря, и лишь подпись принадлежит Шамилю. В большинстве своем письма датированы (по арабскому летосчислению) и обязательно снабжены овальной печатью. Письма из замка Шамиля доставляли адресатам специальные курьеры-гонцы. Каждый из них имел особый бланк за подписью имама или наиба. По предъявлении бланка гонец получал свежего коня, проводника, продовольствие и ночлег.

Несмотря на занятость очередными делами, Шамиль почти каждый день посещал тщательно собираемую им библиотеку. Там углублялся в изучение шариата, законов и ритуалов магометанской религии, знакомился с легендами, с творчеством древних философов, писателей и поэтов. Вечера проводил в кругу семьи. По закону ислама он имел нескольких жен. Каждая из них располагала помещением из трех комнат, в которых находилась лишь в дни, когда он к ней приходил. Остальное время жены проводили в комнатах, где жили их дети со специальными воспитательницами. Каждую из жен Шамиль посещал в течение одной недели, причем очередь на эти посещения строго соблюдалась. За этим следила «старшая» жена Патимат.

Два раза в неделю Шамиль приглашал к себе детей н угощал их самыми любимыми кушаньями.

Так проходили «мирные» дни имама. Но их было немного. Большую часть времени он проводил в походах...

ЛИТЕРАТУРА

1. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. X—XII. Тифлис, 1896.
2. Абдуррахман (сын Джемалэддинов). Выдержки из записки Абдуррахмана о пребывании Шамиля в Ведене и о прочем.// Кавказ. Тифлис, 1862. № 72—76.
3. Вердеревский К. А. Плен у Шамиля. СПб., 1856.
4. Законы Шамиля. Живописное обозрение. № 8. СПб., 1875.
5. Руновский А. Записки о Шамиле. СПб., 1860.
6. Руновский А. Шамиль. Биографический очерк// Кавказский календарь на 1861 г. Тифлис, 1860.
7. Руновский А. Шамиль в Калуге// Военный сборник. Т. XVII. СПб., 1861.
8. Крачковский И. Ю. Новые материалы о Шамиле// Известия ЦИК СССР. 4. XII. 1935.
9. Хроника Мухаммеда Тахира ал-Карахи о дагестаиских войиах в период Шамиля. Ленинград, 1941.
10. Чичагова М. Н. Шамиль на Кавказе и в России. Биографический очерк. СПб., 1889.
11. Бушуев С. К. Борьба горцев под руководством Шамиля. М., 1939.
12. Ибрагимова Мариам. Имам Шамиль. М., 1991.
13. Закс А. Б. Северо-Кавказская историко-бытовая экспедиция Государственного Исторического музея. 1936—1937 гг. Отчет. М., 1941.

ПЕРЕВЕРНУТЫЙ МИР БЕСКОНЕЧНОЙ ВОЙНЫ

Война на Кавказе настолько не изучена, что даже в любой энциклопедической статье, претендующей на строгую научность, можно чуть ли не после каждого слова поставить вопросительный знак. Начиная прямо с заголовка (Кавказская? война?) и дат ее начала (1817?) и тем более окончания (1864?). Единства мнений не существует до сих пор. Вот почему в предлагаемом «круглом столе» принимают участие ученые, имеющие совершенно различные точки зрения. Историки из Дагестана и Осетии, адыгский (раньше бы сказали — черкесский) философ согласились поделиться своими мыслями в надежде хотя бы сориентировать наших читателей в тех научных поисках, которые ведутся в настоящее время.

Ф. Рубо. Переход князя Аргутинского через Кавказский хребет.
Дагестанский музей изобразительных искусств.

В «КРУГЛОМ СТОЛЕ» ПРИНЯЛИ УЧАСТИЕ:

доктор исторических наук, профессор
Макс Максимович Блиев
(Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л.Хетагурова);

доктор исторических наук, профессор
Владилен Гадисович Гаджиев
(Дагестанский научный центр Российской Академии наук);

кандидат философских наук
Азамат Романович Джендубаев.

— Насколько термин «Кавказская война» отражает сущность происходивших событий? Что это было: завоевание, колонизация, гражданская война?

В. Гаджиев. Мне пришлось одному из первых в советской историографии поднять вопрос о неправомочности термина «Кавказская война». В прошлом веке Р. А. Фадеев ввел это обиходное название в качестве научного термина, отнеся начало войны к 1801 году, ко времени присоединения Грузии к России. Я считал, что этот термин не соответствует тому, о чем мы хотим писать. И когда в 1963 году мне прислали на рецензирование статью для энциклопедии, я написал, что «Кавказская война» не оценочный термин, а всего лишь географическое определение. Меня вызвали в Москву — статью-то в энциклопедии хотели назвать «Кавказские войны» — и пришлось выступать одному против сорока московских историков. Дело дошло до перехода на личности. Меня спрашивали: « Так что же, войны не было?» Я объяснял: «Друзья! Если войну понимать как то, когда друг в друга стреляют, — то была. Но нам же нужно понять ее сущность».

В то время в Аварии был свой хан, в Казикумухе — свой, там — свой, там — свой, и все признавали русского царя. Шамиль и Гази-Мухаммед подняли в Аварии восстание, начав военные действия одной группировки горцев против другой. Не будем пока говорить «класса». Феодализирующаяся верхушка не получила от России привилегий, в отличие от ханов, имевших ордена, генеральские звания, пенсионы. И вот и в Чечне, и в Дагестане начинаются выступления против легитимных правителей: Гамзат-Бек и Шамиль завоевывают Хунзах и уничтожают ханов. Шамиль убил даже малолетнего Булач-хана, чего аварцы ему не простили — так же, как Европа не простила Наполеону Эстергази. Не зная этого, этнографы удивляются — как это в Хунзахе не любят Шамиля? А ведь были убиты женщина и ребенок — для горцев вещь недопустимая, требующая кровной мести всему роду. (А горцев надо принимать такими, какие они есть — горцы есть горцы, не европейцы. Не дикари, нет, но у них своя, особенная культура.)

Так что же это — война? Это восстание, или, кому больше нравится, народное движение. Но факт остается фактом — горцы восстали против своих правителей, а антиколониального движения не было. В 1835—1837 годах Шамиль даже собирался встретиться с Николаем в Тифлисе, и если бы не его окружение, может, даже бы и поехал. Так как называть это явление? Может быть, сравнить его с крестьянскими войнами в Германии и России? Восстание могло и здесь превратиться в войну, но это уже надо исследовать и объяснить. Вот почему больше всего подходит оценочный термин: «народно-освободительное движение».

М. Блиев. Название «Кавказская война» было предложено в российской дореволюционной историографии, а советские историки его отвергли.

Строго говоря, термин не совсем отражает историческую действительность. Что придумать, чтобы обозначить это масштабное явление? Назвав его «национально-освободительным движением», мы погрешим против истины. Термин «национально-освободительное движение» появился из чисто политических побуждений, ведь национально-освободительное движение требует иных структур. Тогда как назвать это явление? Революция? Да, это революция, хотя и не в том смысле, к которому мы привыкли после бурных потрясений XX века, после Октября 1917-го. Это революция для вольных обществ Северо-Восточного Кавказа и для так называемых «демократических» племен Северо-Западного Кавказа.

Но я предпочитаю говорить «Кавказская война» — это понятнее. Я уверен, что со временем будет найден термин, более точно отражающий суть дела. Название «Кавказская война» не очень искажает события, оно как бы объединяет, хотя и упрощая, разноплановые факты и процессы: здесь и переходная экономика, связанная с формированием феодальной собственности, и образование государственности, и формирование новой идеологии, обслуживающей вышеназванные процессы, и столкновение интересов России и горцев Большого Кавказа, а также внешнеполитических интересов Великобритании, Турции, Персии. А все это всегда происходит через насилие, через военные действия, а не через демократию и демонстрации...

Шамиль сам говорил, что война должна была привести к созданию «свежего сословия»: на основании вольных обществ и родовой знати должен был сформироваться новый феодальный класс. Он же указывал, что старые беки, ханы паразитировали, и воевал с ними, как с соперниками.

Перечисляя главные задачи войны, Шамиль нигде не упомянул о войне с Россией — вот что интересно. В России воплощался образ врага — и только. Ведь второй имам Гамзат-Бек никогда не вступал в бой с русскими, хотя говорил о необходимости войны с Россией. Гамзат-Бек собрал войско против аварских ханов, разбил их и даже сам объявил себя ханом. Это было началом новой государственности. В то время и на западе, и на востоке племена, находящиеся в сходных географических условиях, синхронно переживали одни и те же процессы государствообразования.

Вообще приближение России к Кавказу и освоение ею Предкавказья — это одна из причин войны. Россия оживила экономическую жизнь Предкавказья. Не желая того, она фактически толкала горцев к перемене образа жизни. Знаете, как чеченцы охотились за русскими офицерами и для чего? Броневский в книге «Кавказцы» (1823) описывал, как чеченцы, переправившись через Терек, ждали по 2—3 дня у дороги, хватали офицера или купца, привязывали к бревну и переправляли к себе. На выкупе они зарабатывали большие деньги.

А. Джендубаев. Россия вела колониальную войну. Может быть, со временем такой характер войны стал лучше осознаваться. Мне както попалась брошюрка с примерно таким названием: «Речи, произнесенные на заседаниях кавказского общества». В ней собраны выступления участников Кавказской войны в разные годы. Знатнейшие представители российской элиты произносят тосты: за Кавказ, о Кавказе и т.д. В самый разгар войны еще звучат слова о гуманной миссии России, о том, что она должна стать источником света, культуры и просвещения для кавказских народов, что Россия несет цивилизацию на Кавказ. Потом, когда сопротивление стало нарастать, начинают преобладать воинственные ноты: «Кости наших сотен и тысяч солдат белеют в горах, и мы не вправе оставить территорию, за которую заплачена столь высокая цена». А немного спустя уже идет спор: кем заселить занятые земли — как будто там и нет никого. Кого приглашать: прибалтов, немцев, славян? Подчеркиваю: спор идет уже не о том, как «цивилизовать» горцев, а о том, кого поселить на их земли. Ожесточенность войны связана прежде всего с тем, что именно Северо-Запад с его плодородными землями был целью завоевания. Ведь и сейчас многие земли включены в состав Ростовской области, Краснодарского края. Об их былой принадлежности говорит только топонимика: Туапсе по-адыгски означает «двуречье», Мацеста по-убыхски — «огненная вода». Мы говорим «горцы», но ведь на самом деле народы Северного Кавказа жили и на равнине. Они защищали свою землю, как источник жизни, защищали свою культуру, свой образ жизни и в конечном счете свое право на жизнь.

— Как бы вы оценили роль Ермолова: объективно он способствовал или препятствовал развитию конфликта на Кавказе?

В. Г. Ермолов — неоднозначная фигура. Его здесь, на Кавказе, только черной краской описывают, но это неточно. Он трудяга — возьмите хотя бы тот факт, что все свои рапорты он пишет сам. Ханства сохранить Ермолов не хочет — он же представитель России, европеец, а тут какие-то ханства. Но сразу уничтожить их нельзя. И Ермолов всеми доступными средствами начинает вести политику против ханств.

М.Б. Ермолов, человек европейски образованный, герой Отечественной войны, провел в 1816—1817 годах большую подготовительную работу и в 1818 году предложил Александру I законченную

Седло и кобура Шамиля.
Дагестанский краеведческий музей.

программу своей политики на Кавказе. Ермолов ставил задачу и з м е н и т ь Кавказ, и прежде всего Большой Кавказ. Но Ермолов не подозревал, что, ставя перед собой задачу коренным образом изменить обстановку на Кавказе, он и не заметит, как Кавказ будет менять его самого. Главная задача Ермолова — покончить с набеговой системой на Кавказе, с тем, что он называл «хищничеством». Кстати, этот термин, как и «мошенничество», «разбой», появился задолго до Ермолова. Он начал политику военно-экономической блокады с Дагестана, откуда шли набеги на юг, в Грузию, и на север, в Россию. От мирного, достаточно спокойного обращения он стал переходить к жестким мерам. Резкие тона в документах доходят до нецензурных выражений (в документах, подчеркиваю!). Предпринимались и карательные экспедиции. Я далек от мысли, что перед Ермоловым стояла задача совершать геноцид. Для этого у России не было ни политических, ни идеологических, ни экономических мотивов. Сам Ермолов хотел не только обеспечить безопасность Грузии, русской границы, но и оградить народы Кавказа от тяжелых и разорительных набегов. Он считал, что выполняет цивилизаторскую миссию на Кавказе.

И советские кавказоведы, и иностранные путешественники, и русские авторы при виде многочисленных каменных башен горцев почему-то думают о жуткой междоусобной борьбе, о какой-то взаимной неприязни. А на самом деле: почему горец строил башню, почему он воевал? Как ни трудись, земледельческими продуктами горец может обеспечить семью на 3—4 месяца (земледелие в горах — очень тяжелый труд). Те, кто доказывает, что основное занятие горцев земледелие, видимо, сам никогда им не занимался. Великий почвовед Докучаев вообще удивлялся, как на такой почве хоть что-то растет. Основное занятие горцев — скотоводство. Причем есть постоянный риск потерять свой скот от бескормицы, болезней, набега. И если это случается — горец сам идет в набег. Так происходит своего рода перераспределение. И башня нужна для того, чтобы укрыть скот и защитить его. Было такое правило: если ты успел загнать скот к себе и закрыть ворота — скот уже твой.

Ермолов решил покончить с таким «хищничеством». И заслужил прозвище Ер-мулла. Только много позже, спустя десять лет, он признался в том, что поступал противоестественно, что его задача была невыполнима. И он в 1826 году разрешил горцам заниматься набегами! Он перешел к политике установления русской администрации, надеясь, что если она найдет поддержку у местного населения, то сможет справляться и с набегами. Это было правильное решение. Ему надо было с самого начала создать непрямую форму администрации с опорой на местные органы власти — на те же вольные общества,

но уже управлявшиеся русскими чиновниками. Ермолов был военным и поступал как военный. Все признают, что военно-экономическая блокада Северного Кавказа была установлена им быстро и прочно. Но именно эта блокада приблизила ту крупномасштабную войну, которая вскоре разразилась. Война все равно была неизбежна. Я не вывожу войну из политики Ермолова, но считаю, что она ускорила столкновение. Добавлю, что было сильное встречное движение к войне, основанное на идеологии, проповедуемой Мухаммедом Ярагским. Русские историки подвергались критике со стороны Шамиля за их непонимание мюридизма как основы Кавказской войны.

Мюридизм как идеологию блокада спровоцировать не могла, ибо идеология имеет внутренние причины.

— А была ли такая идеология на Северо-Западном Кавказе?

М.Б. Конечно. В более слабой форме, но была. Магомед-Эмин насаждал там шариат. Там в большей степени, нежели на Западном Кавказе, сохранялось влияние язычества, отчасти христианства. Да и сами боевые действия начались позднее, с созданием черкесского государства. А набеговая система существовала аж с XVI века, а к XVIII веку достигла расцвета. В 40-е годы XIX века все это как бы «оформилось» в Кавказскую войну. И появилась потребность в идеологии, в мюридизме.

А. Д. В наших краях война шла не под исламскими лозунгами. Все попытки Шамиля через своих единомышленников организовать газават не удались. Война на Северо-Западе не привела к образованию каких-либо новых объединений вроде имамата на Северо-Востоке. И все же можно сказать, что именно в результате войны произошла исламизация Северо-Запада, хотя, безусловно, религиозное сознание здесь до сих пор включает множество языческих элементов.

В. Г. Я боюсь, как бы с Кавказской войной не было перехлеста. Мне доводилось рецензировать сценарий фильма, где войну хотят показать как религиозную революцию, наподобие (хотя и очень приблизительно) той, что случилась по соседству, в Иране. Но в Дагестане этого не было совершенно! Хотя внешне очень похоже, поскольку происходила замена адатов шариатом. Я трижды писал и переписывал главу о приходе Шамиля к власти и пришел к выводу: Шамиль перестает быть шейхом и имамом, когда он берет власть — он сельский человек. И все же Шамиля нельзя превращать в лидера религиозной революции.

Раньше писали, что идеология мюридизма была «реакционной», «отсталой», поскольку изолировала горцев. Но и сейчас вопрос о мюридизме не решен, и даже знающие люди не возьмутся категорически сказать: да, это хорошо или да, это плохо. Трудно даже решить, насколько мюридизм был идеологией, да еще организующей. Были общемусульманские лозунги. Были суфисты — мистики, отшельники. Но суфизм и газават совершенно несоединяемые вещи! Суфизм — уход от мирского, отшельничество.

С газаватом в исторической науке вообще напутано очень сильно. Газават — сторона джихада. Джихад не обязательно означает воевать и стрелять в «неверного». Есть джихад с самим собой. Вот решил я курить бросить — я делаю джихад. И неправы те, кто говорит: джихад — оборонительная война, газават — наступательная. Это элементарное незнание Корана и Востока. «Воюйте против неверных» — сказано в Коране. Но неверный не христианин, а тот, кто не верит в Бога. Христиане и иудеи — «люди книги», Мария и Иса (Иисус) — почитаются в Коране. Арабы не снимали правительств в завоеванных странах, кстати, как и царские власти не снимали местных правителей. Нигде в Коране не сказано о насильственном обращении в мусульманство. Вообще, Коран нельзя переводить на другие языки, не потеряв важнейших смысловых оттенков. Мухаммед сам сказал: «В моем Коране каждое слово обозначает 76 смыслов». И трагедия в том, что мусульманство до сих пор считают религией отсталой, а мусульманские народы — дикими, агрессивными.

— Как за последние 75 лет изменялся подход к Кавказской войне в отечественной исторической науке?

М. Б. Профессор М. Н. Покровский в 20-е годы употреблял по отношению к русско-кавказским отношениям только термин «завоевание». Позднее, около 1936 года, от термина «Кавказская война» отказались вообще, приняв, с подачи Сталина, термин «национально-освободительное движение». А в начале 50-х годов, когда первый секретарь ЦК компартии Азербайджана М. Д. Багиров предложил «новую», явно надуманную, оценку, вообще не могло идти речи ни о «Кавказской войне», ни о «национально-освободительном движении» — только о происках иностранной агентуры.

В. Г. Во времена профессора Покровского дело доходило до полной идеализации: там, например, вместо настоящего Шамиля действует некий придуманный человек. Указывали даже на вмятину от пятки на скале, с которой однажды прыгнул Шамиль...

Потом все переменилось. Первый раз хорошо отозвались о Шамиле авторы учебника истории для 4-го класса. Книжка вышла в 1934 году. Я знал автора этих 5—6 строк. Он рассказывал, что, когда работал в Историческом музее, ему однажды позвонили ночью: «Валентин, срочно напиши о Шамиле. Только что было совещание у Сталина, и он спросил: "Что же вы не пишете о Шамиле? Он же был герой!"» И потом те, кто узнал, что именно он написал те 5—6 строк, стали заказывать материалы на эту тему. К началу войны была готова и даже набрана в Москве целая книжка. Она не вышла, что спасло автора от репрессий после изменения взглядов на Шамиля.

14 мая 1951 года вышло постановление Совета Министров СССР, отменяющее решение о присуждении Сталинской премии Г. Гусейнову за книгу об общественно-политической и философской мысли Азербайджана. Книжка, честно говоря, была невысокого уровня. Но там была фраза из Мирзы Казем-Бека, знаменитого востоковеда и католика: «Шамиль был не только герой, но и создатель героев». А Багиров, первый секретарь ЦК компартии Азербайджана, возмутился тем, что Гусейнов якобы хвалит реакционера Шамиля.

Вскоре после этого Н. А. Смирнов, автор книги «Мюридизм на Кавказе», написал брошюру для общества «Знание» под названием «О реакционной сущности...» и т.п. Вскоре в «Правде» появилась статья первого секретаря Дагестанского обкома партии А.Данилова — дескать, не вся реакционность учтена в книжке. Я был тогда в Институте истории, в аспирантуре. Обсуждение статьи проходило в секторе истории религии и атеизма (во главе его стоял В.Д.Бонч-Бруевич) — там присутствовал и я. Смирнов стал каяться: мол, я упустил, недосмотрел... А Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич встал и говорит: «Николай Александрович! Что вы как школяр? Там какой-то неграмотный человек написал, а вы, ученый...»

В декабре 1956 года была всесоюзная дискуссия о Шамиле в Москве. Там я покритиковал Смирнова и на реплику, что, мол, время такое было, ответил: «А что, для Бонч-Бруевича другое время было?» Выступавший за мной потребовал: «Снять с него (то есть с меня) кандидатскую степень!» А на следующий день меня вызвали в ЦК. Туда в ту же ночь поступило извещение из МГУ: «Срывается дискуссия: с человека за высказывания хотят снять степень».

После 1956 года стали возвращаться к научным исследованиям. Мы выпустили «Историю Дагестана» в двух томах, где Шамиль был показан как руководитель народно-освободительного движения. С тех пор, по-моему, ничего принципиально нового не появилось.

— Но сейчас идет серьезная научная борьба в связи с работами профессора М. М. Блиева...

М. Б. Я и не подозревал, что после публикации моей статьи в журнале «История СССР» в 1983 году развернется такая борьба. В свое время грузинский историк Гамрекели в своей докторской диссертации и статьях пришел к выводу, что экономический упадок Восточной Грузии в XVIII веке произошел под напором набегов со стороны Большого Кавказа. Он даже провел аналогию между падением Римской империи под ударами варваров и упадком Грузии под ударами горцев Большого Кавказа. Отмеченная им связь набеговой системы с уровнем общественного развития меня серьезно заинтересовала, и я продолжил работу в этом направлении.

Хирургические инструменты Пирогова, которыми он сделал в 1847 году, в раз-гар Кавказской войны, первую операцию с применением наркоза.
Дагестанский краеведческий музей.

Тогда Кавказская война еще была запрещенной темой. В мае 1982 года тогдашний главный редактор «Истории СССР» И.Д.Ковальченко, решив опубликовать мою статью, отправился в отдел науки ЦК КПСС. Там ему неожиданно сказали: «На ваше усмотрение». И материал вышел, даже в обход обычной очереди.

В ноябре 1983 года на Всесоюзном совещании заведующих кафедрами я почувствовал реакцию коллег. А в отделе науки ЦК собрали совещание (автора, ясное дело, не пригласили). И постановили: напечатать оппонентов Блиева! Началась дискуссия, но, к сожалению, больше политико-идеологическая. Меня обвинили в том, например, что я против присоединения народов Кавказа к России, что я противопоставляю горских жителям равнин и т.п. Критикой занялись те, кто к науке не имел отношения: политики, писатели, поэты (Р.Гамзатов говорил обо мне на пленуме Союза писателей СССР). Я же мечтал и мечтаю, чтобы у меня были оппоненты в академическом смысле — критикующие на уровне фактов, источников. Но даже в журнале «История СССР» критические статьи носили «погромный» характер и были написаны скорее о Блиеве, чем о Кавказской войне.

Многие меня просто не поняли, так как в своей статье я не объяснил фундаментального вопроса об общественном устройстве и хозяйственном строе горцев. Свое исследование в этом направлении я построил на фактах, собранных историками Дагестана, в том числе и моими оппонентами. (В Дагестане, на мой взгляд, сильнейшая на Кавказе научная школа, и я высоко ценю таких историков, как Р. М. Магомедов и В.Г.Гаджиев. Прекрасно исследовал отдельные общества Б.Г.Алиев.) Изучив и проанализировав их работы, я увидел, что феодализма в горах Кавказа не было — ханы выполняли военные функции, но наделялись землей, как все общинники. Это был период перехода от «военной демократии» к раннефеодальному государству. Похожие споры, кстати, идут о ранней Киевской Руси. Мои оппоненты для опровержения моих выводов должны бы были опровергать собственные факты. Но пока в печати серьезных возражений не появилось.

— Можно ли согласиться с датами начала и конца войны, которые приводятся в справочниках и учебниках: 1817—1864 годы?

В. Г. В 1812 году практически весь Дагестан принял подданство России. Есть типичный договор, впервые подписанный в 1803 году аварским ханом в Хунзахе, с клятвой на Коране, при множестве гостей, — договор почти равных государств. И когда шла русско-пер-

сидская война, персы не смогли поднять горцев против России. Горские ханы восставали — и не только в Дагестане — против попыток Ермолова ввести российские формы управления. И это понятно: ханам там места не отводилось. С 1816 до 1821 года царские войска «успокаивают» ханов. Начинается русско-персидская война (в 1826 году), а ханы не поднимаются против России — они вступают в русские войска. Это был своего рода «отхожий промысел» горцев — военная служба. Горцы ведь, бывало, ставили на царство и снимали грузинских царей, служили сами в Турции. Русско-турецкая война 1828—1829 годов — опять невероятный нажим с целью поднять горцев против России. В ход пускаются все средства: известна история о том, как караван из 26 мулов с золотом для подкупа шел сюда через Закавказье, но не дошел.

После 1821 года шли стычки с казаками и русскими гарнизонами — так называемое «наездничество», когда представители родов («тухумов», или по-чеченски «тухкумов») участвовали в набегах, и аксакалы, бывшие порой за 50 километров, не всегда могли это запретить.

И вот в 1829 году война с Турцией заканчивается, подписан мирный договор, а на Северном Кавказе начинается движение Гази-Мухаммеда и Шамиля. Если определить дату, связанную с народно-освободительным движением горцев, то это, видимо, 1829—1830 годы — начало военных действий первого имама Гази-Мухаммеда против аварских ханов, его первое нападение на их столицу Хунзах.

М. Б. Когда началась Кавказская война — это нерешенная проблема. Кое-кто вообще склонен датировать начало Кавказской войны XVI веком — периодом, когда стали завязываться русско-кавказские отношения. Но Кавказская война должна рассматриваться не в контексте русско-кавказских отношений, а в контексте внутренних общественных процессов на Большом Кавказе. И если говорить о начале войны, я бы сформулировал это так: поскольку переход к новым формам и структурам горских обществ, набеговая система и сопровождающая ее идеология сформировались к 20-м годам XIX века, то начало Кавказской войны можно отнести к 1823—1824 годам. Это проявилось в том, что Мухаммед Ярагский — известнейший религиозный авторитет — уже сформулировал основные принципы и положения мюридизма. Я напомню такой эпизод: когда Мухаммед Ярагский собрал своих сторонников и еще раз напомнил об основных положениях этой идеологии, они сделали деревянные сабли и стали бить ими по камням, обращаясь лицом к России и повторяя установки о вечной борьбе против нее, которые только что изложил учитель. Таким образом сформировались не только основные признаки мюридизма как идеологии, но и образ врага. Шамиль и Кази-Мулла приняли шариат именно под влиянием Мухаммеда Ярагского.

Вместе с тем не надо забывать, что «газават»— война не только с Россией, но со всеми, кто не принимает шариат,— будь это чеченец, дагестанец или русский. Этот принцип прекрасно обосновывал набеговую систему. Она получила идеологическое обоснование, ибо горцы не всегда оправдывали набеги, их осуждала родовая организация. А тут шариат, газават — все оправдано.

В Грузии генерал Мурмышев боролся с набегами со стороны Дагестана уже в начале XIX века. А уж когда появилась русская граница, богатые города и казачьи станицы — началась переориентация на юг, на них. А это как раз 20-е годы XIX века.

— Насколько существенным было английское и турецкое влияние?

М. Б. На северо-востоке такого влияния практически не было, и Шамиль относился к подобным попыткам турок и англичан очень критически. Отношение к турецкому султану было негативным. Гази-Мухаммед говорил: «Когда я возьму Москву, отправлюсь в поход на Стамбул».

Северо-Западный Кавказ был под серьезным влиянием турок: они прямо пытались направить набеги в антироссийское русло. Инцидент со шхуной «Виксен», привезшей оружие к берегам Кавказа, был пробным шаром сил англичан: как среагирует Россия, кто в Европе выступит против России — уже шла подготовка к Крымской войне.

— Так что же, сборник документов «Шамиль — ставленник султанской Турции...», вышедший в начале 50-х годов нашего века,— фальшивка?

В. Г. Документы сами по себе совсем неплохие, настоящие. Только уберите придуманные составителями заголовки — вроде «О двуличной политике турецкого султана», — и будут настоящие документы. Все дело в интерпретации.

Думаю, что объявление Шамиля английским шпионом имело целью указать, что «реакционность» Шамиля не имела корней здесь, на Кавказе.

— Насколько сама Россия осознавала, что ведет колониальную политику, и насколько она ее реально вела?

М. Б. Я вижу два этапа в русско-кавказских отношениях. Первый: установление отношений с Россией, присоединение к ней с сохранением собственных правителей. Второй: установление российской самодержавной администрации с помощью военной силы. Присоединение хронологически не совпадает с установлением администрации — для Осетии, например, больше чем на полвека.

Была ли российская администрация колониальной? Смотря что понимать под словом «колония». Россия не была капиталистической страной и колоний «капиталистического» типа не имела. В Осетии, например, Россия устанавливала обычную администрацию и должности там зачастую занимали осетины.

Возьмем теперь Дагестан. Уже с XV века у Дагестана были с Россией торговые отношения. Развила эти отношения Персидская экспедиция Петра I. Но хотя она и проходила по территории Дагестана, ее целью было сделать весь Каспий «русским озером». Причем

Петр сформулировал вполне конкретно «кавказскую программу» России, и она реализовывалась на протяжении всего XVIII века. И отношения Дагестана с Россией развиваются вполне нормально, на основе торговли. К чести дагестанских историков, они никогда не путали русско-дагестанские отношения и присоединение Дагестана в ходе Кавказской войны. Не случайно они совершенно справедливо относят присоединение Дагестана к России к окончанию русско-персидской войны и заключению Гюлистанского договора 1813 года. После 1818 года Ермолов сделал попытку установления российской администрации в Дагестане, что вызвало военное противодействие.

ФОТО ПАВЛА МАКСИМОВА

Место гибели Гази-Мухаммеда.

— Каковы основные проблемы, стоящие перед историком, занимающимся изучением Кавказской войны?

В. Г. Давным-давно пора избавиться от политизации истории. Пусть в этом разбираются историки. Политизация сейчас страшная, и писать о Кавказской войне ничуть не легче, чем в прежние годы. Раньше я должен был обсудить свою книгу с учеными людьми. А сейчас ее начинают оценивать некомпетентные люди, которые не знают историю; для них важно только то, что это было героическое время. Им не хочется, чтобы герой плакал, нужно только, чтобы он воевал и побеждал. Или вдруг начинают всю историю Кавказа рассматривать через призму Кавказской войны, что совершенно недопустимо. До войны одна история, после нее — другая. Ведь было не только объединение России, шло объединение и у нас. Так что необходимо заново обратиться к источникам. Вот почему сейчас у нас готовится обширный сборник документов. Всего в него войдет около 500 документов, причем я постарался включить ту коллекцию документов, которую сам долго собирал по архивам Москвы, Петербурга, Тбилиси. Главное внимание уделено документам наиболее представительным, менее всего бывшим в историческом обороте. Планируется тираж в 20 тысяч экземпляров.

М. Б. Меня очень волнует, не обидел ли я народы, о которых пишу, — научная истина может вызвать всплеск отрицательных эмоций. Но в своей монографии, которая, я надеюсь, выйдет в этом году, я, наоборот, возвышаю участников Кавказской войны, ставлю ее на принципиально иной уровень, не относя к сфере противоборства между народами Кавказа и России, а как бы возвращая Кавказскую войну Кавказу, той героической эпохе, которой гордится каждый (как осетины, например, гордятся своим Нартским прошлым). Герои Кавказской войны — герои эпоса дагестанцев, адыгов, шапсугов. И Шамиль — герой эпического масштаба. И героическое прошлое не в противоборстве с Россией.

А. Д. Разрушение единой, официальной точки зрения привело к множественности оценок; некоторые из них становятся просто опасными для судеб народов. Требуется объективный взгляд на прошлое, чтобы лучше ориентироваться в настоящем. Но для этого нужна объективность, на которую способны только незаинтересованные стороны. Сейчас исторические факты используются не для утверждения национального достоинства, расширения знаний, уровня культуры, а для более прагматичных вещей: обоснования притязаний на ту или иную территорию, осуждения или оправдания неких исторических событий, которые кому-то хочется трактовать в выгодном для своего народа свете. Ситуация усугубляется последствиями сталинских репрессий, серьезными территориальными переделами. Необходимо накопление фактического материала, а для этого требуется значительное время. Необходимы и холодные, искренние умы, способные из всей совокупности фактов прошлого с учетом реальностей настоящего сформировать ядро истины о той войне. Это деликатная работа, требующая профессионалов, которых сейчас нет.

— А правильно ли мы поступаем, когда в наших сложнейших условиях, особенно в области межнациональных отношений, обращаемся к этой теме? Не подливаем ли мы масла в огонь?

А. Д. С моей точки зрения, правильно. Кавказская война — это действительно забытая война. Жертвами умолчания стали все участвовавшие в ней стороны. Лучше поняв прошлое, мы точнее найдем решение проблем сегодняшнего дня.

Заочный «круглый стол» организовали

ДМИТРИЙ ОЛЕЙНИКОВ и ВИКТОР БОНДАРЕВ

Война в горах

ФОТО АНАТОЛИЯ ЧЕРЕЯ

Чтоб от недруга край свой сберечь,
Не затевают длинную речь.
Коня вороного седлает Кербеч,
Храбрых джигитов сзывает Кербеч,
Им по руке и кремневка, и меч...

Из адыгской песни «Кербеч»

ДМИТРИЙ ОЛЕЙНИКОВ,
кандидат исторических наук

«ВОЗЬМИ, ЕСЛИ МОЖЕШЬ...»

Эта война длилась более сорока пяти лет. Она началась, когда император Александр I собирался даровать России конституцию. Под пули горцев шли герои 1812 года во главе с самим Ермоловым.

Она продолжалась и когда декабристы готовили государственный переворот, и когда Николай I отправил часть заговорщиков в «теплую Сибирь» — в действующую Кавказскую армию.

Она казалась уже привычной составной частью русской жизни во времена Лермонтова — сам поэт написал очерк о кавказском офицере в качестве зарисовки из российской повседневности(!).

Фейерверкер 4-го класса Лев Толстой наводил свое орудие на непокорных чеченцев; в дни великого поста 1861 года по селам и деревням читали указ Александра II о том, что крепостное право в России отменяется навсегда, а война все шла.

Зачем она велась, кто был прав, кто виновен в этой войне, была ли одержана победа? На эти вопросы и по сей день не существует прямого и точного ответа.

ПАМЯТНЫЕ МЕСТА И СОБЫТИЯ

1 ЗАКЛАДКА УКРЕПЛЕНИЯ ПРЕГРАДНЫЙ СТАН В ОКТЯБРЕ 1817 ГОДА НА Р. СУНЖЕ. НАЧАЛО ПЛАНОМЕРНОГО ПРОДВИЖЕНИЯ РУССКИХ ВОЙСК В ГОРНЫЕ РАЙОНЫ. ФАКТИЧЕСКОЕ НАЧАЛО КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ

2 ВЗЯТИЕ АУЛА ГОЦАТЛЬ 18.10.1834 И НАЧАЛО БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ ПРОТИВ ШАМИЛЯ

3 ШТУРМ АУЛА АХУЛЬГО 22.08.1839, ЗАПЕЧАТЛЕННЫЙ НА ЗНАМЕНИТОЙ ПАНОРАМЕ Ф. РУБО

4 СРАЖЕНИЯ НА Р. ВАЛЕРИК 11.07.1840 И 30.10.1840, В КОТОРЫХ УЧАСТВОВАЛ М. Ю. ЛЕРМОНТОВ

5 ВЗЯТИЕ АУЛА ГУНИБ 25.08.1859 И ПЛЕНЕНИЕ ШАМИЛЯ

6 УРОЧИЩЕ КБААДА (КРАСНАЯ ПОЛЯНА), ЗАНЯТИЕ КОТОРОГО 21.05.1864 СЧИТАЕТСЯ ОКОНЧАНИЕМ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ

Легче всего понять географические причины войны: три могучих империи — Россия, Турция и Персия — претендовали на владычество над Кавказом, бывшим издревле «воротами» из Азии в Европу. Отношение к этому соперничеству самих кавказских народов учитывалось явно недостаточно.

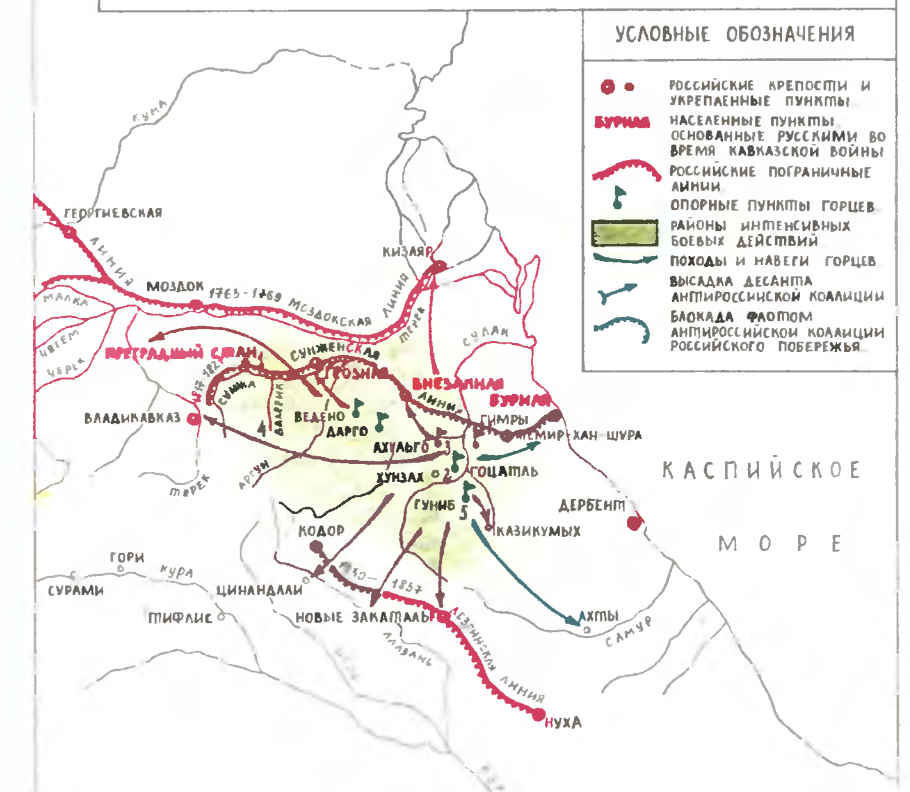
В начале прошлого века Россия отстояла свои права на Грузию, Армению и Азербайджан в двух войнах с Персией (1804—1813 и 1826—1828 годов) и двух — с Турцией (1806—1812 и 1828—1829 годов). Народы Северо-Западного Кавказа как бы «автоматически» «отошли» к России. Однако горцы не были согласны с таким поворотом событий. Когда один из русских генералов попытался объяснить черкесам, что турецкий султан уступил Кавказ русскому царю в дар, слушавший его старик горец показал на вспорхнувшую с дерева птичку и сказал: «Дарю тебе ее. Возьми, если можешь». На востоке Кавказских гор народы Дагестана признали власть царя (их правители получили даже генеральские чины и жалованья), но только потому, что в их горные районы русские не заглядывали.

Как только начались попытки царской администрации навязать вольным обществам горцев российские законы и обычаи, на Северном Кавказе стало быстро расти недовольство. Особенно возмущали горцев запреты на набеги (в то время род обычного промысла в горах), необходимость участвовать в строительстве крепостей, мостов и дорог, новые налоги, а также поддержка чиновниками местных феодалов. Так смешались противоречия: и вызванные столкновением несхожих культур, традиций и законов, и порожденные общественным неравенством горцев, и усиленные несправедливостью конкретных людей, обладавших властью. Любое событие могло стать искрой, от которой вспыхнет пожар войны.

Поводом к войне стало появление на Кавказе генерала Алексея Петровича Ермолова. Он доносил, что «горские народы примером независимости своей в самих подданных вашего императорского величества порождают дух мятежный и любовь к независимости». Ермолов предложил перейти к активным наступательным действиям в глубь территорий горских народов — не столько для рассеяния и наказания непокорных, сколько для создания там укрепленных поселений-крепостей с русскими гарнизонами. Эти крепости связывались между собой дорогами, вокруг которых для безопасности на сотни метров вырубался лес — с тех пор для многих солдат-кавказцев рубка леса стала основной военной работой.

В 1818 году на реке Сунже, на расстоянии одного перехода в глубь Чечни от казачьей станицы Червленой, возникла новая крепость — Грозная. С нее началось планомерное продвижение русских от старой пограничной линии по Тереку к самому подножию гор. Одна за другой стали вырастать крепости с характерными названиями: Внезапная, Бурная... (До этого названия были другие: Прочный Окоп, Преградный Стан.) Казакам и военным частям другой пограничной линии, шедшей со времен Суворова по Кубани, Ермолов разрешил преследовать за линию границы отряды закубанских народов, совершавшие набеги на русскую территорию. И здесь началось медленное продвижение к новым пограничным линиям, создававшимся вдоль левых притоков Кубани. Горцам оставалось либо смириться, либо потерять зимние пастбища и лучшие поля на равнинах. Намерения русских, казалось, были самые благородные: распространить законность и просвещение, прекратить междоусобицы и набеги. Но в России сложилось мнение, будто в краю горцев, которые

Как серны скачут по горам,
Бросают смерть из-за утеса
(В. А. Жуковский),

«и добро надо делать насилием». Военный министр Николая I граф А. И. Чернышев откровенно заявлял, что только силой оружия может быть выполнен «план усмирения кавказских племен». Естественно, что горцы восприняли такие планы как посягательство на их вольность. Это со временем поняли многие участники и очевидцы войны. Записано мнение простого кубанского казака Пимена Пономаренко о черкесах, с которыми ему довелось воевать: «Самый еройский народ. Та й то треба сказать — ...свою ридну землю, свое ридно гниздечко обороняв. Як що по правде говорыты, то его тут правда була, а не наша».

Активность Ермолова вызвала ответную реакцию горских народов. От партизанской войны они стали переходить к организованным выступлениям. В 1819 году почти все правители Дагестана объединились на борьбу с войском генерала А. Пестеля, любившего подкреплять свои распоряжения угрозой: «А то прикажу повесить!» В 1823 году кабардинские князья в отместку за выселение аулов между реками Малкой и Кубанью разорили селение Круглолеское, в 1825-м — станицу Солдатскую. В 1824 году в Чечне поднял восстание Бейбулат Таймазов, служивший до этого в царской армии. Именно с восстания Таймазова борьба против русского владычества на Кавказе получила свое религиозно-идеологическое обоснование — «мюридизм».

Мюридом, «ищущим путь к спасению», называют мусульманина, посвятившего себя духовному совершенствованию во имя сближения с Богом. Кроме строгого соблюдения всех положенных по исламскому учению правил, мюрид должен подражать во всем пророку Мухаммеду. Одним из главных путей духовного совершенствования считалось участие в священной войне против «неправоверных». Идея такой войны — «газавата» — стала одним из основных

политических лозунгов мюридов. «Рай есть под тенью шашки, убитый в войне против неверных есть живой и будет он жить в раю, а кто будет бежать — тот есть ничтожный человек, и будущая его жизнь есть ад». Мюрид должен беспрекословно повиноваться своему религиозному наставнику «мюршиду», быть готовым пожертвовать по его приказу имуществом, семьей, жизнью. «Лишь религиозный закон правит людьми — все правоверные равны перед богом. Не может быть чьих-то рабов или подданных, тем более рабов или подданных неправоверных» — так учил известнейший ученый Мухаммед Ярагский.

Под лозунгами мюридизма стала разворачиваться не только борьба против русского наступления, но и война свободных горцев против собственных правителей. С 1828 года во главе этого движения стал аварец Гази-Мухаммед, получивший от Мухаммеда Ярагского звание имама Чечни и Дагестана, то есть духовного лидера мюридов. Сторонники Гази-Мухаммеда выступили против аварских ханов, требуя введения мусульманских законов — шариата. В Дагестане началась гражданская война. В 1830 году воины Гази-Мухаммеда осадили столицу Аварии Хунзах, но во главе защитников встала ханша Паху-Бике: она размахивала саблей, стыдила и ободряла мужчин — и отстояла свою резиденцию. На стороне аварских ханов выступили русские войска: Россия вмешалась, считая местные племена своими подданными. В 1831—1832 годах Гази-Мухаммед одержал несколько важных побед, он осаждал древний Дербент, крепости Грозная и Внезапная, совершал набеги на Кизляр и Владикавказ и погиб в бою. Незадолго до смерти он видел сон, который открыл ему имя будущего преемника: «По реке плыло два бревна, одно из которых принадлежало мне, а другое Шамилю. Мое бревно река унесла вниз, а бревно Шамиля оказалось выброшено на берег, причем это был можжевельник, а ведь сказано, что польза от можжевельника сохраняется навечно».

На Северо-Восточном Кавказе главная борьба развернулась на Черноморском побережье. Тогда это была дикая береговая линия от Анапы до границы с Турцией. Сменивший неугодного Николаю I Ермолова генерал Иван Федорович Паскевич ревностно принялся выполнять приказ императора: «Усмирение навсегда горских народов или истребление непокорных». В 1830 году Паскевич вознамерился проложить по побережью Черного моря линию сухопутного сообщения, надеясь справиться с этой задачей за год отрядом в две с половиной тысячи человек при восьми орудиях. На самом деле на это ушло 34 года. С боями пришлось продвигаться сразу за Сухуми. Единственными завоеваниями отряда стали Пицунда и Гагра — «кавказские Фермопилы», считавшиеся воротами в Абхазию, через которые горцы совершали набеги. Горцам начали помогать турки и англичане, доставлявшие морем оружие, боеприпасы и продовольствие. Тогда в действие активно вступил русский Черноморский флот. В устьях рек высаживались десанты и под прикрытием корабельной артиллерии строились укрепления. Семнадцать фортов на протяжении 500 километров образовали Черноморскую береговую линию.

Эти укрепления еще больше настроили горцев против русских: гарнизонные начальники запрещали крестьянам пользоваться зимними пастбищами, расположенными на побережье, и общаться с приплывавшими купцами. Жившие в этих местах джигеты, убыхи, шапсуги и натухайцы блокировали эти форты так, что заготовка сена и дров, поездка за водой к роднику становились боевыми операциями с перестрелками или даже рукопашными схватками. Писатель и декабрист Александр Бестужев-Марлинский, служивший в Сухуме, Гагре и Пицунде, писал, что пули горцев с окрестных скал «бьют людей даже на койках», что солдаты часто, «говоря их языком, отыскивают в каше черкесские пули».

Нынешние курорты считались гиблыми местами, где свирепствовали малярия, тиф, цинга, порой даже чума. «Сухумская крепость, — вспоминал один офицер, — казалась каменным гробом». В этой крепости личный состав каждый год обновлялся на 16%, другими словами, средняя продолжительность службы здесь составляла 6 лет. Вот почему Черноморская береговая линия была местом ссылки, а переведенным туда офицерам начали выдавать с 1840 года дополнительное годовое жалованье (женатым — даже два).

В 40-е годы горцы достигли наибольших успехов в борьбе за независимость. У Шамиля появился замечательный военный специалист из Египта — Гаджи-Юсуф. Он помог организовать постоянное войско, разбитое на десятки и сотни (как учили арабские книги о военном искусстве), помог вести переписку с турецким султаном, обещавшим поддержку. Умелый кузнец Джебраиль Унцукульский научился отливать пушки, которые не разваливались при стрельбе. Русские войска совершали карательные экспедиции — с виду успешные, но совершенно бесполезные: горцы расходились и снова собирались для борьбы. На Черноморском побережье пали четыре русских укрепления.

С 1848 года борьбу закубанских горцев возглавил наиб Шамиля Мухаммед-Эмин. Он в течение трех лет подчинил себе племена абадзехов, натухайцев и шапсугов. В конце концов он стал самостоятельным правителем на Северо-Западном Кавказе, во время Крымской войны получил звание паши от турецкого султана, лично вел переговоры о совместных действиях против России в ставке союзников в Варне. На его стороне сражались добровольцы из Европы. Иногда Мухаммед-Эмина ставили даже выше Джузеппе Гарибальди и Лайоша Кошута.

После Крымской войны наступил решающий этап боевых действий. Многие горцы стали отходить от Шамиля и Мухаммед-Эмина. «Мы собрали шамилевский шариат в бурдюк и завязали его горло. Пусть Шамиль придет и заберет этот бурдюк», — вот что говорили иногда в народе. Война все больше становилась не народным движением за свободу, а борьбой новой знати с русскими чиновниками за власть над простыми крестьянами.

Россия научилась воевать в условиях гор. Новый наместник — блистательный князь Александр Иванович Барятинский, близкий друг императора Александра II — разработал детальный план действий и начал воплощать его в жизнь с завидной энергией. Он отошел от практики карательных экспедиций и вернулся к начатой Ермоловым системе создания просек и крепостей, переселения казаков для освоения занятых районов и — главное — повел в отношении мирных горцев весьма доброжелательную политику. К тому же выросло поколение полководцев, буквально «специализировавшихся» на Кавказе. Стоит назвать хотя бы солдатского сына — графа Евдокимова или генерала Аргутинского-Долгорукого, совершившего однажды переход через горы, который современники ставили в один ряд со знаменитым переходом Суворова через Альпы. Память об Аргутинском до сих пор жива в Дагестане: самым злобным псам пастухи дают кличку Аргут! Перевооружение русской армии на более меткие и дальнобойные винтовки дало очевидный перевес в схватках, резко уменьшило потери.

В результате в 1859 году, через три года целенаправленного, хотя и медленного продвижения в глубь Чечни и Дагестана, Северо-Восточный Кавказ был покорен. Шамиль сдался в плен.

Настал черед Северо-Западного Кавказа. С востока, от основанного в 1857 году укрепления Майкоп («Каждое вывезенное из леса бревно стоило нам крови»,— писал участник его постройки), и с севера, от Новороссийска, медленно двинулись, прорубая просеки и основывая укрепления, русские войска. Флот блокировал попытки контрабандистов торговать оружием и припасами. Десант разрушил торговую факторию Туапсе. 20 ноября 1859 года покорились и приняли присягу Мухаммед-Эмин и старейшины абадзехов (но не весь народ!). Барятинский за этот успех был первым в России произведен в фельдмаршалы.

Последний всплеск активного сопротивления абадзехов, шапсугов и убыхов — а как было не сопротивляться, когда на их землях селили чужих людей, а аулы разоряли и сжигали! — проявился в 1862 году. Многотысячные отряды горцев нападали где только могли на укрепления, посты и станицы в течение всего лета и осени. Шли упорные схватки, вытесняемые шаг за шагом горцы испытывали лишения и голод и отступали все дальше: с равнин в предгорья, с предгорий в горы, с гор на Черноморское побережье... Капитуляция абхазов в урочище Кбаада (Губаадзы) 21 мая 1864 года считается датой официального окончания Кавказской войны.

Пушкин писал в заключительных строках «Кавказского пленника»:

Кавказа гордые сыны,
Сражались, гибли вы ужасно;
Но не спасла вас наша кровь,
Ни очарованные брони,
Ни горы, ни лихие кони,
Ни дикой вольности любовь!

Началось массовое переселение горцев, не желавших подчиняться русскому царю и не имевших уже сил сопротивляться ему. Побережье заметно опустело. Родилась грустная поговорка: «Теперь даже женщина может пройти от Сухум-кале до Анапы, не опасаясь встретить хоть одного живого мужчину». Однако отдельные очаги сопротивления русским властям сохранялись до 1884 года. Войну признали оконченной, но она никак не хотела кончаться.

Горский татарин с женой. Балкария.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дюма Александр. Кавказ. Краснодар, 1992.
2. Записки А. П. Ермолова 1798—1826. М., 1991.
3. За стеной Кавказа. М., 1989 (История Отечества. Век XIX).
4. Фадеев А. В. Россия и Кавказ в первой трети XIX века. М., 1961.
5. Эйдельман Н. Я. «Быть может, за хребтом Кавказа...» М., 1991.

СЕМЕН ЭКШТУТ,
кандидат философских наук

Алексей Ермолов

Джордж Доу. Портрет А. П. Ермолова.

2 июля 1825 года командир Отдельного кавказского корпуса и главноуправляющий Грузней генерал от инфантерии Алексей Петрович Ермолов получил в Тифлисе тревожное донесение о вспыхнувшем в Чечне мятеже.

«Хотя всякий порядочный чеченец видит кроющееся здесь одно мошенничество разбойников, желающих только сим способом поколебать народ, но за всем тем многие верят всем предсказанным нелепостям, несмотря на то, что они не сбываются, ибо ежели взять в соображение, что понятия многих чеченцев не превышают скотов, то, конечно, удивляться не должно ничему между ними происходящему», — так с высокомерным презрением по отношению к целому народу писал 6 июня 1825 года генерал Греков[1].

За спесивостью этих слов проглядывает точный анализ ситуации в Чечне. Генерал опасался новой вспышки бунта и оказался прав. В Чечне вспыхнул мятеж, в значительной степени спровоцированный жестокостью генерала Грекова. «Посмотрим, чем кончится поход против чеченцев; их взволновал не столько имам, пророк недавно вдохновенный, как покойный Греков, способный человек, но грабитель» (А. С. Грибоедов — С. Н. Бегичеву, 7 декабря 1825 года).

Первые шаги мятежников были исключительно смелыми и даже дерзкими, и удача увенчала успехом их предприятие: чеченцам удалось захватить русскую крепость и уничтожить ее гарнизон. Казалось, что пророчества начинают сбываться и близится желанное освобождение от власти русских. Мятежники поверили в возможность победы, у них появились новые сторонники. 16 июля 1825 года генерал-майор Греков был убит, а генерал-лейтенант Лисаневич смертельно ранен. Несколько хладнокровных ударов кинжалом обезглавили русские войска и мгновенно изменили ситуацию в крае: на Кавказской линии не оказалось ни одного генерала, управление войсками было утрачено.

24 июля 1825 года, еще не оправившись после болезни, Ермолов покинул Тифлис. «Болезнь моя в дороге очень усилилась от чрезвычайного жару» (из дневника Ермолова). Генерал был вынужден надолго задержаться во Владикавказе. Болезнь едва не унесла его в могилу. Он не знал, что отправляется в последний в своей жизни поход...

Во второй половине 1825 года в руках Ермолова и его корпуса была судьба огромного края между Черным и Каспийским морями: будущность начатого, но еще не завершенного покорения народов Кавказа; целостность границ в Закавказье; и, может быть, даже исход будущих войн России с Персией и Турцией. Персия жаждала реванша за поражение в недавней войне и лишь ждала благоприятного стечения обстоятельств, чтобы начать военные действия. О неизбежности войны России с Турцией говорили давно, еще со времен восстания князя Александра Ипсиланти в 1821 году.

Общественное мнение единодушно требовало назначения Ермолова главнокомандующим русской армией в будущей войне с Турцией. Об этом же мечтал и сам Ермолов. Чтобы вести активную политику на Востоке и помочь Греции в ее борьбе за независимость, надо было обеспечить спокойный тыл — покорить народы Кавказа. Целые народы должны были утратить право на свою историческую судьбу и превратиться в средство достижения одной цели — продвижения империи на Восток. В руках Ермолова сконцентрировалась огромная власть — командира Отдельного корпуса и главноуправляющего Грузией, ему подчинялись Каспийская военная флотилия, Черноморское казачье войско, Астраханская и Кавказская губернии. Кроме того, он был назначен чрезвычайным и полномочным послом России в Персии.

Последовательно пытаясь реализовать право самому быть «творцом своего поведения» (Грибоедов), Ермолов — подобно большинству современников — безоговорочно отказывал горским народам в аналогичном праве и не видел в этом никакого противоречия. Ермолов признавал за ними только одно право — право покориться власти императора. «Выбирайте любое — покорность или истребление ужасное». Он был сыном века Екатерины II и великолепно усвоил ее имперскую политику. Екатерина искренне хотела «возвысить эту (Российскую. — *С. Э.*) империю на степень могущества выше всех остальных империй Азии и Европы. И что могло бы сопротивляться неограниченной власти самодержавного государя, управляющего воинственным народом?»[2]

Но все это было делом будущего. «Дела здешние были довольно плохи, и теперь на горизонте едва проясняется», — признавался Грибоедов в письме к В. К. Кюхельбекеру от 27 ноября 1825 года. Завоевания Российской империи на Востоке еще не были завершены и не стали необратимыми. Не усмирив мятеж в Чечне, нельзя было продолжить завоевание Кавказа. Не покорив Кавказ, нельзя было удержать в пределах империи недавно присоединенную Грузию и ряд завоеванных областей Закавказья. «С успехом в Чечне сопряжена тишина здесь между кабардинцев и закубанцы не посмеют часто вторгаться в наши границы, как прошлою осенью. Имя Е[рмолова] еще ужасает; дай бог, чтобы это очарование не разрушилось. В Чечню! в Чечню! Здесь война особенного рода: главное затруднение — в дебрях и ущельях отыскать неприятеля; отыскавши, истребить его ничего не значит» (А. С. Грибоедов — С. Н. Бегичеву. 7 декабря 1825 года). От таланта, распорядительности, энергии и, наконец, от жестокости Ермолова при подавлении мятежа зависело очень многое: в эти месяцы определялись перспективы продвижения Российской империи на Восток. Оно еще могло быть замедлено, остановлено и даже повернуто вспять.

Достоверно известно, что в конце своего царствования Александр I серьезно думал о необходимости смещения Ермолова с поста командира Кавказского корпуса. Царь высоко ценил несомненные способности Ермолова, активно продвигал его по службе и давал важные назначения, но при этом немного побаивался. Ермолов «не принадлежал, однако, никогда к числу особенных фаворитов государя» (Д. В. Давыдов).

«Мы все глядим в Наполеоны» — эта строка Пушкина из второй главы «Евгения Онегина», написанной осенью 1823 года, удивительно точно характеризует время. Даже тот, кто готов был признать необходимость свержения самодержавия при помощи «бескровной» военной революции, зачастую вполне резонно опасался торжества военного деспотизма. Что будет с будущей республикой, если «найдется человек, который, похитив власть, снова поработит отечество»?[3] Опыт Франции делал такое предположение весьма убедительным и более чем вероятным. Ермолов мог стать одним из наиболее возможных претендентов на роль российского Бонапарта.

Честолюбие, безмерное и всепоглощающее честолюбие было определяющей чертой характера Ермолова. Ради него он жил, ради него ставил жизнь на карту. Ставил — и несколько раз крупно выигрывал.

Казалось, жажда власти не имела у Ермолова предела, но предел был, и звался он интересами государства. «...Я давно уже рассуждаю более о пользе Государства, нежели о собственной» (Ермолов — Закревскому, 13 апреля 1820 года). Однако Ермолов лишь за собой оставлял право определять, в чем заключается эта польза. По всем важным вопросам он имел собственное мнение, которое не скрывал и опираясь на которое поступал, даже вопреки высочайшей воле. Об этом знали все, знал и император Александр, но очень долгое время подобное — весьма своеобразное — понимание Ермоловым служебной дисциплины и долга верноподданного сходило ему с рук.

Ермолов был личностью противоречивой и довольно скрытной. Несомненная личная храбрость, полководческий талант, незаурядные государственные способности, бескорыстие, доходящее до щепетильности, добродушие и приветливость причудливо уживались с завистью и ревностью к чужим успехам; поразительное гражданское мужество и личная независимость шли рука об руку с жестокостью и двуличием. Ермолов знал, как понравиться окружающим, и очень хорошо умел это делать. «Он всегда одинаков, всегда приятен, и вот странность: тех даже, кого не уважает, умеет к себе привлечь...» (А. С. Грибоедов — С. Н. Бегичеву. 29 января 1819 года).

Ермолов хотел, чтобы его слова и поступки производили впечатление солдатской бесхитростности и прямоты, хотя в них не было ни того ни другого. С целью скрыть свои подлинные мысли и намерения «этот сфинкс новейших времен», по меткому замечанию Грибоедова, нередко прибегал к притворству и обману.

Даже граф Аракчеев, испытав на себе непреодолимую силу ермоловского обаяния, не смог устоять перед ним. Надменный временщик, пред которым трепетали высшие сановники империи, просил молодого полковника лишь об одном: «Дабы вы остались ко мне всегда хорошим приятелем» (Аракчеев — Ермолову. 12 декабря 1807 года). Демонстративно порицая аракчеевские порядки в армии и язвительно отзываясь о военных поселениях, Ермолов сознательно стремился поддерживать наилучшие личные отношения с любимцем императора, но никогда их не афишировал.

Для Ермолова, как и для многих других людей той же эпохи, война всегда была важнейшим средством самореализации, позволяя проявлять храбрость и незаурядный воинский талант. Несколько поколений русского служилого дворянства выросло и сформировалось в непрерывных войнах, которые вела Россия. В течение последней трети XVIII века страна приняла участие в семи войнах, а с 1805 по 1812 год — в восьми.

Правда, после окончания наполеоновских войн всем казалось, что наступил продолжительный мир и никакой новой войны в Европе не предвидится. Узнав о взятии Парижа, П. А. Вяземский написал А. И. Тургеневу: «От сего времени жизнь наша будет цепью вялых и холодных дней. Счастливы те, которые жили теперь!»[4] Мирная пауза, однако, оказалась непродолжительной: чуть более десятилетия. Эти годы совпали с пребыванием Ермолова на Кавказе. Десять лет его владычества — очень много в масштабе человеческой жизни, но крайне мало с точки зрения истории: именно в этот промежуток временно прекратилось активное (ДО и ПОСЛЕ того) продвижение России на Восток. На фоне векового стремления Российской империи к завоеванию Константинополя и черноморских проливов, к покорению Средней Азии эта короткая мирная передышка кажется практически незаметной, но она была и крайне неблагоприятно сказалась на судьбе Ермолова.

Генерала, которому еще не исполнилось и сорока лет, ожидала «единообразная и недеятельная служба» мирного времени. Такая перспектива казалась ему невыносимой. Он даже думал выйти в отставку.

Ермолов был одним из наиболее убежденных и последовательных сторонников активного продвижения Российской империи на Восток: «Железом и кровью созидаются царства, подобно тому как в муках рождается человечество». Он лелеял обширные завоевательные планы и буквально с первых же шагов своего пребывания на Кавказе начал целенаправленно изучать театр возможных военных действий, стараясь отыскать наиболее перспективные операционные направления будущих походов. «В Европе не дадут нам ни шагу без боя, а в Азии целые царства к нашим услугам»[5], — утверждал Ермолов. Его воинственность и настойчивое стремление украсить себя новыми лаврами не были секретом для окружающих. Великий князь Константин Павлович, поздравляя 25 июля 1826 года Ермолова с назначением в Грузию, глубокомысленно заметил: «Во время оно сам бы Талейран с товарищи задумался». Теперь же знаменитый французский дипломат не опасен. «Все дороги ведут в Рим, — Константин цитирует эту пословицу и делает вывод: — Позже можно, не сворачивая ни мало, прогуляться в места расположения всех богатств Англии, сухим путем»[6]. Великий князь намекал на возможность похода в Индию. Константин Павлович опасался, что Ермолов, направленный чрезвычайным и полномочным послом в Персию для урегулирования спорных пограничных вопросов, сознательно спровоцирует войну, и не хотел «всеобщей прогулки по землям чужим». Однако Ермолов менее всего был склонен к авантюрам. Его действия были неторопливы и основательны, отличались последовательностью и упорством.

Завоевание новых территорий, округление границ казалось Ермолову более существенным, чем совершенствование управления внутри страны. Сопротивление горцев власти императора рассматривалось им как досадное препятствие на пути решения самой важной задачи среди стоящих перед империей: округление границ и «введение необходимого порядка и должного властям повиновения». Он не замечает хозяйственной и культурной самобытности народов Кавказа, а видит там лишь примитивную государственность и отсутствие жесткой централизации, что, с точки зрения Ермолова, лишает горцев права на самостоятельное политическое бытие.

Подчинение раздробленных и враждующих друг с другом племен российской государственности означало для них обретение подлинного политического бытия и переход от варварства к цивилизации: для Ермолова порядок был синонимом прогресса.

Именно в отсутствии у горцев так называемого «порядка», то есть жесткой централизации и совершенного аппарата принуждения, Ермолов видел источник их поражений в столкновениях с русскими войсками и основную причину невозможности для горцев отстоять свою независимость.

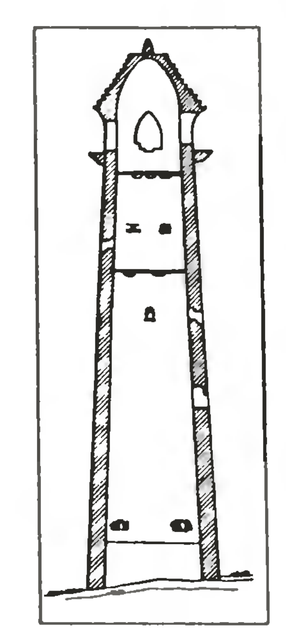
Государственное устройство Российской империи (при всех очевидных недостатках) казалось Ермолову более совершенным и прогрессивным, чем деспотический строй Персии и Турции или зародыши государственности у горцев. Приобщение горских народов к российской государственности отвечало, таким образом, не только интересам России, но и их собственной пользе. Любые средства достижения порядка безоговорочно принимались Ермоловым, а малейшее сопротивление его насильственному водворению безжалостно истреблялось «проконсулом Кавказа» в самом зародыше. «Я терпеть не могу беспорядков, а паче не люблю, что и самая каналья, каковы здешние горские народы, смеют противиться власти государя»[7], — писал Ермолов П. И. Меллеру-Закомельскому 15 декабря 1818 года. О неизбежных человеческих жертвах, разрушении вековых традиций и прежних связей Ермолов не размышлял совсем: этой проблемы для него просто не существовало.

Он сознательно сеял семена розни между горцами, натравливал одни племена на другие и последовательно проводил в жизнь древний имперский принцип: divide et impera — разделяй и властвуй. Не пренебрегал он и другим столь же известным принципом: oderint, dum metuant — пусть ненавидят, лишь бы боялись. Ермолова не смущало, что в горах его именем матери пугали детей. С грубой откровенностью, вызывающе презрительным отношением к общепринятым нормам нравственности и потрясающей убежденностью в своей правоте повествовал Ермолов своему другу Закревскому о методах покорения свободолюбивых горцев.

5 марта 1820 года: «Чеченцы мои любезные — в прижатом положении. Большая часть живет в лесах с семействами. В зимнее время вселилась болезнь, подобная желтой горячке, и производит опустошение. От недостатка корма, по отнятии полей, скот упадает в большом количестве. Некоторые селения, лежащие в отдалении от Сунжи, приняли уже присягу и в первый раз Чеченцы дали ее на подданство. Теперь наряжается отряд для прорубления дорог по земле Чеченской, которые мало по малу доводят нас до последних убежищ злодеев».

13 апреля 1820 года: «Я не отступаю от предпринятой мною системы стеснять злодеев всеми способами. Главнейшее есть голод и потому добиваюсь я иметь путь к долинам, где могут они обрабатывать землю и спасать стада свои. ...Голоду все подвержены и он поведет к повиновению»[8].

Чтобы сломить сопротивление, Ермолов постоянно брал заложников — аманатов. «Аманатов — или разорение!» Заложники служили гарантией покорности своих соплеменников: они расплачивались жизнью, если последние не хотели подчиниться. Жестокая кара ожидала тех, кто оказывал вооруженное сопротивление русским войскам или же своевременно не сообщал о готовящихся набегах мятежных горцев на русские поселения и крепости. «В последнем случае деревня истребляется огнем; жен и детей вырезывают». «Лучше от Терека до Сунжи оставлю пустынные степи, нежели в тылу укреплений наших потерплю разбои».

Разрез боевой башни у хутора Дере.

Первоначально Ермолов надеялся завершить покорение Кавказа в течение нескольких лет и, вернувшись в Россию победителем, взойти на новую, более высокую ступень власти. Он торопил время, жаждал более широкого поля деятельности и не скрывал от друзей «несносной своей нетерпеливости». В самом конце 1819 года Ермолов во главе сильного отряда русских войск штурмом взял высокогорное селение Акуши — центр Акушинского (Даргинского) союза, расположенного в глубине среднего Дагестана. Никому еще доселе не удавалось покорить гордых и независимых акушинцев, известных всему Дагестану своим воинственным духом. Их авторитет был исключительно высок: в XVIII веке акушинцы стояли во главе союза племен, нанесшего поражение Надир-шаху, завоевавшему значительные территории в Закавказье, Средней Азии и Северной Индии, захватившему в 1739 году Дели — столицу Великих Моголов. Ермолов очень гордился этой победой. Он отдал один из самых известных и популярных своих приказов, в котором солдаты были названы «товарищами» и выражалась надежда, что император сумеет достойно оценить их подвиг. Этот приказ от 1 января 1820 года вызвал восторг молодых офицеров: «Мы беспрестанно читали, повторяли этот приказ и вскоре знали его наизусть». Но надеждам Ермолова не дано было сбыться: победа над акушинцами не означала конца войны, а в столичных газетах не было опубликовано никаких официальных известий о рискованном походе в самые недра недоступных гор Дагестана. Безмерное ермоловское честолюбие было уязвлено. Петербургские власти из-за сложных внешнеполитических соображений не желали признаваться перед лицом всей Европы, что Кавказ еще не покорен, поэтому любые предприятия Ермолова изначально обрекались на забвение. Официально они просто не существовали.

«После войны Отечественной, оконченной самым блистательным оборотом дел, занятием Парижа и смирением Франции... покойный Император (Александр I.— *С. Э.*), почти ежегодно появлявшийся на конгрессах, где влияние его было могущественнейшее, не мог не скрывать, что Кавказ вмещал народы непокорствующие его власти и дерзающие оказывать ей противоборствие, и потому все, что я делал, покрывалось полною безгласностью и можно сказать тайною. ...Удобно было происшествия на Кавказе сохранить в неизвестности, а самого меня покрыть мраком... Иностранные журналы не только не были язвительны, но даже молчали»[9] (Ермолов — графу М. С. Воронцову. 19 июня 1845 года). Оскорбительное для ермоловского самолюбия молчание хранили также столичные журналы и газеты.

Ни «проконсулу Кавказа», ни его сподвижникам не было суждено при жизни «полюбоваться на себя в зеркале истории». «У нас то хорошо или то дурно, как угодно рассудить, что общая неизвестность покрывает все происшествия нашего отечества» (М. Ф. Орлов — А. Н. Раевскому. 8 июля 1820 года). Это сильно раздражало Ермолова. С 1820 года он стал тяготиться своим пребыванием на Кавказе.

По мере того как упрочивалось владычество России над Кавказом, усиливалась личная власть Ермолова над обширным краем: отдаленность от Петербурга делала ее необъятной и практически соизмеримой с царской. Ермолов даже получил право утверждать приговоры военных судов о смертной казни (на остальной территории империи смертная казнь была отменена). Ермолов вел себя подобно владетельной особе: после успешного завершения посольства в Персию он послал в подарок императрице и великим княгиням дорогие персидские шали. Это было сделано с чувством собственного достоинства и без малейшей доли низкопоклонства, никто не посмел упрекнуть Ермолова в пресмыкательстве и подобострастии. Все понимали, что подобный поступок мог позволить себе только «проконсул Кавказа».

Однако по мере усиления власти Ермолова на Кавказе постепенно падало его значение в Петербурге «яко средоточии всех Правлений и Властей» (П. И. Пестель). Кавказ был для императора и его министров далекой окраиной, не игравшей никакой существенной роли в планируемых внешнеполитических комбинациях. (В противном случае они бы никогда не позволили Ермолову сосредоточить в своих руках такую власть.) Это был «край забвения» (Грибоедов), о котором жители Петербурга еще не так давно «почти столько же имели

понятия, сколько о Японии» (Е. Е. Лачинов). Каждый, кому приходилось служить на Кавказе, был вынужден до конца испить горькую чашу «скуки отдаленности» (выражение Ермолова). Ермолов постарался изменить это положение и привлечь внимание к нуждам Кавказа не только государя и столичных министров, но и нарождающегося общественного мнения. Стремясь поднять собственный авторитет, Ермолов сознательно преувеличивал свою независимость по отношению к некоторым непопулярным распоряжениям правительства. Близкому другу и многолетнему корреспонденту Закревскому Ермолов откровенно признался в скрытых мотивах своих поступков: «Знаю свои недостатки! Иногда, чтобы припомнить о себе, выпускаю странные бумаги и приказы, на которые другие не решаются пуститься».

Противоречивую сущность независимых поступков Ермолова очень точно подметил П. А. Вяземский: «Но со всем тем, если, под раздражением неблагоприятных и щекотливых обстоятельств, мог он быть в рядах оппозиции и даже казаться стоящим во главе ее, то это было одно внешнее явление, которое многих обманывало; в сущности он был человеком власти и порядка»[10].

Популярность Ермолова была велика и непоколебима. Злословие недругов не могло ей повредить, но постоянно доставляло генералу немало горестных минут. «Нельзя без некоторого героизма прожить в здешней стране долгое время и зная, что каждое действие отравляет клевета»[11] (Ермолов — П. А. Кикину. 4 августа 1822 года). Заточив сам себя на Кавказе, прославленный генерал оказался в стороне от важнейших российских и европейских событий и был вынужден пассивно наблюдать за ними. 2662 версты отделяли Тифлис от Петербурга, обычная почта преодолевала это расстояние за 25 дней. Однажды чрезвычайный фельдъегерь Грознов примчался в Тифлис на 12-й день. Ермолов был восхищен такой исключительной быстротой (за 16 лет один подобный случай) и представил фельдъегеря к производству в офицеры.

Шли годы. Ермолов, приехавший на Кавказ сорокалетним богатырем, постепенно старел (Грибоедов заглазно звал его «стариком»). Он стал жаловаться на здоровье, обзавелся очками и болезненно переживал свое длительное пребывание в далеком крае. «Не буду я спорить, что можно прожить там (на Кавказе. — *С. Э.*) с пользою, но также никто оспорить не в состоянии, чтобы то не была ссылка»[12] (Ермолов — М. С. Воронцову. 9 августа 1821 года).

Последние четыре года своего пребывания на Кавказе Ермолов постоянно хандрил, брюзжал и думал об отставке, но это не мешало ему действовать столь же энергично и настойчиво: 6—9 месяцев в году генерал по-прежнему проводил в походах против горцев. Ермолов опасался, что ему предстоит покинуть Кавказский корпус помимо своей воли. Его не покидали мрачные предчувствия, особенно усилившиеся летом 1825 года. «Я не шутя ожидаю смены, которая, может быть, и потому нужна, чтобы дать место кому-нибудь из клиентов людей могущественных!» (Ермолов — П. А. Кикину. 30 июля 1825 года). Вероятно, под влиянием подобных невеселых размышлений Ермолов утратил часть своей легендарной решительности и даже начал (чего с ним ранее никогда не бывало) сомневаться в своих способностях. «...Не с тою смелостию приступаю я к предметам, и те трудности, на которые прежде пускался я решительно, ныне меня устрашают. Словом, я скоро буду совсем не годен для службы и соглашусь с теми, которые таковым уже меня представляют. Не преодолеть мне всех завидующих и враждующих мне, которые каждое из благонамереннейших действий моих превратно истолковывают» (Ермолов — А. В. Казадаеву. 12 июля 1825 года).

Ермолов был охвачен тяжелыми мыслями, когда до него дошло известие о вспыхнувшем в Чечне мятеже, о рассказа о котором мы начали это повествование. Прибытие Ермолова в район мятежа воодушевило правительственные войска и помогло им одержать победу.

Подавив мятеж, Ермолов укрепил владычество России на Кавказе и сохранил этот край за империей, сделав свое пребывание там излишним и даже весьма нежелательным. Мавр сделал свое дело, мавр может уходить. Продолжить его дело смог бы теперь даже человек весьма посредственный, огромная же ермоловская популярность с каждым годом все сильнее беспокоила Петербург. «Этот человек на Кавказе имеет необыкновенное влияние на войско, и я решительно опасаюсь, чтобы он не вздумал когда-нибудь отложиться»[13] — такое утверждение приписывают великому князю Николаю Павловичу. Такова была социальная репутация Ермолова в последние годы царствования Александра I.

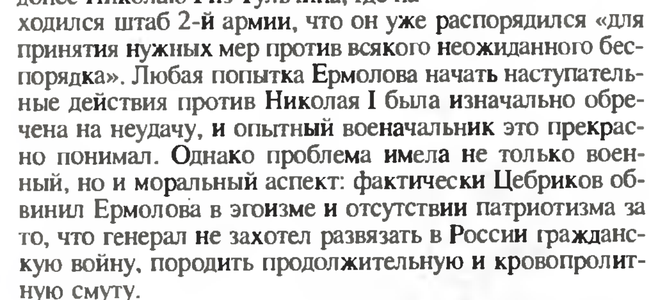
Во время похода против чеченцев Ермолов получил официальное оповещение о смерти императора и немедленно привел Кавказский корпус к присяге своему давнему благодетелю — Константину Павловичу: 14 декабря 1825 года в 4 часа пополудни войска Тифлисского гарнизона присягнули новому императору Константину I. В этот же самый час в Петербурге прозвучали картечные выстрелы на Сенатской площади. Разумеется, тогда Ермолов еще ничего не мог знать об этом трагическом событии, но о многом мог догадываться: до него уже дошли слухи о начале междуцарствия. Во время обеда у Ермолова в середине декабря Грибоедов пророчески сказал: «В настоящую минуту идет в Петербурге страшная поножовщина». Манифест о восшествии на престол Николая I полководец получил в станице Червленой, но с присягой не стал торопиться и сознательно протянул 3—4 дня, ожидая развития событий в столице. Задержка Ермоловым присяги не прошла незамеченной, создала крайне беспокойное настроение в Петербурге и Москве и породила ряд фантастических слухов: «Ермолов перешел со своим корпусом Кавказ и идет на присоединение к бунтовщикам» (декабрист А. С. Гангеблов). Эти слухи сильно беспокоили Николая I и всю царскую семью. Весьма характерно, что, получив после напряженного ожидания известие о присяге Кавказского корпуса, «императрица перекрестилась от удовольствия».

Впоследствии декабрист Н. Ф. Цебриков обвинил Ермолова в том, что он не поддержал восстание декабристов, не выступил против Николая I с оружием в руках: «Ермолов мог предупредить арестование стольких лиц и казнь пяти Мучеников, мог бы дать России Конституцию, взяв с Кавказа дивизию пехоты, две батареи артиллерии и две тысячи казаков, пройдя прямо на Петербург. ...Это было бы торжественное шествие здравого ума, добра и будущего благополучия России»[14].

Бывший поручик лейб-гвардии Финляндского полка нарисовал весьма привлекательную, но в высшей степени неисторичную картину: так мог рассуждать молодой офицер, но не убеленный сединами генерал от инфантерии. Столичные новости доходили до Ермолова с большим опозданием, разобраться в калейдоскопе событий было сложно: прежде чем то или иное сообщение достигало Кавказа, реальная ситуация успевала десятки раз измениться. Ермолов это прекрасно понимал. Кавказский корпус был рассредоточен на огромной территории и никогда до этого не собирался воедино. Против горцев действовали сводные отряды, составленные из рот и батальонов различных полков, даже один полк в полном составе почти никогда не воевал. «У меня во все время один раз, при занятии Акушинской области, могло собраться семь тысяч человек, присланных тогда на укомплектование корпуса; после того и до конца самое большое число войск не превосходило шести батальонов пехоты и до четырех сот казаков, иногда и того менее» (А. П. Ермолов — графу М. С. Воронцову. 19 июня 1845 года). Пехотный полк состоял из трех батальонов, его штатный состав был определен в 3185 унтер-офицеров и рядовых, однако из-за болезней и боевых потерь в строю находилось гораздо меньше. Иными словами, Ермолов мог собрать в один боевой кулак не более 6— 6,5 тыс. человек, то есть два полка пехоты; в дивизии же было шесть полков. Чтобы сконцентрировать в одном месте «дивизию пехоты», потребовалось бы несколько недель, если не месяцев. Передислокация войск не могла бы остаться незамеченной, и Николай I успел бы предпринять ответные меры. Ермолов не успел бы дойти даже до Москвы, как был бы атакован во фланг и тыл превосходящими силами 2-й армии. Еще 21 декабря 1825 года начальник Главного штаба И. И. Дибич донес Николаю I из Тульчина, где находился штаб 2-й армии, что он уже распорядился «для принятия нужных мер против всякого неожиданного беспорядка». Любая попытка Ермолова начать наступательные действия против Николая I была изначально обречена на неудачу, и опытный военачальник это прекрасно понимал. Однако проблема имела не только военный, но и моральный аспект: фактически Цебриков обвинил Ермолова в эгоизме и отсутствии патриотизма за то, что генерал не захотел развязать в России гражданскую войну, породить продолжительную и кровопролитную смуту.

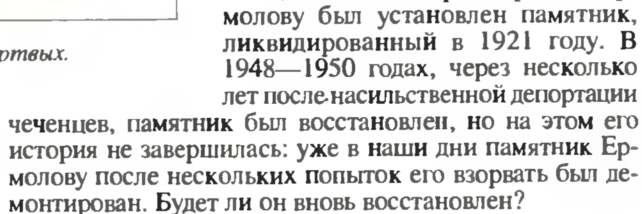
Майсты. Город мертвых.

В России уже полвека, со времен восстания Пугачева, не проливали кровь сограждан. Когда Суворов получил повеление императора Павла I об отставке, он приказал войскам собраться в полной парадной форме и стал с ними прощаться. Полководец явился на построение при всех регалиях. Прощаясь со своими соратниками, Суворов стал снимать с себя ордена, говоря, что они принадлежат солдатам (те уже успели вкусить всю «прелесть» павловской муштры). Денис Давыдов писал: «Войска, растроганные до слез, воскликнули: «Не можем мы жить без тебя, батюшка Александр Васильевич, веди нас в Питер». Об этом же сказал Суворову его адъютант полковник А. М. Каховский: воспользоваться преданностью солдат, возглавить войска, повести их на столицу и свергнуть императора. «...Суворов, сотворив крестное знамение рукою, сказал: «Что ты говоришь, как можно проливать кровь родную!»[15]

Насильственное введение военных поселений на юге страны вызвало восстание, подавлять которое было поручено графу Аракчееву. Узнав об этом, Ермолов написал Закревскому: «Незавидное положение графа Аракчеева усмирять оружием сограждан. Я подобное дело почел бы величайшим для себя н а к а з а н и е м»[16].

Воцарение и укрепление на престоле Николая I означало для Ермолова конец политического бытия: новый царь не собирался считаться с огромной ермоловской популярностью. «Я, виноват, ему менее всех верю» (Николай — И. И. Дибичу. 12 декабря 1825 года). Время Ермолова и ермоловцев миновало, с первых же дней николаевского царствования они стали анахронизмом: «...Старик наш человек прошедшего века» (Грибоедов — С. Н. Бегичеву. 9 декабря 1826 года). Пятидесятилетний генерал был уволен в отставку и более трех десятилетий провел в томительном бездействии.

И в наши дни личность «проконсула Кавказа» вызывает ожесточенные споры, которые ведутся не только в академической среде.

В 1818 году по приказу Ермолова на реке Сунже была заложена крепость Грозная — форпост в борьбе за Чечню и Северный Кавказ. Через семь-десять лет в городе Грозном Ермолову был установлен памятник, ликвидированный в 1921 году. В 1948—1950 годах, через несколько лет после насильственной депортации чеченцев, памятник был восстановлен, но на этом его история не завершилась: уже в наши дни памятник Ермолову после нескольких попыток его взорвать был демонтирован. Будет ли он вновь восстановлен?

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. VI. СПб., 1888. С. 529.
2. Потто В. А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т. II. СПб., 1885. С. 99; Записки императрицы Екатерины II. СПб.,1907. С. 639.
3. Восстание декабристов. Т. XIV. С. 304.
4. Вяземский П. А. Эстетика и литературная критика. М., 1984. С. 8.
5. Алексей Петрович Ермолов. Материалы для его биографии. М., 1864. С. 446.
6. Ермолов А. П. Записки. Ч. II. М., 1868. С. 28.
7. Алексей Петрович Ермолов... С. 282.
8. Ермолов А. П. Письма. Махачкала, 1926. С. 8, 16.
9. Архив князя Воронцова. Кн. XXXVI. М., 1880. С. 259.
10. Вяземский П. А. Старая записная книжка// ПСС. Т. VIII. СПб., 1883. С. 171.
11. Русская старина. 1872. Ноябрь. С. 509.
12. Архив князя Воронцова. Ки. XXXVI. С. 230—231.
13. Из анекдотов об А. П. Ермолове// Русский архив. 1893. Т. 2. С. 180.
14. Мемуары декабристов. Северное общество. М., 1981. С. 274—275.
15. Давыдов Д. В. Военные записки. М., 1982. С. 310.
16. Сб. РИО. Т. 73. СПб., 1890. С. 354.

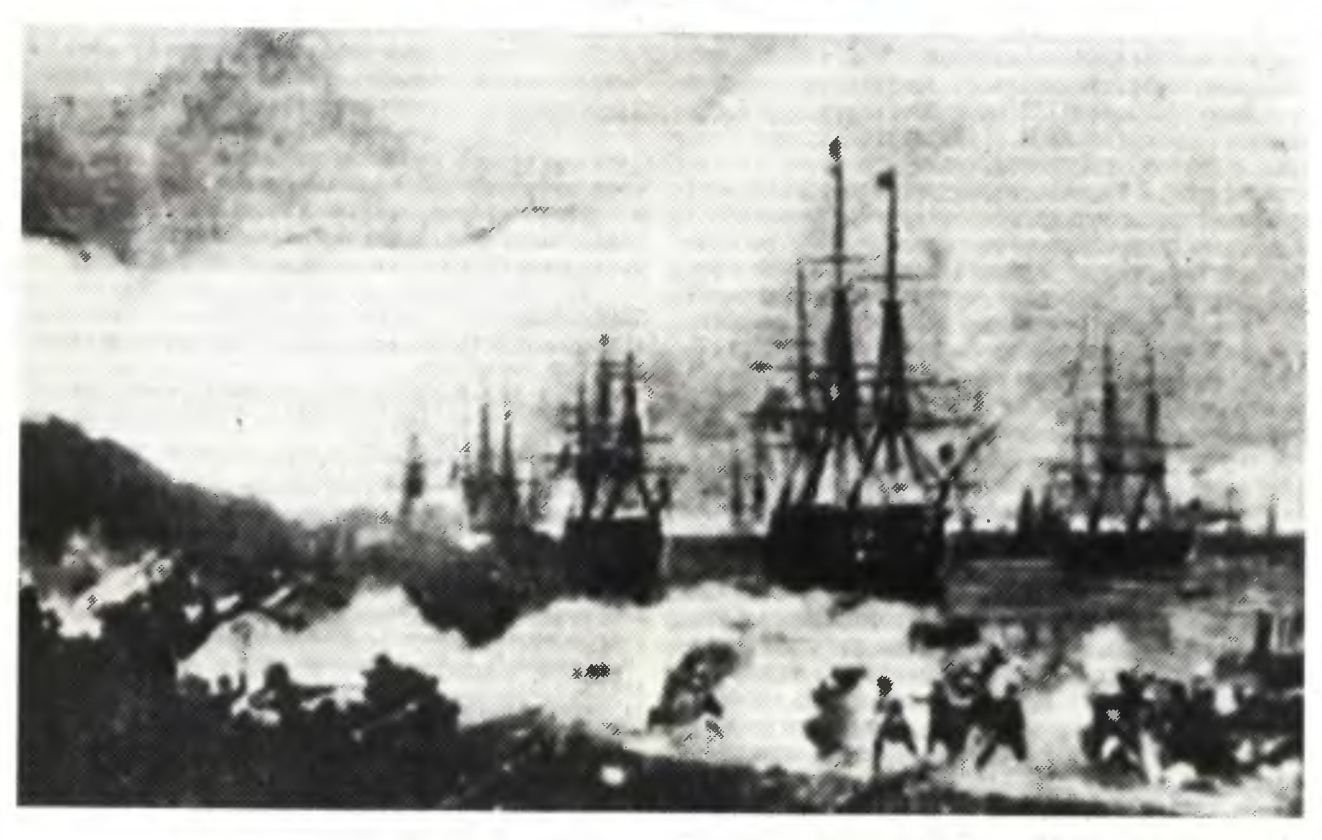
НИКОЛАЙ СКРИЦКИЙ

ШТУРМ С МОРЯ

Как создавались русские укрепления на Кавказском побережье

В. А. Тропинин. Н. Н. Раевский — младший.1842.

И. К. Айвазовский. Высадка отряда Н. Н. Раевского в Субаши.

Адрианопольский договор России с Турцией 2 сентября 1829 года установил, что берег Черного моря от устья Кубани до поста Св. Николая «пребудет в вечном владении Российской империи». Однако усиление России не устраивало ни турок, ни западные державы, которые не без оснований опасались выхода Черноморского флота в Средиземное море.

Иноземные суда доставляли в устья горных рек соль, порох, серу и даже пушки. С 1830 года для борьбы с опасной контрабандой было организовано патрулирование крейсеров у побережья. Два отряда должны были охранять берега от Анапы до Гагры и далее, до Редут-кале, сменяясь через четыре месяца. Но эти меры не давали гарантий, что контрабанда не проникнет в горы. Об этом свидетельствовала записка командира брига «Пегас» капитан-лейтенанта В. И. Полянского, переданная им в 1834 году контр-адмиралу М. П. Лазареву, главному командиру Черноморского флота и портов (хорошо известному широкому кругу читателей как исследователь Антарктиды).

Полянский писал, что большинство контрабандного товара перевозили на плоскодонных судах. Турки, пройдя редкий сторожевой кордон, укрывали их в устьях рек, притапливая или маскируя в зарослях. Контрабандисты, преследуемые дозорными крейсерами, выбрасывали свои суда на берег, где находили дружеский прием, ибо доставляли местным жителям необходимые товары. Высадка десантов в места стоянок контрабандистов приводила к немалым жертвам. Капитан-лейтенант предложил занять укреплениями бухты и устья рек, которые использовали контрабандисты, а также увеличить число крейсирующих судов.

Прочтя записку, Лазарев направил ее в столицу. Очевидно, он разделял мысль о том, что необходимо дополнить укреплениями еще недостаточно прочную линию охранения с моря. В результате было принято решение о создании Кавказской береговой линии.

К этому времени первые укрепления уже были построены. 13 февраля 1830 года военный министр А. И. Чернышев докладывал Николаю I замысел совместных действий армии и флота в Абхазии. Через неделю начальник Морского штаба вице-адмирал А. С. Меншиков дал адмиралу А. С. Грейгу, в то время главному командиру Черноморского флота, предписание готовить суда для перевозки войск на берега Кавказа. 8 июля 1830 года до 700 человек десанта высадилось у Гагры. Попытка абхазцев оказать сопротивление была отбита корабельной артиллерией. С помощью моряков солдаты соорудили укрепления и отразили нападения горцев.

В следующем году генерал-фельдмаршал И. Ф. Паскевич предложил занять Геленджик, как удобную якорную стоянку, более близкую к горным народам, чем Анапа. В течение трех дней, с 26 по 28 июля 1831 года, с эскадры капитана 2-го ранга Немтинова на берега Геленджикской бухты высаживались десантные отряды, пока не нашли подходящее место для сооружения укрепления.

К осени 1831 года существовали укрепления Редут-кале, Сухум-кале, Бомборы, Пицунда, Гагра, Геленджик; между ними поддерживалось сообщение по морю. В последующие годы на побережье Кавказа действовали преимущественно сухопутные войска. В 1834 и 1835 годах они основали Абинское и Николаевское укрепления на реке Абин, в 1836 году — Кабардинское в Суджукской бухте. В следующем году войска генерал-лейтенанта А. А. Вельяминова прошли по суше до устья реки Пшада и основали укрепление Новотроицкое, а затем при устье реки Вулан — Михайловское.

Вскоре англичане решили проверить действенность русской блокады Черноморского побережья. 12 ноября 1836 года командиру отряда судов Абхазской экспедиции контр-адмиралу С. А. Эсмонту доложили, что мимо Геленджика на север проследовало неизвестное судно. Тот сразу же послал для проверки бриг «Аякс», но встречный ветер задержал его, и только через два дня удалось найти потерявшееся судно, которое что-то выгружало на берегу Суджукской (Цемесской) бухты. Это была английская шхуна «Виксен». Командир брига капитан-лейтенант Вульф задержал ее, доставил в Геленджик, затем после предварительного осмотра повел в Севастополь, но из-за встречного ветра отстал. У экипажа шхуны оказалось достаточно времени, чтобы избавиться от следов опасного груза. При подробном осмотре на борту обнаружили только соль, а кормовой трюм оказался пуст. Заграничные сведения гласили, что под видом хозяина шхуны скрывался опытный агент Белль, направленный британским правительством для оказания помощи мятежным горцам. Судно было конфисковано, как нарушившее блокадные правила, а Белля выслали за границу. Через несколько месяцев бежавший из плена канонир Анапского гарнизона сообщил, что в начале ноября с иностранного судна выгрузили кроме соли ружья, порох и даже восемь пушек. Вполне вероятно, что речь шла именно о «Виксене».

Захват «Виксена» вызвал протест главы британского правительства лорда Пальмерстона. В английских газетах началась антирусская кампания. Последовали и новые практические акции.

Учитывая обстановку, русское командование зимой 1837 года увеличило число крейсеров, для борьбы с контрабандой готовили и гребные суда. Продолжались высадки десантов. 7 июня 1837 года войска с эскадры контр-адмирала Эсмонта заняли мыс Адлер. После промеров глубин, проведенных лейтенантом Истоминым, корабли открыли огонь. Под прикрыти-

В основу статьи положены материалы, приведенные в изданиях: Лазарев М. П. Документы. Т. II. М., 1955; Нахимов П. С. Документы и материалы. М., 1954.

ем артиллерии гребные суда с войсками приблизились к берегу и огнем фальконетов с баркасов рассеяли горцев. Десант высадился почти без сопротивления. Отбив попытки черкесов противодействовать, войска основали укрепление св. Духа. При занятии важнейшего места контрабандной торговли с русской стороны погибло 19 человек и ранено 44.

Летом того же года командующий войсками Кавказской линии А. А. Вельяминов осмотрел побережье и предложил строить укрепления в устьях рек, перевозя войска морем. На следующий год наметили высадку у Туапсе, Шапсухо, в Геленджике и севернее мыса Константиновский (Адлер). В декабре 1837 года М. П. Лазарев начал подготовку операции во взаимодействии с сухопутными войсками, которыми командовал генерал-майор Н. Н. Раевский.

1838

Лазарев распределил главные силы Черноморского флота на две эскадры, одну из которых поручил контр-адмиралу Ф. Г. Артюкову, а второй решил командовать сам. 13 апреля 1838 года эскадра Артюкова по договоренности с сухопутным командованием высадила десант у реки Сочи. Корабли открыли огонь, разгоняя горцев, а затем к берегу направились гребные суда с десантом. Противник упорно защищался и переходил в контратаки, но был оттеснен, и только отдельные бойцы, укрывшиеся в кустах и завалах, стреляли до ночи.

Для ускорения высадки у Туапсе Лазарев присоединил освободившуюся эскадру Артюкова к своей; 30 апреля он отдал приказ на высадку десанта.

Десант под Туапсе стал образцом для последующих операций. 2 мая Н. Н. Раевский сообщил Лазареву о готовности войск. 11 мая эскадра благополучно прибыла к Туапсе. Следующим утром корабли развернулись в полуверсте перед берегом широкой дугой с фрегатами на флангах. На суше еще накануне видели собиравшихся горцев и пламя их костров. Чтобы ускорить высадку, Лазарев приказал разместить десант на вдвое большем числе гребных судов, чем предполагалось. Они двинулись в атаку после того, как 250 орудий четверть часа палили по берегу. Именно этот эпизод изобразил молодой И. К. Айвазовский, сопровождавший эскадру, на картине «Десант генерал-майора Н. Н. Раевского у Туапсе 12 мая 1838 г.».

Первым на берег выскочил генерал Раевский. Затем были быстро развернуты войска с четырьмя пушками. Ошеломленные обстрелом и натиском горцы почти не сопротивлялись, и за день у русских было не более десятка раненых. Утром 13 мая, блестяще выполнив задачу, Лазарев с флотом удалился. Впоследствии на занятом месте построили форт Вельяминовский. Укрепившись, Раевский очищал окрестности от нападавших вооруженных горцев; при этом отличился морской батальон из добровольцев, которым командовал капитан-лейтенант В. В. Путятин.

Обосновавшись у Туапсе, Раевский писал Лазареву, что 1 июля его войска будут готовы к высадке у Шапсухо. Главный командир поручил подготовку десанта начальнику штаба Черноморского флота контр-адмиралу С. П. Хрущеву. Так как постройка укрепления у Сочи также завершалась, вице-адмирал предписал подготовить суда для переброски войск к Шапсухо сразу из двух пунктов.

10 июля Хрущев привел эскадру к цели. Ожидали сильное сопротивление массы горцев, скопившихся в лесистой местности у Шапсухо, и командующий Кавказским корпусом Е. А. Головин на пароходе «Колхида» провел отвлекающую демонстрацию в устье реки Джубги. Позднее началась сама высадка. Моряки приобрели неплохой опыт. Поэтому после обстрела берега из сотен орудий три тысячи человек быстро и почти без потерь заняли плацдарм. К 20 августа Раевский намеревался достроить укрепление и предпринять высадку в Суджукской бухте. 22 августа Лазарев назначил контр-адмирала М. Н. Станюковича командовать эскадрой при высадке вблизи устья реки Цемес. Высадка 12 сентября прошла без потерь — неприятель сделал только несколько выстрелов. Лазарев и Раевский осмотрели местность и определили, где строить крепость и адмиралтейство. Там закладывалась основа будущего Новороссийска.

1839

Высочайшим повелением 17 января 1839 года были установлены названия укреплений: в Цемесской бухте — Новороссийск и Александрийское, у реки Пшада — Новотроицкое, при реке Вулане — Михайловское, у Сочи — форт Александрия, у Туапсе — форт Вельяминовский, на мысе Константиновский (Адлер) — укрепление св. Духа. Все эти сооружения составили Кавказскую береговую линию. Береговые укрепления от устья Кубани до Мингрелии подчинили начальнику линии Н. Н. Раевскому.

14 марта 1839 года Лазарев послал фрегат «Браилов» для скрытного описания рейда Субаши. 2 мая к устью реки прибыла эскадра. Десант провели следующим утром. Журнал Н. Н. Раевского сообщает: «Пешие толпы горцев сгущались на берегу, двадцать или тридцать начальников разъезжали верхом на равнине под вековыми деревьями, человек пятьсот стояли на коленях и пред ними мулла в белой чалме. Горцы молились: это предвещало их решимость защищаться донельзя».

Обстановка требовала от наступающих быстроты и четкости. За четверть часа артиллерия заставила горцев оставить заранее вырытые на побережье окопы. Неприятель встречал высаживающихся уже в сотне метров от берега. Передовой отряд отбил необычайно яростный натиск черкесов, а с приходом подкреплений отбросил его в горы. При высадке отличились В. А. Корнилов, А. И. Панфилов, Е. В. Путятин, Н. Ф. Метлин и другие известные в будущем флотоводцы. Наблюдавший за боем Айвазовский запечатлел события на картине «Высадка десанта у реки Шахе 3 мая 1839 г.».

Утром 7 июля эскадра с войсками приблизилась к устью Псезуапе. Горцы собрались для отражения десанта на правом берегу реки, но русское командование решило провести высадку на левом берегу и потом перейти реку. 2500 человек первой волны заняли местность, оттеснив черкесов, а тендер «Часовой» и четыре азовские лодки с пушками не допускали переправу противника. Горцы решили, что десант останется на левом берегу и бросились горами в обход. Русские войска без сопротивления перешли на правый берег, а когда запыхавшиеся горцы вернулись, они нашли перед собой засеки и войска за ними (к вечеру засеки окружили весь лагерь). Русские потери составили 19 человек, в том числе один убитый солдат.

18 ноября 1839 года высочайшим повелением укреплениям присвоили наименования: у Субаши — форт Головинский, у Псезуапе — форт Лазарев, у Мескаге — форт Раевский. В следующем году намечали построить укрепления на реке Гостогай, в 20 верстах от Анапы, и на Кубани, а также усилить уже существующие, в первую очередь Геленджикское и форт Вельяминовский. Но получилось иначе. Если ранее горцы лишь сопротивлялись высадкам, то с 1840 года они перешли в наступление. Еще 20—21 мая 1839 года черкесы под руководством известного нам англичанина Белля обстреляли из трех орудий форт Александрия у Сочи, но не выдержали ответного огня и отступили. В феврале 1840 года черкесы овладели фортом Лазарев. Местный князь, побывав в крепости и заметив ее слабость, собрал до трех тысяч горцев, которые в ночь на 9 февраля атаковали ее сразу с двух сторон и в рукопашной схватке перебили почти весь гарнизон; только больных увели в горы.

К концу месяца положение еще более осложнилось. 29 февраля пало укрепление Вельяминовское. Горцы напали неожиданно, захватив часть солдат гарнизона спящими. Вторая рота укрылась в блокгаузе, но помещение обложили хворостом и подожгли. Стоявшие у двери не выдержали, открыли вход и стали первыми жертвами разъяренных черкесов; остальных пленили.

К апрелю 1840 года возникла угроза Закубанскому краю, и войска, предназначенные для восстановления захваченных укреплений, пришлось послать на Тамань. Основания тому были серьезные — 22 марта пало укрепление Михайловское, почти весь гарнизон которого погиб в бою.

Горцы поклялись не складывать оружия, пока не уничтожат все русские заведения на своей земле, и перенесли нападения на Николаевское и Абинское укрепления. Первейшей задачей стало сохранение существующих фортов. Однако флот готовился и к возвращению павших укреплений. 10 мая эскадра Лазарева после обстрела берега высадила войска у Туапсе; только несколько горцев вступили в перестрелку. Успех этой акции позволил уже 22 мая провести без потерь десант при Псезуапе.

На этом основание Кавказской береговой линии фактически завершилось. Укрепления, поддерживаемые крейсирующими судами, стали прочной преградой для черкесов. Взять их не удавалось благодаря контрдействиям русских моряков.

Летом 1844 года горцы обложили укрепления у Туапсе, Псезуапе, Сочи и Субаши; последнее — форт Головинский — они атаковали ночью 16 июля, но были отбиты с уроном. Десант моряков с корабля «Силистрия» капитана 1-го ранга П. С. Нахимова заставил горцев отойти.

Головинский форт горцы атаковали и в ноябре 1846 года, но русский гарнизон отразил их восьмитысячный отряд. На сей раз контр-адмирал Нахимов оказал помощь как флагман, послав к разрушенному наводнением укреплению корвет «Пилад» и бриг «Паламед», а позднее и сам прибыл на фрегате; до августа суда Нахимова оставались у Головинского, пока укрепление не восстановили.

Войска занимали Кавказскую береговую линию до начала Крымской войны. Лазарев уже в 1840 году считал, что бесполезно держать гарнизоны во вредной для здоровья местности, среди неприятеля. Об этом говорили и другие опытные моряки. Они считали, что флот настолько вырос численно и качественно, что способен бороться с контрабандой самостоятельно. В сентябре 1853 года Нахимов предлагал перевести войска в Редут-кале и Сухум, но Меншиков не решился на это. Только весной 1854 года, когда английские и французские пароходы появились перед Севастополем, войска были эвакуированы.

В круглогодичном крейсерстве и высадках десантов прошли отличную школу, позднее названную «лазаревской», многие выдающиеся российские моряки. Е. В. Путятин, мореход и дипломат, заключил первый договор России с Японией. Всем известны имена П. С. Нахимова, В. А. Корнилова и других героев Синопа и обороны Севастополя. Они получили великолепную практику у берегов Кавказа под руководством Лазарева. Взаимодействие армии и флота, которое продемонстрировали Н. Н. Раевский и М. П. Лазарев, другие генералы и адмиралы, позволило проводить десантные операции быстро и почти без потерь.

Давно не существует Кавказской береговой линии, но Лазаревское, Головинка, Архипо-Осиповка и другие названия напоминают о мужестве защитников основанных полтораста лет назад русских укреплений.

СЕМЕН ЭКШТУТ

Николай Раевский

Павел I заявил однажды: «У меня лишь тот велик, с кем я разговариваю, и лишь до тех пор, пока я с ним разговариваю». Образцовая карьера не могла быть сделана без благоволения государя: близость к нему служила важнейшим показателем успеха и величия.

Отечественная война 1812 года привела к существенным изменениям в системе ценностей дворянского общества. «Конечно, мы щастливы, существуя под кротким правлением Государя милосердного, но нынешние обстоятельства, состояние России, выходящее из порядка обыкновенного дел, поставляют и нас в обязанности и в соотношения необыкновенные: не одному уж Государю давать надобно будет людям... отчет в делах своих, но самому Отечеству», — писал А. П. Ермолов П. И. Багратиону 30 июля 1812 года. Отныне служба государю уже не отождествлялась со службой Отечеству, хотя и не противопоставлялась одна другой. Успех в жизни перестал связываться исключительно с близостью к монарху. Подлинное величие, истинные заслуги перед Отечеством могли существовать вне зависимости от их официального признания и награждения. Пожалование чина или ордена осталось прерогативой верховной власти, но даже самодержец не мог вместе со знаком отличия даровать «патент на бессмертие».

Самодержавная власть императора не распространялась на общественное мнение и на грядущую оценку Истории. Царь это отлично осознавал. «Александр Павлович терпеть не мог популярных людей, желая один быть исключительно популярным, не любил и никакой репутации, независимой от его благоволения» (декабрист Д. И. Завалишин).

Если Александр I не любил людей, вознесенных славой, хотя и давал им важнейшие поручения и продвигал по службе, то Николай I последовательно старался от них

И. А. Долгоруков. Портрет Н. Н. Раевского. 1819.

избавиться. «Он не понял или не хотел понимать, что люди дельные, способные имеют характер более или менее независимый и потому не могут быть слепыми орудиями власти» (Н. В. Басаргин). Одним из таких людей был генерал-лейтенант Николай Николаевич Раевский (младший) (1801—1843), чья незаурядная и яркая личность сильно выделялась из толпы посредственностей. В одиннадцатилетнем возрасте он получил боевое крещение под Смоленском и стал, вероятно, самым юным в рядах российской армии участником Бородинской битвы, а затем блистательно воевал с персами, турками и неоднократно отличался при завоевании восточного берега Черного моря. Блестящие награды, счастье и успех его службы породили у соперников зависть. Раевский дважды против своей воли был вынужден выходить в отставку: его преследовало «жужжанье клеветы» и неблаговоление государя, так и не признавшего за талантливым военачальником права «сметь свое суждение иметь».

Став начальником Черноморской береговой линии, он стремился не к приобретению новых воинских лавров, но к умиротворению края гуманными средствами. Раевский полагал, что только железом и кровью нельзя прочно присоединить Кавказ к империи; горские племена надо приобщать к цивилизации, и торговля способна успешно с этим справиться. Нельзя говорить с горцами на языке угроз и ставить своей целью покорить их силой оружия, истребляя непокорных. Раевский был убежден: «набеги и опустошения вредят приращению края», мало кому удастся устоять «против общего влечения к сим мнимым военным подвигам». Так он писал 24 января 1841 года в рапорте командиру Отдельного кавказского корпуса генералу Головину. Долг службы и совесть заставляли Раевского, по его собственному признанию, неоднократно повторять эти мысли в официальных бумагах, что Николай I «усмотреть изволил с крайним неудовольствием».

«Я навлек на себя неудовольствие непосредственного начальства потому, что защищал мнение, несогласное с их мнениями. ...Я в своих выражениях увлекся из пределов чинопочитания, заслужил строгий высочайший выговор, — и меня ожидало отрешение от должности и предание военному суду».

Если сопоставить лермонтовские стихотворения 1840—1841 годов («Валерик», «Завещание», «Родина», «Спор», «Сон»), посвященные Кавказу, с донесениями и письмами Н. Н. Раевского, относящимися к этому времени, нельзя не заметить, что их воззрения на войну сильно отличались от взглядов большинства современников. Поручик Тенгинского пехотного полка и начальник Черноморской береговой линии не желали безоговорочно принимать «славу, купленную кровью». Они не считали, как стали выражаться век спустя, что «война все спишет».

«...Я здесь первый и один по сие время восстал против пагубных военных действий на Кавказе и от этого вынужден покинуть край...»

ДМИТРИЙ СТЕПАНОВ

Имам Шамиль

Шамиль в детстве избегал общества сверстников — так ему легче было общаться с природой «страны гор» — Дагестана. В горах он мог даже оставаться на ночь. Молчаливый, мечтательный и своенравный подросток вызывал неприязнь у молодых односельчан. У него был только один друг — Гази-Мухаммед, сын Исмаила (старше его на несколько лет). О нем даже Шамиль говорил: «Он молчалив, как камень». Друзья жили в аварском ауле Гимры через два дома друг от друга и были неразлучны. Гази-Мухаммед готовил себя к духовной службе, долгие часы проводил за молитвой, а Шамиль, хотя и начал читать Коран в шесть лет, поначалу стремился к физическому совершенству. Он научился бороться, бегать, прыгать и плавать лучше всех. Даже среди наездников Дагестана, чье мастерство в верховой езде весьма высоко, Шамиль в конце концов стал одним из искуснейших. Его умение владеть шашкой и на всем скаку попадать в цель с первого выстрела поражало современников.

Упорное стремление Гази-Мухаммеда к духовному совершенству заставило и Шамиля заинтересоваться учебой — он захотел стать первым учеником знаменитого муллы Джамалуддина из Кази-Кумуха. Для этого пришлось вслед за Гази-Мухаммедом отправиться в аул Унцукуль и там углубиться в занятия арабским языком, логикой, риторикой, арабской литературой, философией, теологией. Молитвы и занятия наукой изредка разнообразились участием молодых людей в боевых схватках с русскими отрядами генерала Ермолова. Это были первые сполохи разгоравшейся Кавказской войны. Когда Шамиль освоил законоведение и суфизм — сложное учение, рассмат-

Имам Шамиль.

ривающее религиозную историю от Адама, Моисея, Иисуса до Магомета, — Джамалутддин признал Шамиля своим лучшим учеником.

Постепенно религиозные убеждения Гази-Мухаммеда, а под его влиянием и Шамиля привели их к принятию особого мусульманского учения — мюридизма. Шамиль навсегда запомнил арабские стихи Гази-Мухаммеда: *«Как же можно жить в доме, где не имеет отдыха сердце, где власть Аллаха непризнаваема? Где святой ислам отрицают, а крайний невежда выносит приговоры беспомощному человеку?.. Я выражаю соболезнование горцам и другим в связи со страшной бедой, поразившей их головы, и говорю, что если вы не предпочтете покорность своему господу, то да будете рабами мучителей». «Аварские ханы не хотят признавать законы шариата. Значит, необходимо лишить их власти над правоверными Дагестана»* — так решили Гази-Мухаммед и Шамиль. *«Христианский русский царь хочет владеть правоверными, как владеет своими мужиками,*— рассуждали Гази-Мухаммед и Шамиль, — *значит, нужно и с ним вести войну за свободу».* Друзья помнили, что Коран обещает рай тому, кто погибнет под тенью шашки.

Настал день, и Гази-Мухаммед отправился пешком по аулам Дагестана, призывая горцев к священной войне — газавату. Горцы признали его имамом Чечни и Дагестана — обладателем такого духовного авторитета, который был сильнее и влиятельнее любой светской власти. Шамиль призывал своего друга не спешить, собрать силы, а сам отправился в священный город Мекку. Вернувшись, он принял участие в походах первого имама.

Когда русские, почувствовав силу горцев, двинули против них большой отряд, который вели сразу три генерала: Розен, Вельяминов и Вольховский, — Шамиль бок о бок с Гази-Мухаммедом принял сражение в узком ущелье на подступах к родному аулу Гимры. Превосходство русских в численности было столь велико, что Шамиль понял: в лобовых сражениях русских не победить. И все же он сражался до последнего. Ночью, когда пушками были разбиты каменные башни горцев, когда за разрушенной стеной осталась лишь горстка мюридов, Гази-Мухаммед первым бросился на прорыв окружения и пал, пораженный штыками. Следом за ним бросился Шамиль. Высокий и сильный, он сразу зарубил двух солдат, а когда третий всадил штык ему в грудь, он одной рукой выдернул штык, а другой ударил нападавшего саблей. В тесноте боя солдаты не стреляли, боясь поразить своих, и Шамиль вырвался из окружения, растворившись в темноте. Это произошло 17 октября 1832 года.

Горы спасли Шамиля. Три месяца лечил он раны. Его ждали, как продолжателя Гази-Мухаммеда, но

пока имамом стал Гамзат-Бек, а Шамиль выступил его наместником. И лишь в 1834 году, когда Гамзат-Бек в отмщение за убийство аварских ханов был зарублен в мечети, «народ и ученые», как пишет современник, избрали имамом Шамиля, сына Мухаммеда Гимринского.

Прежде всего Шамиль занялся введением в горах мусульманского права. Он видел, что существующие обычаи не мешают распространению пьянства, грабежей, своеволия, невежества и кровожадности. Сдержать распространение этих пороков можно было, считал Шамиль, только железной рукой. Он повелел карать смертью за обман, измену, разбой и грабеж, но также и за сопротивление мюриду, за несовершение пяти молитв в день, за неотчисление процента имущества в пользу бедных. Вместе с тем Шамиль ввел наказания за такие нарушения шариата (мусульманских законов), как музыка, танцы, курение трубки. Танцорам пачкали лицо сажей и возили их на ишаке, лицом к хвосту, по селению. Курильщику продевали сквозь ноздри бечевку и привязывали к ней трубку. Шамиль ненавидел пьянство. Еще мальчиком он пригрозил любившему выпить отцу, что если тот не перестанет пить, то Шамиль сам себя зарежет. Отец пить бросил. Став имамом, Шамиль добавил к положенным по шариату за пьянство сорока ударам палкой смертную казнь — для тех, кто кроме пристрастия к вину отличался неблаговидным поведением.

Год за годом Шамиль заменял неписаное право обычаев собственными законами, основанными на шариате. Среди важнейших его деяний — отмена крепостного права, противного мусульманской идее о равенстве всех людей. К 60-м годам из его законов можно было составить целый кодекс, а их справедливость вызывала доверие и уважение горцев. Шамиль не был просто «удачливым и хитрым атаманом шайки горцев», как иногда говорили о нем в России. Он был мудрым правителем и законодателем, вера которого заставляла воевать за справедливость.

Шамиль был и прекрасным полководцем. Поначалу он лично участвовал в боях: с рыжей, окрашенной хной бородой, в окружении телохранителей, на неизменном белосером коне в яблоках, он символизировал удачу. Все больше горцев присоединялось к нему, все меньше оставалось покорных своим ханам и русскому царю. Противников по междоусобным войнам Шамиль не только жестоко уничтожал (по его приказу 33 телетлинских бека были сожжены в своих домах; 11-летний Булач-Хан, наследник аварских ханов, был брошен в горную реку), но и мудро уговаривал. Он говорил так: *«Я и вы — братья по религии. Две собаки дерутся, но когда увидят волка, то, забыв свою вражду, вместе бросаются на него. Хотя мы враги между собою, но русские — волк наш, а потому прошу соединиться со мною и сражаться против общего врага; если вы не поможете мне, то Бог — моя помощь»*.

А русские направляли против Шамиля все большие силы. В 1839 году имам еле спасся после трехмесячной осады его резиденции — аула Ахульго. Он три дня прятался под скалой — снова его спасли горы.

В России торжествовали победу, но через восемь месяцев имам Шамиль вновь объявился во главе верных мюридов. Его союзниками стали Большая и Малая Чечня. Чечня обратилась к Шамилю с просьбой или защитить ее, или разрешить покориться русским. Чеченские послы, зная, что за такое предложение им грозит смерть, убедили мать Шамиля (подкрепив слова 200 туманами) передать их просьбу имаму. Пораженный отступничеством матери от закона Магомета, Шамиль три дня провел в раздумьях и молитвах. Простить — немыслимо, наказать — тяжело! Наконец он *«услышал»* решение Аллаха — *«кто первым высказал свои постыдные намерения, дай тому сто ударов плетью!»*. Но он смог ударить мать лишь пять раз, а потом упал без чувств. Когда же встал, то объявил: *«Я просил Аллаха о помиловании, и он приказал, чтобы остальные 95 ударов я принял на себя. Бейте меня, и если кто пропустит хоть один удар, того я заколю тотчас!»* Четырех посланников Чечни он заставил прочесть отходные, предсмертные молитвы — и отпустил домой.

Против огромных русских корпусов Шамиль нашел верную тактику: не биться лоб в лоб, а заманивать вглубь, в горы, загораживая дорогу завалами и обстреливая с гор. (Так же в это же время афганцы били вторгшихся из Индии англичан.) В результате бесславно закончилась в 1845 году «сухарная экспедиция» нового наместника на Кавказе Воронцова, планировавшего одним ударом покончить с Шамилем. *«Кто не имел осла,* — писал очевидец, — *приобрел несколько лошадей и оделся в суконную чуху, кто прежде и палку в руках не держал, добыл хорошее оружие»*.

К 1847 году имам Шамиль достиг пика своего могущества. Но сияние власти ослепило и его. Он объявил всем наибам, ученым, всем «почетным людям», что делает своего сына наследником — наследником духовной власти! И народ стал поговаривать, что Шамиль заботится только о себе, о своем возвышении, нисколько не думает о Боге, стремится лишь к богатству. Народ видел, что наибы-управители, которых Шамиль почитал за своих апостолов-помощников, копят деньги, напрасно убивают мусульман, часто не делая различий между правыми и виноватыми. Они показно исполняют приказы имама, а на деле обманывают его. Так, наибы разогнали и перебили отряд терских казаков, перешедших к Шамилю вместе с семьями и двумя священниками, хотя сам Шамиль приказал выделить им землю и охранять их. Начальник контрразведки Шамиля Гаджи-Али признавался в своих воспоминаниях: *«Это была такая болезнь, которую излечить или уничтожить не было ни средств, ни лекарств, оставилось покоряться только воле Божьей и предопределению»*. Сам Шамиль повторял с сожалением вслед за одним арабским поэтом: *«Я вижу тысячу человек, строящих здание, которое может разрушить один человек! Так что же сможет построить один человек, когда сзади по тысяче разрушителей?»*

Весной 1855 года вернулся из России сын Шамиля Джамалуддин, воспитывавшийся в Пажеском корпусе. К тому времени он стал поручиком гвардейского уланского полка и полюбил Россию. Шамиль с горечью выслушивал умные, но критические высказывания сына о войсках, артиллерии, военном устройстве горцев. А после восторженных рассказов Джамалуддина о русском царе, его огромном войске и несметной казне и просьб о примирении с Россией отец и братья стали чуждаться его. Молодого (всего 25 лет!) человека свалила болезнь — то ли чахотка, то ли тоска по второй родине. Шамиль пытался сделать для спасения сына все — он даже послал гонцов в русскую крепость за лучшим на Кавказе врачом Пиотровским, оставив трех лучших наибов заложниками. Но и Пиотровский ничего не смог сделать. 28 июня 1858 года Шамиль потерял Джамалуддина.

А между тем русские понемногу, ценой больших потерь и долгих неудач, научились использовать в горах свой огромный численный перевес. К 1858 году кольцо русских гарнизонов вокруг горной резиденции Шамиля — аула Ведено сомкнулось. Шамиль успокаивал соратников: *«Не пугайтесь русских. Когда я вышел из Ахульго, со мной было лишь семь человек, а теперь я вот каким сделался с помощью вас. Не думайте, что я вас оставлю без всякой помощи и уйду в горы, нет, я умру здесь, на земле нашей. Вы такие смелые и храбрые!»* Шамиль, его сын Кази-Мухаммед, его наибы, ученые, сотенные начальники дали клятву сражаться с русскими до конца.

И все же Чечня была покорена. Семья Шамиля и остатки верных наибов отступили в аул Гуниб, природную горную крепость. По дороге покинувшие Шамиля горцы ограбили обоз Шамиля с драгоценностями и казной — у него уже не было сил для надежной охраны. Теперь у имама не осталось ничего, пишет Гаджи-Али, *«кроме оружия, которое было у него в руках, и лошади, на которой он сидел»:*

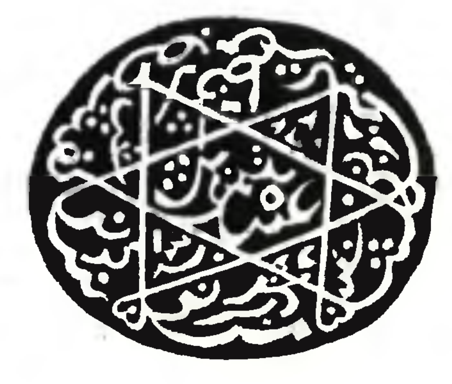
Горцы укрепили Гуниб во всем правилам военного искусства. Даже женщины взяли оружие, а жены и невестки Шамиля таскали камни. Но огромную горную крепость отряд в 400 человек не смог удержать. Начали бить пушки. Тысячи и тысячи русских штыков окружили последнее пристанище Шамиля.

После долгих раздумий Шамиль согласился на переговоры с Барятинским. Умелый русский дипломат полковник Лазарев убеждал имама, что исход решающей битвы ясен, сопротивление приведет только к тысячам ненужных смертей, что князь Барятинский, отдавая дань уважения великому имаму, сохранит ему не только жизнь, но и возможность жить с семейством, будет ходатайствовать перед императором о разрешении уехать в Мекку.

26 августа 1859 года Шамиль решил прекратить борьбу. 24 года 11 месяцев и 7 дней сражался он за свои убеждения и идеалы, но в этот день он вышел навстречу князю Барятинскому из своей крепости. Шамиль не верил, что его оставят в живых и собирался дорого продать свою жизнь: 60 мюридов с оружием вышли вместе с ним, готовые стрелять. Но русские ответили громовым приветственным «Ура!». В роще, в полутора верстах от Гуниба, встретил Шамиля князь Барятинский. Шамиль обратился к нему с такими словами: *«Я тридцать лет дрался за религию, но теперь народы мои изменили мне, а наибы разбежались, да и сам я утомился; я стар, мне шестьдесят три года. Не гляди на мою черную бороду — я сед. Поздравляю вас с владычеством над Дагестаном и от души желаю государю успеха в управлении горцами, для блага их»*.

Так закончилось имамство Шамиля, но не его жизнь. Ему предстояло прощание с горцами в Темир-Хан-Шуре, долгое путешествие через всю Россию (удивившую его своими размерами) в Петербург. Шамиль боялся, что его везут прямо в Сибирь, и всю дорогу сверялся с компасом, приходя в волнение при малейшем отклонении стрелки. Александр II принял Шамиля неожиданно дружелюбно и ласково, повелел определить ему содержание в 20 тысяч рублей ежегодно (больше, чем в лучшие годы добывали набегами наибы Шамиля) и поселил своего недавнего врага в Калуге. Там Шамиль, две его жены и их дети прожили до 1869 года, потом переехали в Киев. В марте 1870 года русский император наконец отпустил его в Мекку. Чтобы добиться этого, Шамиль написал клятвенное письмо, что не причинит России никакого вреда. Второй раз, в семидесятичетырехлетнем возрасте, смог Шамиль совершить священное паломничество — хадж. Великого деятеля ислама с почтением встречали в мусульманском мире. Турецкий султан воздал ему большие почести, и еще большие тогда, когда своим мудрым советом Шамиль предотвратил войну султана с египетским Исмаил-пашой. В Мекке за Шамилем ходили толпы паломников.

Умер Шамиль вскоре после переезда в Медину — неудачно упал с коня. Восемнадцать ран не помешали ему прожить до 72 лет. Его могила находится в Медине, в одном из самых почитаемых и посещаемых паломниками всего мира мест.

Именная печать Шамиля.

Ведено.
25 августа 1859 года.

В пятом номере «Русского Архива» за 1889 год было помещено объяснение картины Горшельта, изображающей представление пленного Шамиля князю А. И. Барятинскому 25 августа 1859 года под Ведено.

Слева направо:

1. Милиционер из племени Кевсури, с закинутым назад щитом и пикою наперевес в правой руке, Гиго или Георгий Гватуа, ныне полковник.
2. Казак в черной папахе.
3. Тушинец в шапке.
4. Заридзе, казацкий офицер, в черной папахе, с опущенными вниз усами.
5. Лейтенант Перфильев, в фуражке, ныне член окружного суда в Москве.
6. Мюрид Янус, с засученными рукавами, правая рука Шамиля.
7. Граф Алексей Васильевич Олсуфьев, ныне генерал-лейтенант, почетный опекун в Москве.
8. Генерал барон Александр Евстафьевич Врангель †.

9., 10. Два брата Граббе, Николай и Александр Павловичи.

11. Шамиль.
12. Над Шамилем, в фуражке, с густыми усами, полковник Лазарев (впоследствии герой, взявший Карс).
13. Князь Аркадий Александрович Суворов.
14. С Георгиевским крестом граф Евдокимов.
15. Выше графа Евдокимова генерал Кесслер, начальник инженеров Кавказской армии.
16. Переводчик.
17. Выше Кесслера полковник Роберт Христианович Тромповский (родом из латышей).
18. Д. А. (ныне граф) Милютин.
19. Князь А. И. Барятинский.

20 и 21. Выше князя Барятинского, в белых папахах, держащие знамена, унтер-офицеры Кази-бей и Хаджеев.

22. Рядом с князем Барятинским князь Д. И. Мирский.
23. Выше его генерал князь Тархан-Моуравов.
24. С Георгиевским крестом генерал барон Леонтий Павлович Николаи, ныне католический монах.
25. Рядом с ним врач Зенон Иванович Пилецкий.
26. Выше их (худощавое лицо) Фокион Естафьевич Булатов, чиновник особых поручений, впоследствии Елисаветпольский губернатор.
27. В черной шапке лезгинец Кибит-Магома, один из главных мюридов.
28. Прислонившийся к дереву капитан Авинов, ныне генерал-майор, начальник дворцового управления в Московском Кремле.

30. Еще левее граф Владимир Владимирович Орлов-Давыдов, бывший Симбирский губернатор †.
31. Оборотившийся лицом совсем вправо художник Горшельт.
32. Перед ним влево граф Анатолий Владимирович Давыдов, ныне генерал-лейтенант, заведующий Московским дворцовым управлением в Кремле.
33. Левее его полковник Владимир Алексеевич Лимановский †.
34. Князь Николай Дмитриевич Гагарин (с непокрытою головою), бывший адъютант графа Д. А. Милютина.
35. Правее его лейтенант Кирила Львович Нарышкин.
36. Еще правее, между двумя деревьями, секретарь князя Барятинского Рис.
37. Мальчик Захар, брат Георгия Гватуа.

АНТОН КОЛОМИЕЦ

Александр Барятинский

2 мая 1815 года в семье князя Ивана Барятинского и его жены, урожденной графини Келлер, родился первенец Саша. Отец будущего фельдмаршала был «высокий, видный, стройный, волевой, светлый шатен с проседью, скорый, нетерпеливый: обладающий всеми качествами светского человека». Награжденный за штурм Праги (предместье Варшавы) в 1794 году орденом св. Георгия, он сделал затем блестящую дипломатическую карьеру, служил при графе Семене Романовиче Воронцове в Лондоне, а потом посланником в Баварии. Через несколько лет князь Иван оставил службу (а ему предлагали должность посла в Лондоне) и занялся хозяйством.

После рождения сына отец составил программу его воспитания и развития. В основу воспитания был положен принцип: нравственность — опора личности, а ложь и неумеренность — главные пороки человека. Рано умерший И. И. Барятинский оставил оригинальное завещание: «Я прошу как милость не делать из него ни военного, ни придворного, ни дипломата. У нас и без того много героев, декорированных хвастунов, куртизанов. Россия — большой гигант, долг людей, избранных по своему происхождению и богатству, действительно служить и поддерживать государство». Отец хотел видеть Александра финансистом или агрономом. Однако вопреки отцовской воле младший Барятинский стал и военным, и придворным, и дипломатом.

С 14 лет Саша Барятинский воспитывается в Москве. 26 июня 1831 года его записывают в юнкера Кавалергардского полка. 6 августа

Князь Александр Иванович Барятинский.

того же года он прибывает в школу гвардейских юнкеров и подпрапорщиков, а в ноябре 1832 года туда поступает юнкер лейб-гусарского полка М. Ю. Лермонтов. Молодые Барятинский и Лермонтов часто бывали заводилами в проказах и шалостях, начальство же смотрело на это сквозь пальцы.

Проделки юнкеров Булгакова, Поливанова, Вонлярлярского послужили материалом для юношеских стихов Лермонтова, создавая ему славу нового Баркова. Не обойден был его вниманием и Барятинский, которому Михаил Юрьевич (он же «Маешка»), вероятно, сильно завидовал. В поэме «Гошпиталь» мы встречаем нашего героя, скрытого под именем Б-й, совсем не в героическом обличье, в отличие от Поливанова — «Лафы». Может, это и вызвало ухудшение отношений между Барятинским и Лермонтовым, тем более что поэма стала известна и за пределами школы.

Зимой 1834/35 года на квартире князя С. В. Трубецкого корнет лейб-гусар Лермонтов проповедовал свою излюбленную идею о том, что человек способен подавлять лишь свои душевные страдания, но не физические. Барятинский молча подошел к столу, взял горячее стекло лампы, прошелся по комнате и поставил стекло на стол, не раздавив его. Рука была сожжена до кости и два месяца держалась на повязке.

За подобные шалости и неуспеваемость Александр Иванович был выпущен не в кавалергарды, а в гатчинские кирасиры. Приключения продолжались и здесь. Александр Барятинский с приятелями, решив пошутить над своим полковым командиром, торжественно доставили ему на дом... гроб. Полковой командир был шокирован, но строгих мер не принял. Все петербургское общество смеялось над дерзким утоплением пушки, подаренной императором Николаем I великому князю Михаилу Павловичу. Глубокой ночью компания Трубецкого, в которой был Барятинский и, возможно, Мишель Лермонтов, привязала наградную пушку к неводам рыбаков. Утром пушка оказалась в воде... А следующая проделка Барятинского и К° вообще вошла в сборники анекдотов XIX века. Во время праздничного гулянья высшего петербургского света на Черной речке во флотилию празднично украшенных лодок и яликов врезался черный челн с гробом. Под крики возмущенного общества челн вдруг резко накренился, и гроб соскользнул в воду. Раздались крики: «Мертвеца утопили!» — и началась жуткая паника. «Пиратский» экипаж за сорванный праздник получил на всю катушку: С. В. Трубецкой был разжалован в рядовые и отправлен на Кавказ; Барятинский отсидел несколько месяцев под арестом и в марте 1835 года тоже угодил поближе к горцам. Один из членов экипажа оказался «неизвестным» и не пострадал. Костя Булгаков и Мишель Лермонтов продолжали шалить и дальше, для них Кавказ был впереди, а их товарищи отправлялись туда «для приобретения опытности».

В апреле 1835 года причисленный к конному полку черноморских казаков А. И. Барятинский представлялся генералу А. А. Вельяминову (параллельно давайте держать в уме представление Г. А. Печорина Максим Максимычу). Генерал Вельяминов лежал на диване лицом к стене и читал книгу. Адъютант ввел Барятинского. Тот представился. Вельяминов, не поворачиваясь, спросил адъютанта: «Он из тех, что ли, что государь прислал сюда учиться делу?» — «Точно так, ваше превосходительство». — «Хорошо, так скажи ему, чтобы он приходил сегодня обедать в сюртуке, без сабли». Такое было немыслимо в Петербурге, но типично для Кавказа. Кстати, в 1837 году М. Ю. Лермонтов, сосланный на Кавказ, также был назначен в отряд Вельяминова.

21 сентября 1835 года в авангарде Кабардинского полка Барятинский во главе сотни казаков участвовал в ожесточенной схватке с горцами на Черноморском побережье. Ружейная пуля пробила ему бок и застряла в кости. Казаки вынесли его с поля боя. Собрав последние силы, он продиктовал завещание: «Людей, бывших при мне, — на свободу, Колюбакину — ружье, Трубецкому А. — кольцо, Горскому — коляску, вороного коня-рысака — С. Трубецкому, оружие — Голицыну...» Несколько недель у палатки раненого стоял гроб, но молодой организм совладал с болезнью. Представленный к св. Георгию, Барятинский ордена не получил, но был произведен в поручики и награжден золотой саблей «За храбрость». Ему предоставили отпуск для лечения и зачислили в свиту великого князя Александра Николаевича.

Князь Михаил Семенович Воронцов.

Затем Барятинский был переведен в Гродненский гусарский полк, где после возвращения с Кавказа в 1837 году числился и Лермонтов. Здесь их отношения испортились окончательно, и настолько, что впоследствии Александр Иванович решительно выступил против открытия музея Михаила Юрьевича в Николаевском училище, мотивируя это тем, что Лермонтов был плохим другом, офицером и безнравственным человеком (впрочем, вообще князь не возражал против открытия музея поэта).

Николай I хотел видеть в Барятинском друга своего сына. В начале 40-х годов Барятинский много путешествовал и вместе с цесаревичем, и в одиночку (для лечения). Во Франции от встречался с Талейраном и Поццо ди Борго, в Англии — с Робертом Пилем и Пальмерстоном. Молодой и образованный офицер всюду получал прекрасные отзывы. В 1840 году именно он доставил Николаю I известие об обручении наследника, за 11 дней проскакав почти через всю Европу.

В 1845 году командир батальона Кабардинского полка Барятинский отличился в кровавой Андийской экспедиции. Его заслуги высоко оценил главнокомандующий на Кавказе граф М. С. Воронцов: «Из главных виновников в столь блестящем успехе оружия нашего, полковника кн. Барятинского, я считаю в полной мере достойным ордена святого Георгия 4-й степени: он шел впереди храбрейших и подавал собою пример мужества и неустрашимости в деле, которое в летописях Кавказа всегда будет славным». Но было и другое: пуля в ноге и жестокий разнос, послуживший хорошим уроком. Поставленный на позицию командиром полка, Барятинский посчитал ее неудачной и передвинул батальон. Полковник Козловский, обнаружив это, взорвался: «Полковник Барятинский! Вы что же это умничаете? Кто вам позволил сойти с места, которое я вам указал? Прошу повиноваться моим распоряжениям!»

Через два года князь Александр становится командиром Кабардинского полка, одного из старейших на Кавказе. Воронцов писал князю А. И. Чернышеву — военному министру и шефу полка: «Итак, храбрые Кабардинцы в добрых руках и кн. Барятинский во главе полка, в рядах которого он сделал свои первые военные шаги, умеет заслужить уважение и любовь офицеров и солдат!» Кабардинский полк под его руководством завоевал новую славу, особенно при осаде Гергебиля. Команда охотников-кабардинцев под руководством Богдановича считалась лучшей на Кавказе. На свои деньги князь Барятинский закупил для нее в Льеже двухствольные штуцера.

Александр Иванович стремился лучше понять обычаи народов Кавказа; его идея противопоставить Шамилю обычное право горцев оказалась очень плодотворной. Строгий в выполнении служебных обязанностей, князь умел быть снисходительным, когда дело касалось традиций и обычаев войск. В этом отношении показателен случай с храбрейшим из офицеров, легендой Кавказского корпуса — Богдановичем. Его команда охотников прикрывала роту, работавшую на сенокосе. В тот день рота отмечала свой ротный праздник и именины командира. Когда все опасные места были выкошены, охотники присоединились к кутежу, а затем отправились в штаб-квартиру полка. В дорогу им, чтобы не было скучно, дали с собой на «посошок». День был жаркий, до крепости 12 верст, а «посошок» был не малым — Богдановича, который уже не мог идти, везли на пушке. Князь Барятинский, зная о ротном празднике, не ожидал возвращения охотников в тот день. Каково же было его удивление, когда ему доложили: с традиционным докладом о благополучном возвращении прибыл сам Богданович. По команде «Войдите» два солдата внесли Богдановича, прислонили к стене и моментально исчезли. С большим трудом, запинаясь и повторяясь, Богданович отдал формальный рапорт. Еле сдерживая смех, Барятинский отпустил офицера, втайне желая посмотреть, что же будет, если тот отойдет от стены. Богданович вышел из положения с присущей ему смекалкой и лихостью: по условному сигналу те же солдаты моментально появились в штабе и тут же унесли командира охотников.

В 1856 году князь Барятинский становится главнокомандующим Отдельным кавказским корпусом. 12 октября он издает приказ: «Воины Кавказа! Смотря на вас и дивяся вам, я взрос и возмужал. От вас и ради вас я осчастливлен назначением быть вождем вашим.

Трудиться буду, чтобы оправдать такую милость, счастье и великую для меня честь.

Да поможет нам Бог во всех предприятиях на славу Государя».

Учитывая специфику Востока, князь Барятинский превратил свою резиденцию — особняк Вырубова в Тифлисе — в подобие жилища восточного сатрапа. По городу он никогда не ходил пешком: даже для выхода в театр, до которого было 40 метров, вызывался конный конвой. Самыми скромными комнатами в особняке были личные, куда допускались лишь наиболее близкие люди, которые составили товарищество без национальных и служебных различий.

22 августа 1859 года Барятинский издал приказ, в возможность которого еще несколько месяцев назад не верили даже Д. А. Милютин и Н. И. Евдокимов: «Воины Кавказа! В день моего приезда в край, я призывал вас к стяжанию великой славы Государю, и вы исполнили надежду мою.

В 3 года вы покорили Кавказ от моря Каспийского до Военно-Грузинской дороги.

Да раздастся и пройдет громкое мое спасибо по побежденным горам Кавказа и да проникнет оно со всею силою душевного моего выражения до глубины сердец ваших.

И наконец: Августа 26 дня 1859 года Шамиль взят — поздравляю Кавказскую армию!»

В воспоминаниях современников запечатлен парад в Тифлисе в честь победы над Шамилем. Парад открывал батальон Грузинского гренадерского полка. Все офицеры этого батальона и более половины солдат имели награды. Все офицеры этого батальона имели ранения. Впереди марширован полковник князь Орбелиани на деревяшке. Граф Н. И. Евдокимов был изранен как решето, А. Е. Врангель получил почти смертельную рану в живот под Ахульго, Д. И. Святополк-Мирский был прошит пулями в грудь крест-накрест. Не отличался от подчиненных и главнокомандующий, ехавший на белой лошади с золотой цепью, — две тяжелые раны.

Вскоре тяжелая болезнь заставила Александра Ивановича покинуть Кавказ, хотя формально он оставался главнокомандующим еще два года.

«... Еще прошу у Бога, чтобы он не изгладил из вашего ума и памяти воспоминаний обо мне и чтобы он помог вам сдержать обещание, данное вами мне в благословенной Москве, в прошлом году, а именно чтобы я мог видеться с вами хоть самое короткое время, ибо мне нужно переговорить с вами с полчаса...

Да возвратит вам Бог здоровье, это всегдашняя молитва о вас.

Смиренный раб Божий Шамиль...» — вот что писал вождь горцев в письмах к своему победителю князю Барятинскому.

«... Полагаю, что это письмо есть прощальное и последнее перед окончательной разлукой с вами искренне преданного вам человека, жаждующего переменить жизнь на смерть по воле того, кто сотворил и ту и другую. —

Больной и слабый Шамиль».

Шамиль был искренен в своих чувствах к Барятинскому, а вот многие из прежде близких людей предали больного полководца. Обратившись как-то к Александру II по неприятной для того проблеме, он услышал от царя: «Фельдмаршал, разве вы не видите, что я вас не слушаю». Но еще более болезненно Барятинский переживал разрыв с Д. А. Милютиным, который, как считал Александр Иванович, грубо и жестоко обманул его.

В 60—70-е годы Барятинский оказался явно не у дел. Его проекты отвергали, не читая, хотя там было много дельных мыслей.

Умер князь Барятинский всеми забытый, в Швейцарии, и только две газеты статьями его сослуживцев откликнулись на эту смерть, последовавшую 25 февраля 1879 года.

ТИМОФЕЙ ШЕВЯКОВ

ГВАРДЕЙЦЫ С КАВКАЗА

Во время войны в составе российской армии были части, сформированные из местных жителей.

Части эти, как правило небольшие, формировались кавказскими князьями, ханами и беками и носили милиционный, то есть ополченческий характер. Они никуда не отлучались от своего дома, являясь как бы местным гарнизоном.

По названиям таких формирований можно определить территории, на которых они создавались, и национальности, из которых комплектовались. Среди первых мы видим Карабулахскую, Назрановскую, Самурскую и Эриванскую милиции, Кубинских и Куринских военных нукеров, Ширванскую и Карабахскую конницы. Среди национальных частей — Чеченская, Грузинская, Армянская, Ингушская, Осетинская, Джаро-Лезгинская милиции, Албанская и Татарская конницы, и, кроме того, до четырех Конно-Мусульманских полков, комплектовавшихся горцами-мусульманами. Названия милиций князей Эристовых, князя Мачабели, князя Накашидзе, Лорис-Меликова и шамхалов Тарковских дают нам возможность узнать, кем они были созданы.

Взятие русскими войсками завалов (В. Потто. «История 44-го драгунского Нижегородского полка»).

Кроме вышеназванных частей, носивших временный характер, существовали и другие формирования. Так, грузинский пеший полк «Джар», созданный в 1831 году и через восемнадцать лет переформированный в пешую дружину, в 1899 году стал регулярной частью — 5-м Кавказским стрелковым батальоном, получил за 60 с лишним лет существования четыре коллективные награды — Гренадерский поход (особый барабанный бой) в 1837 году, простое знамя *«За отлично-усердную службу, оказываемую постоянно в делах с непокорными горцами»* в 1854 году, Георгиевское знамя за Кавказскую войну в 1870 году и серебряные сигнальные рожки за русско-турецкую войну 1877—1878 годов. Батальон этот, в 1911 году переформированный в полк, участвовал в Великой войне, по традиции до самого 1917 года комплектуясь почти исключительно грузинами. Плечом к плечу с 5-м Кавказским стрелковым полком шел по дорогам первой мировой 7-й Кавказский стрелковый полк, ведущий свою историю от сотни Гурийской пешей милиции, сформированной в 1851 году. В боевых действиях также участвовал Дагестанский конный полк, созданный в том же 1851 году как иррегулярный (то есть непостоянный, временный) и получивший за боевые действия на Кавказе Георгиевские серебряные трубы и Георгиевское знамя.

Кроме регулярных частей на Кавказе до революции сохранялись части ополченческого характера: сотня Кубанской милиции, существовавшая с 1842 года под названием Анапского горского полуэскадрона; шесть сотен Терской охранной стражи, ведущей свою историю от Терского конно-иррегулярного полка 1860 года, и 10 сотен Дагестанской постоянной милиции, поддерживавшей спокойствие в этом регионе после капитуляции Шамиля с 1860 же года. Кроме того, следует упомянуть Почетную команду конвоя командующего Отдельным кавказским корпусом, сформированную из горцев в 1839 году, а также Шапсугский береговой батальон, бывший в составе Кубанского казачьего войска с 1864 по 1870 год.

Особой темой является Собственный Его Императорского Величества конвой. В 1828 году для эскортирования императора был сформирован взвод «из знатнейших кавказско-горских уроженцев», через два года развернутый в полуэскадрон. Имевшие экзотичный средневековый костюм — шлемы и кольчуги, горцы фактически были почетными заложниками, что подтверждается высочайшим распоряжением 6 октября 1837 года *«через каждые два года присылать в Лейб-Гвардии Кавказско-Горский полу-*

РУССКАЯ АРМИЯ

1. Рядовой жандармских команд. 1853.
2. Офицер кавказских линейных батальонов. 1848.
3. Пехотный генерал. 1850.
4. Армейский кавалерийский адъютант. 1850.
5. Офицер кавказского пионерного батальона. 1829.
6. Гарнизонный инженер. 1850.
7. Офицер Генерального штаба. 1850.
8. Унтер-офицер кавказских линейных батальонов. 1829.
9. Канонир в шиели. 1828.
10. Рядовой Теигинского пехотиого полка. 1848.
11. Рядовой Нижегородского драгунского полка. 1836.
12. Офицер Нижегородского драгунского полка. 1829.

эскадрон по 12-ти человек из знатнейших горских фамилий, преимущественно таких, которые имеют влияние на своих единоплеменников». На следующий год была сформирована команда лезгин, еще через год — команда мусульман, имевшие национальную одежду. На улицах Петербурга и Царского Села горцы в этих нарядах казались воинами из древности...

В 1856 году последовало переформирование Конвоя, причем был указан принцип комплектования отдельных его частей: вновь сформированная команда грузин пополнялась «*молодыми людьми знатнейших княжеских и дворянских фамилий, православного исповедания, из Тифлисской и Кутаисской губерний...*». Команда горцев, в которую был сведен прежний полуэскадрон, комплектовалась на прежних основаниях; в команду лезгин было повелено «*принимать Джарцев и Лезгин Прикаспийского края, из тамошних знатнейших фамилий*», а команду мусульман — «*из почтеннейших фамилий ханов и беков Закавказского края*». Таким образом, была создана часть, представлявшая спектр основных национальностей и религиозных конфессий. Для завершения картины следует сказать, что пятую часть команды грузин составляли армяне, а три четверти команды мусульман — азербайджанцы. В 1881 году, выполнив свою задачу — гарантировать спокойствие на Кавказе, лейб-гвардии Кавказский эскадрон был расформирован.

Для того чтобы окончательно прояснить положение «туземных» кавказских частей, следует сказать несколько слов относительно наград этим формированиям. Знамена кавказским горцам жаловались очень щедро; так, с 1840 по 1845 год было пожаловано **тринадцать** знамен — и это при том, что части, как правило, насчитывали не более 300 человек! Надписи на знаменах говорили об отличиях, за которые они были пожалованы, причем на обратной стороне та же надпись была на грузинском либо арабском языке; отличие же в основном состояло в покорности, преданности и усердии, а также в заслугах, «*оказываемых постоянно в делах с непокорными горцами*».

...Сто тридцать лет спустя нам, потомкам воевавших с той и другой стороны, полезно узнать, что культура Кавказа и культура России не всегда противопоставлялись — хотя бы в военной области. Горцы и русские уважали традиции и обычаи друг друга и заимствовали их тоже нередко. Нелишне и нам об этом помнить.

Конвойные казаки императора Александра II.

КАЗАКИ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ФОРМИРОВАНИЯ

13. Казак Черноморской казачьей артиллерии. 1840.
14. Офицер Кавказского горского полуэскадрона Собственного Е. И. В. конвоя. 1830.
15. Урядник пешей гарнизонной артиллерийской роты. 1842.
16. Урядник конных полков Черноморского казачьего войска. 1838.
17. Оруженосец команды лезгин Собственного Е. И. В. конвоя. 1848.
18. Офицер Дагестанского конно-иррегулярного полка. 1851.
19. Офицер Кавказского казачьего эскадрона Собственного Е. И. В. конвоя. 1855.

КАВКАЗСКИЕ ГОРЦЫ

1. Чеченец.

2. Чеченец в зимней одежде.

3. Лакец (с. Убра).

4. Аварец.

5. Кабардинец. Начало XIX века.

6. Черкес. 1840-е годы.

7. Черкес в военной одежде.

8. Лезгин в национальной одежде. Вторая половина XIX века.

9. Черкес. Начало XIX века.

10. Ингуш в парадной одежде.

11. Абхазец.

ВЛАДИМИР ЛЕСИН,
доктор исторических наук

Шейх Мансур

Продавец оружия на Кавказе.

Эта тема не раз привлекала внимание дореволюционных, советских и даже зарубежных историков. И все-таки возможности для ее осмысления не исчерпаны до сих пор. Но прежде чем обратиться к личности героя, возглавившего в 1785—1791 годах движение против России, хочу пригласить читателя на одно собрание ученых-марксистов, характерное для периода «развитого социализма». Состоялось оно десять лет назад в столице автономной Чечено-Ингушетии.

Пленарное заседание ученого собрания открылось утром. В президиуме — маститые, известные не только своим женам историки, представители партийной власти, правда среднего уровня, но тщательно причесанные и отутюженные. Над сценой — кровавого цвета транспарант: «Привет участникам научной конференции, посвященной 200-летию добровольного вхождения народов Чечено-Ингушетии в состав России!» Не знаю, как другим, а мне уже первые минуты пребывания в гостях показались забавными. Подумалось: явно не для того созвали местные летописцы своих коллег чуть ли не со всех концов страны, чтобы вспомнить генерал-майора Ивана Медема, «умиротворившего» когда-то непокорных и гордых чеченцев.

После традиционного приветствия ректора республиканского университета, открывшего конференцию, с проповедью к собравшимся обратился партийный руководитель учебных заведений города. Он говорил о славном юбилее, об очень влиятельном «старшем брате», о семимильной поступи советской исторической науки, вооруженной «самой передовой методологией», а вот о генерале Медеме, как и следовало ожидать, ни слова. Я никак не мог сосредоточиться: отвлекал красный транспарант.

— Простите, — обратился я к соседу слева, назвав его по имени, прославленному русской классической литературой, — что вы скажете о приветствии? — и кивнул на красное полотнище над сценой.

Он приподнял голову, посмотрел и очень серьезно ответил:

— Признак внимания, уважения, гостеприимства... Особенно здесь, на Кавказе. А остальное — ложь, ставшая уже привычной. Но не судите строго организаторов конференции. Они, смею вас заверить, славные люди.

Мой сосед замолчал, а я подумал, что ложь, возведенная в ранг официальной политики, превратила нашу прекрасную Клио в шлюху, призванную прославлять бестолковую власть и не требовать даже вознаграждения.

Мог ли я тогда представить, что пройдет всего несколько лет и наша муза начнет свой правдивый рассказ о прошлом, который многим покажется страшнее всякой лжи.

Не знаю, о чем думал мой сосед, но я вспомнил забытого тогда всеми академика Николая Федоровича Дубровина и его «Историю войны и владычества русских на Кавказе», написанную в годы «самой оголтелой политической реакции», как принято было квалифицировать время, наступившее вскоре после убийства народниками императора Александра II.

Именно в том актовом зале Чечено-Ингушского университета возник у меня замысел предлагаемого читателю очерка.

Шабаз был беден и очень болен, поэтому и не мог обучить своего сына Учермана грамоте. А мальчик отличался гибким умом, отличной памятью и сильной волей. Без труда зазубрил он несколько длинных, как осенняя ночь, молитв и с этим запасом учености кинулся в жизнь, полную таких авантюр, каким не позавидовал бы и Пугачев. Но сначала отправился в горы пасти чужих овец. Отец скоро умер, оставив сыну хижину. Юноша возмужал, женился, стал участвовать в опасных набегах на русские посты и станицы, приобрел, скорее украл, пару быков и столько же лошадей, но из нищеты так и не вырвался, как ни старался.

Однажды Учерман *«осветился размышлением о роде жизни»* и, *«усмотрев, что он совсем противен святому закону», «устыдился прежних своих деяний»*. Наедине с собой неграмотный юноша думал: *«Почему люди гор, и простые, и ученые, и даже духовенство, уклонились от веры, от должного почтения к Богу, нарушают пост и молитву, живут развратно, утопают в злодеяниях, воруют, убивают без сожаления своих ближних?»* Впрочем, и сам он поступал не лучше.

Учерман дал себе слово не следовать дурным примерам своих земляков, поступать по справедливости, жить набожно и склонять к тому же других, прежде всего ближайших соседей. И это ему удалось. Но небольшое число последователей не могло удовлетворить честолюбия молодого человека. Желание выйти из круга людей обыкновенных стало неодолимым. Как это сделать? Пришла мысль предстать перед жителями родного аула Алды избранником Магомета, призванным избавить мир от пороков. А чтобы поверили, придумал простенький такой *«вещий»* сон, доказывающий, что на него пал Божий жребий.

Приснилось Учерману, будто явились к нему два всадника на белых скакунах. Он хотя и поразился тому, как оказались они посреди его двора, ворота которого были крепко заперты на ночь, однако встретил джигитов почтительно. Оказалось, что ночных гостей прислал к нему с поручением сам Великий Пророк.

— Магомет прислал нас сказать тебе, — заговорил один из пришельцев, — что народ ваш впал в заблуждение и совсем отклонился от пути, указанного ему законом веры. Просвети неразумных...

Всадники исчезли. Не стало в ауле Алды и бедного пастуха Учермана. Появился избранник Магомета по имени Мансур.

Мансур собрал алдинцев, рассказал им свой незамысловатый сон. Признав в бывшем пастухе избранника Великого Магомета, люди потянулись к нему, и он призвал их к войне против неверных, то есть против русских.

Имя Мансура день за днем обрастало легендами, да и сам он немало способствовал этому, разыгрывая на глазах изумленных зрителей сцены падучих припадков, смерти и воскрешения из мертвых. Образ жизни и мыслей молодого человека казался горцам каким-то чудом. Они потянулись в Алды из самых отдаленных аулов. Бывшего пастуха стали называть *«шейхом»*, и он не противился этому. Напротив, потребовал беспрекословного подчинения себе и добился этого. Остановиться он уже не мог и провозгласил себя имамом.

Учение Мансура, утрачивая постепенно чисто религиозный характер, вылилось в идеологию священной войны против неверных. В устах красноречивого имама Шамиля оно позднее оформится в систему. Но основы «газавата» на Северном Кавказе заложил он, безграмотный пастух Учерман, названный народом «пророком». Первую задачу он решил: добился признания. Можно было приступать к главному...

Если не преувеличивал начальник Кавказского корпуса, горцы, объединенные Мансуром, могли выставить до 25 тысяч человек. Для такого же количества русских, рассредоточенных по всей Линии, эта сила представляла серьезную опасность. Ликвидировать ее Григорий Александрович Потемкин поручил энергичному и честолюбивому полковнику Юрию Николаевичу Пьерри. Быстрым наступлением на *«самое место сборища лжепророка»* он должен был *«захватить его в свои руки»* и тем обезглавить движение, едва зародившееся.

Самоуверенный Пьерри слишком увлекся желанием отличиться и недооценил противника. Не дождавшись отряда бригадира Апраксина, посланного для поддержки, он один выступил против чеченцев. После почти суточного перехода он достиг реки Сунжи, от которой до места *«сборища лжепророка»* оставалось не более пяти верст. Оставив здесь обоз под прикрытием астраханских мушкетеров, он налегке переправился на противоположный берег и скоро вступил в густой лес, по которому пролегала извилистая и столь узкая дорога, что по ней с трудом могли пройти рядом четыре человека. Солдаты шли медленно, молча, чтобы не обнаружить себя. В просвете между деревьями увидели аул. Почти у цели неожиданно столкнулись с тремя алдинцами, охранявшими подступы к селению. Один из них оказался проворнее других: его не тронули русские пули, и он ускакал, успев предупредить своих товарищей об опасности. Застать горцев врасплох не удалось. Мансур бежал.

В час пополудни Пьерри с сознанием выполненного долга оставил сожженное селение и двинулся в обратный путь, оказавшийся гибельным как для него самого, так и для его солдат. Рассеянные алдинцы успели собраться в лесу и, соединившись с жителями соседних аулов, окружили русских. Чеченцы яростно сражались и уничтожили почти весь отряд. Судьба избавила в том бою от горской пули юного князя Петра Багратиона, сохранив его для российской славы. Видать, час его еще не настал.

Победа Мансура была полной. Он поразил русских и завоевал сердца чеченцев. И не только их. Поднялись кабардинцы, готовые поддержать удачливого *«пророка»*, предсказания которого, казалось, начали сбываться. Его эмиссары отправились к осетинам и ингушам, стараясь склонить их на свою сторону, правда, успеха в том не имели.

Окрыленный победой, Мансур торжественно объявил, что пойдет к Кизляру. Вскоре он напал на Каргинский редут, находившийся верстах в пяти от этого города. Не сумев сломить сопротивление небольшого гарнизона, состоявшего из одного офицера и нескольких рядовых, чеченцы подожгли ближайшие строения. Огонь перекинулся на пороховой погреб, и укрепление взлетело на воздух, похоронив под развалинами своих отважных защитников.

Пусть небольшая, но победа. Она нужна была нашему герою: только успех мог способствовать умножению его сил, и он воспользовался им.

— Кизляр точно так же падет к вашим ногам, правоверные, на то воля Аллаха, — убеждал он своих наивных последователей.

Под знамена *«пророка»* встали лезгины и кумыки, его готовы были поддержать черкесы и ногаи. Собрав до десяти тысяч человек, он подошел к Кизляру. В ночь на 21 августа 1785 года юный полководец повел своих храбрых джигитов на штурм, но был встречен огнем из всех орудий ретраншемента. Пять раз горцы бросались на приступ и пять раз отступали. Понеся большие потери, они ушли и на следующий день оставили своего имама.

Очередное поражение повстанцы потерпели в районе Татартупа. Доверие к Мансуру сильно пошатнулось, тем более что вскоре в горских аулах получило распространение письмо одного из табасаранских мулл, в котором решительно отрицалось право самозваного пророка на титул имама.

Наступившая осень и недостаток

продовольствия и фуража заставили обе стороны прекратить военные действия. Почувствовав охлаждение чеченцев, Мансур оставил аул Алды и отправился к брату своей жены в деревню Шалинскую, где намерен был остаться навсегда, надеясь восстановить утраченное влияние на народ.

* * *

Г. А. Потемкин не сомневался, что лжепророк «был подослан про-

тивной стороной», то есть Турцией. Не столь категоричной была Екатерина II. По мнению императрицы, правительство султана, узнав *«об известном бродяге, горские народы возмущающем»*, решило *«составить там себе партию во вред нам»*... Кто из них был прав, Его Сиятельство или Ее Величество?

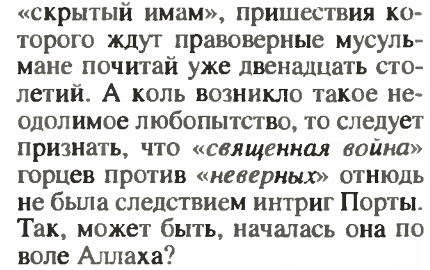
Ровно через сто лет после описываемых событий был опубликован очередной, сорок седьмой, «Сборник Императорского Русского Исторического Общества», содержащий в основном бумаги Якова Ивановича Булгакова, посла Ее Величества в Константинополе. Среди множества писем и донесений на высочайшее имя в нем есть один любопытный документ, не привлекший почему-то внимания даже такого заинтересованного исследователя, каким был историк Н. Ф. Дубровин. Прочитаем его вместе, не спеша, с остановками для размышлений, и попытаемся извлечь из него максимум информации.

«Записка словесных сообщений известного приятеля, учиненных им 29-го августа 1786 года.

Человек, которого бейликчи-эфенди допрашивал третьего дня, записывал все, что тот говорил, оказался софтою, посланным Портою посмотреть имама Мансура и определить, тот ли он, о ком предсказывал их Пророк. Означенный софта всего пять дней, как покинул имама Мансура в Чечне, где он пробыл с ним двадцать пять дней...»

На этом прервем пока чтение и остановимся, чтобы подумать над текстом. В нем многое, включая заголовок документа, требует пояснений. Речь идет об информации, полученной Булгаковым от *«известного приятеля»*, который был осведомителем русского посла, проще говоря шпионом, занимавшим солидное общественное положение в государственной системе Османской империи, человеком, достойным называться важным господином — *б е й л и к ч и-э ф е н д и*.

Человек, которого он расспрашивал-допрашивал «третьего дня», был агентом турецкого правительства, посланным в Чечню под видом ученого путешественника — *с о ф т ы* — посмотреть на Мансура и узнать-отгадать, тот ли он

«скрытый имам», пришествия которого ждут правоверные мусульмане почитай уже двенадцать столетий. А коль возникло такое неодолимое любопытство, то следует признать, что *«священная война»* горцев против *«неверных»* отнюдь не была следствием интриг Порты. Так, может быть, началась она по воле Аллаха?

Ученый муж делится своими впечатлениями с «известным приятелем» Якова Ивановича после почти месячного пребывания в стане Мансура и сразу по возвращении в Константинополь. Поэтому его наблюдения могли быть достаточно основательными, не утратившими свежести восприятия. А это очень важно для нас.

«Он говорит, что Мансур родом не из Чечни, а пришел из других мест; что он не ученый и не особенно набожен, хотя и не уклоняется никогда от совершения молитв, предписанных законом. Он не говорит или делает виды, что не говорит по-турецки, и беседовал с софтою не иначе как по-арабски. При нем находятся шесть человек, одетых улемами и оказывающих большое почтение своему наставнику, который, кроме того, имеет отряд в шесть тысяч человек, составленных из людей разных наций...»

Если Мансур *«пришел из других мест»*, то из каких? Можем ли мы ответить на этот вопрос сегодня? Почти однозначно можем, если к тому же учесть очень важное обстоятельство: агент турецкого правительства встретился с Мансуром в пору, когда он, «презираемый» бывшими сподвижниками, по существу бежал из родного аула, чтобы поискать удачи там, где никто не знал о его прошлом; не мог он быть откровенным с проницательным гостем — не дай Бог, тот надумает вдруг продолжить свое «путешествие», потащится в Алды и узнает, что имел дело в Шалинской с бывшим пастухом Учерманом, выдающим себя за избранника Магомета. Потому и сказал самозваный имам посланцу султана, что родом он не из Чечни. Обманывал, конечно. Но все-таки необходимо остановиться на одном весьма любопытном факте.

В седьмой книжке журнала *«Русская мысль»* за 1884 год была опубликована статья *«Авантюрист XVIII века»*, в которой повествуется о похождениях на Кавказе некоего итальянца Жана-Батиста Боэтти, выдававшего себя за пророка Мансура, умершего якобы в Соловецком монастыре. Опережая историю жизни нашего героя, скажу читателю, что он после ареста был заключен в Шлиссельбургскую крепость, где и скончался по меньшей мере на четыре года раньше его вымышленного двойника, и похоронен без всякого обряда на Преображенской горе недалеко от города. Думаю, следует согласиться с мнением академика Дубровина, считавшего упомянутую публикацию фальшивкой. Она интересна нам лишь тем, что свидетельствует о европейской известности самозваного имама.

Что Мансур не был обучен грамоте, мы уже знаем: не сумел его бедный отец сыскать на то нужных средств. Не окончил он даже начальной школы, читать и писать не умел, в чем сам признался на следствии. Не случайно, конечно, окружил он себя людьми, облаченными в одежды, какие носили в Турции улемы, то есть высокообразованные государственные чиновники и служители мечети. Но как объяснить в таком случае знание им арабского? Загадка? Пожалуй. Но не слишком трудная. В конце концов безграмотный «пророк» мог владеть разговорным языком любого народа.

Догматов ислама «пророк» не знал, а потому нередко попадал впросак, вызывая откровенное возмущение духовенства, с которым всегда не ладил. Так что его *«набожность»* вовсе не вызывает удивления. Удивляет другое: как мог он, молодой человек, лишавшийся после каждого поражения почти всех своих приверженцев, снова и снова объединять под знаменами ислама тысячи людей? Одним только невежеством горцев этого не объяснишь. Похоже, талантлив был, умел воздействовать на людей, а те готовы были обманываться.

Очень выгодно владеть методикой быстрого чтения, особливо в наш суматошный век — выигрыш во времени очевиден. Мы же не будем спешить, продолжим, как начали, медленно, с остановками.

«Поговорив с ним несколько раз, вышеупомянутый софта должен был сознаться ему, что он прислан Портою ознакомиться с ним, а когда Мансур спросил, почему он не привез ему писем, софта извинился, сказав, что писем ему не дали потому, что еще не знали, кто он такой и можно ли будет его увидеть, а также из опасения, как бы подобные письма не попали в руки русским, причем возникло бы подозрение, будто Порта находится в согласии с ним, тогда как она его вовсе не знает».

Важно было заинтриговать Мансура вниманием турецкого правительства к его персоне. Агент султана «забросил удочку», раскрылся. И «пророк» клюнул, спросив, почему он не привез ему писем? Они бы подняли его пошатнувшийся авторитет в глазах горцев. Ответ был дан вполне дипломатичный, подогревавший честолюбие, вселявший надежду.

«Софта осведомился у него насчет его намерений и действий, уже предпринимавшихся им против России. Мансур ответил, что не может еще ничего предпринять, пока не прибудет другой человек, которого он ожидает, и что не мог ничего начать против России, но что часть его войск, не особенно ему послушных, сделала, против его желания, нападение на русские границы и разбила несколько русских полков. Мансур с уважением отозвался о калифе и поручил софте попросить последнего от его имени прислать начальника войскам и денег. Далее софта показал, что Мансур находится в переписке с Шагин-Гирей-ханом, который несколько раз посылал кого-то к нему...»

Немного поважничал Мансур, поведав о переписке с Шагин-Гирей-ханом и ожидании какого-то «другого человека», немного пооткровенничал, признав отсутствие дисциплины в войсках, немного соврал гостю о разгроме нескольких русскнх полков, немного польстил калифу, попросив при этом прислать начальника войскам и денег. А в целом разговор получился, как говорится, содержательный, и встреча была полезной.

«По рассказу и уверению софты, Мансур есть не то лицо, которого ожидают на основании предсказания их Пророка, а обманщик, который при том не пользуется большим доверием в Дагестане, так как иначе он не просил бы, чтобы калиф прислал ему начальника с достаточным авторитетом для поддержания дисциплины в его войсках. Мой приятель уверяет меня, что министерство Порты было очень обрадовано, что мнимый Мансур не имеет качеств, необходимых для того, чтобы прослыть подлинным Мансуром, так как если бы он мог быть принят за него, то вызвал бы большие беспорядки во всей империи и весьма гибельные последствия».

Все прояснилось. Проницательный софта понял, что имеет дело с обычным «*обманщиком*», слава Богу не имеющим «*качеств, необходимых для того, чтобы прослыть подлинным Мансуром*», появление которого предсказывал Великий Пророк Магомет. В противном случае самозванец, воспользовавшись недовольством народа, мог вызвать «большие беспорядки» и в самой Османской империи. Так что «священная война» правоверных против православных отнюдь не была инспирирована извне. И Аллах, как выяснил ученый шпион, к ней также не был причастен. Началась она по воле самих горцев, все более терявших независимость по мере продвижения русских в Грузию после подписания Георгиевского трактата. Турция, естественно, не замедлила воспользоваться этими событиями, чтобы взять реванш за поражение в минувшей войне.

Агенты султана буквально заполонили Северный Кавказ. Они убеждали горцев, что Порта окажет им помощь не только деньгами, но и военной силой, если те прислушаются к советам своего «пророка» и восстанут против России. Покинутый было всеми, Мансур снова вышел на сцену и попытался расширить масштабы движения: ввел рекрутский принцип набора в войска и особый натуральный и денежный сбор на содержание повстанческой армии, ходил по деревням, агитировал, диктовал и рассылал письма. Однако восстановить утраченное доверие к нему чеченцев, дагестанцев и кабардинцев в полной мере не удалось. Усугубила положение измена некоторых влиятельных горских князей и владельцев, переметнувшихся на сторону русских, поскольку национально-освободительное восстание все более приобретало антифеодальный характер. Зато призывы самозванного имама услышали закубанцы. Поднялись на борьбу черкесы и ногаи. Светлейший князь Таврический протрубил сбор донских казаков в «поголовный поход». Возглавил и повел их атаман Алексей Иванович Иловайский.

* * *

Главные силы восставших закубанцев сосредоточились в междуречье Урупа и Лабы, куда в начале июля 1787 года прибыл и сам Мансур. Отсюда он еще раз обратился к чеченцам, дагестанцам и кабардинцам, пообещав им вернуться в родные места, но уже с турецкими войсками и пушками. Народ снова пошел к нему. Командующий Кавказским корпусом П. С. Потемкин вынужден был уведомить начальство, что «все закубанцы генерально ему присягают».

13 августа 1787 года Турция объявила войну России и через неделю отправила на Кубань из Суджука отряд из нескольких полков. После их прибытия Мансур намерен был перейти на правый берег реки и обрушиться всеми силами на русских.

Генерал-поручик П. С. Потемкин решил упредить неприятеля. С восьмитысячным корпусом он форсировал Кубань у Прочного Окопа, поставил часть войск ниже по течению реки и приказал им прикрывать наступление остальных сил на главную армию Мансура. 20 сентября отряд полковника М. В. Ребиндера, в который входили и казаки премьер-майора Ивана Янова, разгромил авангард повстанцев на берегу Большого Зеленчука, уложив на месте до четырехсот человек. На следующий день мятежный «пророк» атаковал ростовских карабинеров и часть донцов из засады с фронта и флангов. Русские пришли в замешательство и стали отходить, но подоспевшие драгуны и гренадеры опрокинули наступавших.

4 октября в командование Кавказским корпусом вступил отважный генерал-аншеф П. А. Текели-Порович. Он и возглавил преследование повстанцев.

Между тем казачий корпус А. И. Иловайского достиг верховьев Лабы, переправился на левый берег реки и предал огню все селения по пути следования. «*До трехсот деревень было сожжено, вся страна опустошена, а жители выселены*», — бесстрастно констатировал атаман в рапорте начальству.

В конце октября Мансур потерпел последнее поражение, от которого не сумел уже оправиться. С уцелевшими сторонниками он перешел через «вершины снежных гор», оставив в снегу обессилевших людей, преимущественно стариков и детей. Весной на пути его бегства было найдено множество замерзших трупов. Самозваный имам нашел себе приют в турецкой крепости Суджук-Кале, где и был пленен летом 1791 года.

Переход Мансура через «вершины снежных гор» был подвигом, который можно сравнить лишь с подвигом «чудо-богатырей» А. В. Суворова. Однако на долю первых выпали испытания посерьезнее, поскольку карабкались они через перевал на три месяца позднее, когда зима на тех высотах вступила уже в свои права. А на пятки наступали каратели.

* * *

Так кто же он, сын бедного чеченского крестьянина из аула Алды, обративший на себя внимание ученых-историков, в том числе и «заграничных»? Авантюрист? Самозванец? Герой? Такие вопросы могут вызвать раздражение у исследователей, которые обвиняют своих дореволюционных предшественников, называвших Мансура «обманщиком» и «лжепророком», в необъективности. Но ведь он же обманывал людей, обещая такое, что и Пугачеву не приснилось бы. И действительно не имел «качеств, необходимых для того, чтобы прослыть подлинным» избранником Магомета. В этом даже правительство Порты не сомневалось.

Так что с какой стороны ни посмотри, а был бывший пастух авантюристом.

И самозванцем, присвоившим себе титул имама.

Бесспорно, был он и героем, поднявшим на освободительную борьбу против России мусульманские народы и по праву вошедшим в историю. У горцев Северного Кавказа куда больше оснований гордиться своим Ушурмой-Учерманом-Мансуром, чем у русских — «самодержавным ампиратором» Емельяном Пугачевым.

Пророчество у горцев Северного Кавказа, как и самозванство у крестьян в России, — идеология борьбы: у первых — антиколониальной с классовой окраской, у вторых — антикрепостнической с оттенком национально-освободительной. Христианин Пугачев и магометанин Учерман — вожди одного уровня и времени, не затронутые идеалами гуманизма.

Ордена львов

Знак отличия Шамиля.

НАДПИСИ НА ОРДЕНАХ, УЧРЕЖДЕННЫХ ИМАМОМ ШАМИЛЕМ

Кто думает о последствиях, тот не герой.

Героев много, но такого, как этот, нет.

Этот молодец в битве нападает как лев.

Это знак геройства.

Это орден льва львов Абакара Хаджи.

Этот орден дается нападающему. Аллах дал Даниял-Султану и его войску силу, помощь и победы.

Этот почетный орден имам даровал тому, кто проявил геройство.

Установитель Низама, очиститель сунны, установитель новшеств Джават Хан. Да продлит Всевышний его счастье. Сила и мощь только у Аллаха.

Кто думает о последствиях, тот не герой. Он проявил мужество, подчиняясь наибу Гаирбеку.

Это герой. В битве он нападает как лев. Героев много, но подобных ему нет. Даровал это Идрис Эфенди в 1267 г. (1850—1851 гг.).

СЕРГЕЙ КУХАРУК

Николай Евдокимов

Главнокомандующий Кавказской армией великий князь Михаил Николаевич и генерал-адъютанты: граф Н. И. Евдокимов и князь Д. И. Святополк-Мирский (1864 г.).

В 1804 году в семье фейерверкера Ивана Евдокимова, женившегося на казачке Дарье Савельевой, появился первенец — Николай. Отец будущего графа происходил из крестьян Уфимской (по иным сведениям, Рязанской или Пермской) губернии. В 1784 году он был забрит в рекруты и за многолетнюю службу выслужил офицерский чин.

Родиной Николая Ивановича стала станица Наурская, но его детство проходит в укреплении Темнолесском, куда начальником артиллерии назначается его отец, произведенный в прапорщики. Как кантонисту, Николаю Евдокимову был уготован практически единственный путь — служба в армии, и он его не избегает (заметим, что и два его младших брата — Александр и Евграф — тоже стали военными).

В 16 лет будущий генерал поступает на правах вольноопределяющегося в Тенгинский пехотный полк и три года тянет солдатскую лямку. Здесь он получает возможность отличиться. Находясь в отряде генерала Селифантьева и исполняя обязанности писаря у казначея Тенгинского полка, Николай Иванович совершает тяжкий проступок, за который ему грозит серьезное наказание. Прекрасно знавший язык и обычаи горцев, Николай переодевается в национальную одежду и решает переждать «грозу» в горах. Здесь он случайно обнаруживает место сбора отряда черкесов и, вернувшись в отряд, докладывает генералу Селифантьеву. Тот в случае неудачи грозил усилить наказание. Но солдаты, скрытно проведенные Евдокимовым, разгромили горцев. Юноша не только был прощен, но и представлен к производству в офицеры.

Молодой прапорщик получает должность в Куринском пехотном полку, расквартированном в Дербенте. Принимает участие в действиях против горцев Дагестана, отличается при подавлении восстания 1826 года в Кубинском ханстве. В конце 20-х — начале 30-х годов Евдокимов участвует в экспедициях против Кази-муллы. Во время ожесточенных боев у крепости Бурной в 1831 году получает ранение пулей навылет под левый глаз. Шрам остается на всю жизнь, а вместе с ним и прозвище: «Учгезы» («Трехглазый»).

В 1837 году за отличие в сражении «при Ашальтинском мосту» Евдокимова награждают орденом Владимира 4-й степени, а известный на Кавказе генерал Ф. К. Клюки фон Клугенау предлагает уже штабс-капитану Евдокимову место своего адъютанта. Вскоре Евдокимов снова проявляет себя. Во время поездки Николая I по Кавказу в канцелярии наместника родилась идея представить императору Шамиля, чтобы, обласканный царем, тот покорился. Реализовать этот план поручают генералу Клюки фон Клугенау. 18 сентября 1837 года у Гимринского родника генерал с конвоем в 25 человек встречается с Шамилем, которого сопровождают 200 мюридов. Встреча едва не закончилась трагедией. После бесплодных переговоров Клюки фон Клугенау, прощаясь, протянул руку Шамилю, который, уважая генерала, сделал движение пожать ее. Этому воспротивился один из беков, закричавший, что имам не может так поступать по отношению к неверному. Вспыльчивый Клугенау замахнулся на обидчика костылем, бек выхватил кинжал. Положение спас Шамиль — одной рукой он перехватил костыль Клугенау, другой удержал бека. Не потерявший хладнокровия Евдокимов приказал солдатам опустить ружья и бросился на помощь Шамилю. Инцидент, могущий привести к гибели небольшого отряда русских, был улажен.

В 1839 году Клюки фон Клугенау назначают начальником левого фланга Кавказской линии. В 1840 году капитан Евдокимов принимает участие в экспедиции в Чечню, воспетой М. Лермонтовым в «Валерике», затем в походе на аул Гимры. Отлично себя проявивший, он рекомендуется Клюки фон Клугенау на важный пост Койсубулинского пристава. Евдокимов успешно выполняет свои функции, опираясь на отличное знание обычаев горцев, но именно с этой должности его начали преследовать слухи о чрезмерном увлечении собственным благосостоянием. Это можно понять: как пристав, он имел в своем ведении местную милицию, а в то время на Кавказе заведование милицией уступало в шкале получения почти законных «левых» доходов лишь строительству и заготовкам фуража. Своей деятельностью Евдокимов начал было вызывать неудовольствие, но тут произошло событие, прославившее его на весь Кавказ. Узнав, что селение Унцукуль, входящее в состав его округа, занято отрядами Абакира и Хаджи-Мурата, майор Евдокимов с двумя ротами солдат и четырьмя сотнями балкарских и унцукульских милиционеров двинулся на Унцукуль. Гарнизоны мюридов и восставших горцев в Унцукуле были захвачены врасплох, в плен попало около 80 мюридов. Выступая на сходе перед старейшинами Унцукуля, Евдокимов получил удар в спину кинжалом от подобравшегося к нему сзади мюрида — уроженца Унцукуля. Вторично раненный в плечо, Евдокимов сумел обернуться и шашкой рассек противника почти надвое. Этот поступок не мог не восхитить горцев, ценивших воинскую доблесть. Труп мюрида, пролежавший почти весь день на площади, стал местом паломничества воинов, восхищавшихся ударом.

Движение русского отряда на Ведено под командованием генерала Н. И. Евдокимова.

За рейд на Унцукуль Николай Иванович был награжден орденом св. Георгия 4-й степени и произведен в подполковники. В 1844 году Евдокимов становится командиром Волжского казачьего полка и получает чин полковника. Ему доверяют самостоятельное командование отрядами, ведущими действия против горцев. В 1846 году он принимает новосформированный Дагестанский полк. В следующем году в составе сводного отряда полк Евдокимова принимает участие в неудачном наступлении на аул Гергебиль. Но в повторной экспедиции к аулу лихой полковник снова заставляет говорить о себе. 22 июня он возглавляет отряд в составе Апшеронского полка и решительным штурмом берет Кудухские высоты у Гергебиля. Затем 12 дней их удерживает. Этим он лишает защитников аула надежды на поддержку извне отрядом Муссы Белоканского. В ночь на 7 июля Гергебиль был взят. За участие в боях Евдокимов получил чин генерал-майора и орден св. Владимира 3-й степени.

В 1850 году ему доверяют командование 2-й бригадой 19-й пехотной дивизии, и как старший по чину он становится начальником правого фланга Кавказской линии, который протянулся на 400 верст от Усть-Лабинской вверх по Кубани до подножий Эльбруса.

Новый этап жизни, прославивший Николая Ивановича Евдокимова, начинается в ноябре 1855 года — его назначают командиром 20-й дивизии и начальником левого фланга Кавказской линии. С прибытием на Кавказ князя Барятинского генерал Евдокимов становится опорой нового главнокомандующего в деле покорения Восточного Кавказа.

Зимой 1856/57 года отряд Евдокимова начинает занимать плоскость Большой Чечни, воюя в основном лопатами и топорами. Попытки горцев навязать бой им игнорировались. Офицеры, рвущиеся в дело, останавливались решительным приказом. Опытный воин, Евдокимов хорошо понимал, что планомерное движение под прикрытием дальнобойной артиллерии страшнее для горцев, чем эффектные, но кровопролитные бои. В Аргунском ущелье, где пролилось столько крови, Евдокимов умудрился потерять меньше сотни человек за многомесячные действия.

К концу 1857 года после экспедиции на Аух Чеченский отряд Евдокимова открывает кратчайший путь для сообщения с Дагестаном, прорубив просеки и укрепив дороги. Это дало возможность осуществить второй этап плана Барятинского — покорение всей Чечни. Ключевую роль здесь сыграла борьба за Аргунское ущелье. Поддерживаемый действиями Дагестанского и Лезгинского отрядов, отвлекших на себя часть сил Шамиля, генерал Евдокимов разделил Чеченский отряд на три части. Одна треть движением в сторону аула Ведено — ставки Шамиля — отвлекла его внимание. В это время Евдокимов неожиданно провел че-

рез горы главные силы своего отряда и атаковал само ущелье. Был занят ключевой аул Дачу-Борзой.

Поражение Шамиля привело к тому, что значительная часть горцев Западного Кавказа, в первую очередь абадзехов, в 1859 году выразили готовность подчиниться Российской империи, но с неудовольствием воспринимали требования представителей русской администрации о переселении.

В конце августа 1860 года князь Барятинский провел во Владикавказе совещание, на котором решались вопросы:

1) покорение Западного Кавказа;
2) христианская колонизация;
3) реорганизация казачьих войск;
4) разделение Кавказской линии.

Эти проблемы решались в основном в узком кругу: князем Барятинским, начальником Западного Кавказа генералом Филипсоном, графом Евдокимовым в присутствии Д. А. Милютина. Генерал Филипсон предлагал план постепенного подчинения племен Западного Кавказа и хозяйственного вовлечения их в орбиту Российской империи, строительство небольшого числа опорных пунктов, которые будут контролировать горцев, тем более что после поражения Шамиля они были склонны подчиниться.

Евдокимов предложил план более радикальный: с верховьев Лабы и Белой вытеснить абадзехов, шапсугов, убыхов к Черному морю и поставить перед выбором — переселение в Ставропольскую губернию или лучше в Турцию. Свои соображения он аргументировал открытостью Западного Кавказа со стороны Турции. План Евдокимова сочувственно восприняла часть верхушки Кубанской и Кавказской линий, рассчитывавшая получить имения на освободившихся землях. Генерал Филипсон был откомандирован в Закавказье. В декабре 1860 года граф Евдокимов переводится на Западный Кавказ. В отсутствие заболевшего и не возвратившегося на Кавказ князя Барятинского ему предоставилась возможность осуществить свой план. Известны слова Евдокимова: «Первая филантропия — своим; горцам же я считаю себя в праве предоставить лишь то, что останется на их долю после удовлетворения последнего из русских интересов».

В сентябре 1861 года Александр II посетил Кавказ. Граф Евдокимов доложил ему план покорения Западного Кавказа за 5 лет. Царь попросил ускорить войну, так как Западная Европа может вмешаться раньше. Евдокимов обещал, но при этом отметил, что при более интенсивных действиях войска потеряют боеспособность. В знак одобрения деятельности Евдокимова Александр II пожаловал ему 7 000 десятин земли в Кубанской области.

С осени 1861 года начинается беспощадное давление на горцев, в обозах войск движутся переселенцы. Евдокимов постоянно переезжает из отряда в отряд. К середине 1862 года все предгорья Западного Кавказа были очищены от горцев, аулы уничтожены.

Следует отметить, что методы действия Евдокимова вызывают неодобрение и сильную оппозицию как среди подчиненных, так и начальников. Выше уже говорилось об альтернативном плане Г. И. Филипсона. Резко против Евдокимова выступил его заместитель Л. П. Рудановский, осудивший карательные методы борьбы с горцами. В конце 1861-го и в 1862 году неудовольствие планами Евдокимова выселить горцев в Турцию выразил замещающий князя Барятинского князь Орбелиани. Он настаивал на том, что выселение в Турцию должно быть средством вспомогательным, а не основным. Главным должно быть вхождение горцев в состав России. Оппозиция Евдокимову в конце 1862 года сложилась настолько сильная, что по Кавказской армии распространились слухи о скором его снятии. Но у графа нашлись сильные защитники в Петербурге, считавшие, что если он хорошо делает главное, то можно простить остальное.

Горцы южных склонов Кавказа, видя свою неминуемую гибель, объединились с абадзехами и шапсугами, но попытка оказать сопротивление русским войскам была безуспешной. 14 февраля 1863 года новым наместником Кавказа был назначен великий князь Михаил Николаевич. В том же году 6 отрядов (четыре с северо-востока, 5-й генерала Бабыча — с севера, со стороны Натухайского округа, 6-й — Джубский — от моря) двинулись на горцев южных склонов.

К 20 февраля 1864 года отряд генерал-майора Геймана вышел к устью Туапсе. Шапсуги были покорены, при этом стерты с лица земли несколько сот аулов Южного побережья. Последними были разбиты к концу марта убыхи. Русские заняли Сочи. 21 мая 1864 года все отряды с севера перешли горы. На общем войсковом сборе было объявлено об окончании войны.

За покорение Западного Кавказа Евдокимов был награжден орденом св. Георгия 2-й степени, званием генерала от инфантерии. Осенью 1864 года Евдокимов отправляется в Петербург, где удостаивается приема у императора. Ему предлагают должность командующего округом, но Евдокимов отказывается, понимая, что его кавказский опыт вряд ли поможет в новой должности. Несмотря на прием у императора, петербургское общество холодно приняло графа Евдокимова, его обвиняли в варварском ведении войны, неразборчивости в средствах, жестокости по отношению к горцам. Иной прием был оказан ему в Ставрополе. Здесь он был принят как победитель, принесший Российской империи три миллиона десятин плодородных земель, очищенных от горцев. При выходе в отставку ему было пожаловано Александром II еще одно имение — в 7800 десятин. Начиная с 1865 года прославленный воин живет в основном на своем хуторе «Новый Ведено» под Железноводском. Евдокимов окружает свои земли цепью прудов, разбивает огромный сад и виноградник, строит мельницу. Пытается разводить породистый скот. Но его инициативы, как правило, оканчиваются неудачно, и он терпит большие убытки. Время от времени граф покидает «Новый Ведено», отправляясь погостить к уважаемому князю Барятинскому под Льгов или на собрание Георгиевских кавалеров в Петербург.

...Он умер у себя в имении 22 мая 1873 года. Свой графский титул Евдокимов передал (поскольку не имел детей) мужу племянницы — генералу Доливо-Добровольскому. Чтобы расплатиться с долгами, наследники продали другое его имение, у Анапы. Частично на эти деньги, частично на пожертвования жителей Пятигорска могилу Н. И. Евдокимова увенчал монумент, украшенный графским гербом с девизом: «С бою».

ФОТОГРАФИИ ГРИГОРИЯ ТАМБУЛОВА

ФОТО ЮРИЯ КОЗЫРЕВА

СЕРГЕЙ ЧЕКАЛИН

ПОСЛЕ БОЯ

Экспедиция.
Литография И. Я. Мейера. 1840-е годы.

Удивительная вещь память. Возвращая нас в недавнее и далекое прошлое, она объединяет всех живущих на Земле. Этот очерк я писал в Ессентуках, куда приехал отдохнуть после затяжной московской зимы с ее снежными заносами, морозами, чередующимися с неожиданными оттепелями и грязью. Остановился у товарища своего отца — старого инженера на пенсии, живущего с женой в небольшом домике с садом, на окраине.

Воспоминания и воображение перенесли меня в давние времена, когда наш городок был казачьей станицей, одной из тех, что возникли в прошлом веке вдоль Кавказской линии на местах сторожевых постов и укреплений. Терское казачество всегда близко соприкасалось с горцами. Когда же жизнь на Кавказе вошла в мирную колею, горцы стали приезжать в станицы на базары, а казаки — в аулы к своим кунакам, с которыми в знак дружбы обменивались оружием и конями. Каждый казак мечтал иметь настоящую кавказскую шашку — гирлу или волчок, да и в покрое одежды, удобной и практичной, многое заимствовал у горца. Вот почему форма, учрежденная для терских казаков, мало чем отличалась от одежды горца: серого каракуля шапка с башлыком, черная как ночь бурка, черкеска, синий бешмет, тонкие бесшумные сапоги, на оружии, поясах и газырях — серебро с чернью.

Я уже не застал это воинство и казачью форму увидел впервые, когда у нас на гастролях побывал терский казачий хор. Но в детстве мне довелось встречаться с двумя настоящими казаками-терцами, служившими в Отечественную войну в кавалерийском корпусе генерала Доватора: балагуром и весельчаком Омельченко и всегда серьезным и степенным Сидоренко. Оба работали вместе с моим отцом в городском управлении «Водосвет».

Помню, как по просьбе матери они пели вполголоса, слаженно и задушевно старинные казачьи песни.

Одна из них, прощальная, запала в душу вместе с этим воспоминанием:

Ты скачи во станицу, конь вороной,
Передай жене, отцу-матери,
Что женился я на другой жене
И другую себе выбрал матушку:
Заручила меня пуля горская,
Женила меня шашка острая,
Приняла в зятья мать сыра-земля...

Сведениями по истории города я обязан нашему соседу Николаю Сергеевичу. В доме у него была большая библиотека с хорошей подборкой исторической и краеведческой литературы, и я часто пользовался ею.

Чего только я не находил у него в книжных шкафах: разрозненные тома дореволюционных журналов «Русский архив», «Русская старина», «Исторический вестник», книжки «Кавказского сборника», издававшегося в прошлом веке в Тифлисе по указанию главнокомандующего Кавказской армией, и даже маленькую брошюру под названием «Памятка I-го Волгского полка Терского казачьего войска», составленную в 1899 году полковником Ржевусским и сотником Фисенко. Полк этот комплектовался казаками из окрестных станиц.

Особый интерес для меня представляла кавказская тематика. Мемуары рассказывали о путешествии молодых офицеров на Кавказ, знакомили с бытом казачьих станиц на Тереке, жизнью губернского города Ставрополя, описывали прием у главнокомандующего в Тифлисе, сборы и отъезд офицеров в экспедицию. Зримо вставали передо мной картины и эпизоды Кавказской войны, жестокой и трагичной по своей сути: тревожные ночные бивуаки экспедиционных войск, сожженные, разоренные аулы и вытоптанные поля, кровопролитная резня в лесных завалах, медленно передвигающиеся под прикрытием артиллерии и казаков транспорты с ранеными. Землей обетованной после всех этих ужасов казался офицерам маленький и уютный Пятигорск, куда их отправляли на излечение или в краткосрочный отпуск.

В мемуарах упоминались имена товарищей и сослуживцев Лермонтова по Кавказу. Если бы не роковая дуэль, Лермонтов разделил бы их судьбу. И мне захотелось в этом очерке познакомить читателя с некоторыми эпизодами и зарисовками из жизни кавказских офицеров — современников поэта, чтобы помочь почувствовать атмосферу и живое дыхание того времени.

* * *

Присланных на Кавказ из гвардии и армейских частей офицеров обычно прикомандировывали к сводному экспедиционному отряду, в состав которого назначались по одному-два батальона от каждого полка, артиллерия и несколько конных сотен. Вновь прибывших из России поражали в кавказских войсках самостоятельность ротных и батальонных командиров, хорошая подготовка унтер-офицеров, разумная сметливость и незадерганность солдата. Этому способствовали постоянная боевая служба и те лишения и опасности, которые сплачивали солдат и офицеров, выдвигая из их рядов в командиры наиболее достойных, пользующихся общим доверием. Поход сопровождался постоянными стычками с горцами, которые, защищая свою землю, устраивали засады на пути следования отряда, и дело не обходилось без многочисленных жертв с обеих сторон.

«Между кавказскими солдатами и казаками, — вспоминает один из участников, — существовал обычай, заимствованный из горских нравов: считать самым большим позором оставлять в руках горцев тела убитых товарищей (я не говорю уже о начальниках и офицерах). Благодаря этому обычаю в делах наших, в лесах чеченских и в горах Дагестана, мы теряли всегда значительное число лишних людей. Для того чтобы вынести раненого или труп убитого, которых оспаривали горцы, мы всегда теряли без нужды несколько своих. Выходя из дела при значительной потере, солдаты говорили: «Зато ни одного из наших ему (Шамилю) не оставили». И с каким укором встречали они части, не выручившие своих убитых или раненых. Я помню, как молоденький офицер Маслов, первый раз бывший в деле, прикомандированный к линейным казакам, спросил у старого урядника перед атакой, что тут делать. Урядник отвечал: «Только смело идите с нами, ваше благородие, а насчет того будьте покойны: коли убьют, тело представим маменьке, куда прикажете; такого примера в сотне нашей не было, чтобы оставляли тела у горцев». Дело, однако же, обошлось совершенно благополучно для Маслова».

Необычайно теплые, близкие отношения складывались на Кавказе между солдатами и офицерами, которым приходилось много лет вместе тянуть лямку армейской службы. Приведу один случай, происшедший с командиром 1-й карабинерной роты Мингрельского полка капитаном В. Это был старый офицер, оставшийся на Кавказе, не сделавший, как видно, карьеры, но горячо любимый солдатами за храбрость и доброе сердце. Вместе с тем он любил выпить и имел слабость играть в карты. Во время упоминаемого события капитан В. находился вместе с ротою в штаб-квартире полка — в Карабахе. Там же стояла артиллерийская бригада. С офицерами-артиллеристами В. в один вечер проиграл все свое состояние и в азарте отыграться взял ротный ящик и проиграл солдатские деньги. Ночью он явился в казарму и, подняв свою роту, рассказал о всем случившемся. «Утром, — говорил он, — отправлюсь к командиру полка и предам себя суду, но прежде всего хочу покаяться перед вами. Простите меня, ребята, я с вами делил горе и радость, не откажите мне в милости, когда буду разжалован, принять меня в ваши ряды солдатом, честною смертью перед вами искуплю свой грех».

Солдаты бросились обнимать капитана. Растроганный этой сценой, он в волнении вернулся домой и начал уже писать рапорт полковому командиру, когда раздался стук в дверь. Входит фельдфебель: «Ваше благородие, пришел от роты, больно жаль вас. Собрали, что было у нас, денег (при этом он дает мешок с пятаками и мелочью), идите опять играть — Бог поможет отыграться». Тут В. совершает непростительный поступок: берет деньги и опять бежит играть. Судьба смилостивилась. Он отыгрывает все и еще получает несколько сот рублей выигрыша. В казарме, куда он приходит на рассвете, вся рота, не спавши, с волнением спрашивает: «Что, ваше благородие, помог ли Бог? А мы за вас все время молились». В., обнимаясь с солдатами, поведал о своем спасении и отдал роте выигранные деньги. Тут же решено было

на эти деньги торжествовать событие. За это «торжество» с солдатами, длившееся около двух дней, в продолжение которых капитан В. не выходил из казармы, он был временно отстранен от командования ротой и посажен на гауптвахту.

28 мая 1845 года из крепости «Каменный Брод», где «служили» лермонтовские герои — Печорин и Максим Максимыч, отправилась экспедиция под командованием князя Воронцова. «Мы тронулись по направлению к Дарго*, — вспоминал Дондуков-Корсаков, адъютант князя, — и, когда поднялись на Регельский перевал, перед нами открылась одна из великолепнейших картин, впечатление которой я до сих пор сохраняю в своей памяти. У ног наших, к востоку, открылся спуск в Дарго, вскоре обагренный кровью наших солдат; далее виднелась вся лесистая Ичкерия со своими долинами и хребтами. К северу тянулась большая Чечня, открывалась Сунжа и по равнине вьющийся Терек; наконец, слабой полосой на горизонте величественную эту картину окаймляло Каспийское море. День был совершенно ясный, небо безоблачно, мы находились на высоте нескольких тысяч футов, перед нами открывался горизонт более чем на 150 верст. С восторгом насладились мы представившейся картиной; никто не подозревал тех испытаний и страданий, которые суждено было скоро переносить нам в этой местности...»

Описание можно продолжить лермонтовскими строками, чтобы почувствовать на фоне вечной красоты, созданной природой Кавказа, весь трагизм этой затянувшейся жестокой войны:

А там, вдали, грядой нестройной,
Но вечно гордой и спокойной,
Тянулись горы — и Казбек
Сверкал главой остроконечной.
И с грустью тайной и сердечной
Я думал: «Жалкий человек.
Чего он хочет!.. небо ясно,
Под небом места много всем,
Но беспрестанно и напрасно
Один враждует он — зачем?»

Экспедиция сложилась неудачно. После занятия аула войска вынуждены были отступить под натиском горцев. Многочисленные стычки в лесных завалах привели к большим потерям. Во время перестрелки на позиции были ранены близкий друг Лермонтова Михаил Глебов, сам Дондуков-Корсаков и их общий товарищ Лонгинов. Затем последовала ужасная ночь перед отступлением. «Когда мы пришли на ночлег, — пишет автор мемуаров, — уже совершенно стемнело, небо заволоклось грозными, черными тучами, и вскоре разразилась одна из тех страшных гроз, какие бывают только на Кавказе. В отряде нашем палаток больше не было, исключая у нескольких начальствующих лиц; все мы расположились биваками, как попало, и разложили костры для варки пищи. Я с товарищами приютился под кустом и около себя положил тело бедного Лонгинова. Предварительно сняли мы с него кольца, образа и кинжалом отрезали несколько клочков волос, все это разделили между собой, с тем, чтоб кто останется в живых из нас, отослал бы эти дорогие остатки в семейство покойного; затем завернули мы тело в бурку и перевязали веревками, чтобы похоронить на другой день.

Я чрезвычайно был поражен потерею старого моего университетского товарища и искренно любимого друга; несмотря на усталость и боль от раны, я долго не мог заснуть под бременем тяжелого впечатления. Помню, что когда огонек наш погас и мы лежали, промокшие до костей, под свирепствующим ливнем, вдруг какой-то конный казак, проезжая мимо нашего куста, задел лошадью своей тело Лонгинова; я притянул его тогда ближе к себе, желая оградить от подобных случайностей, и к рассвету, когда пробили зарю, оказалось, что лежал и заснул на трупе товарища. Мы сейчас же распорядились вырыть яму около того места, где мы лежали, призвали священника для отпевания и, покуда отряд готовился к выступлению, успели похоронить Лонгинова и на свежей могиле развели огромный костер, чтобы скрыть от горцев место погребения...»

К таким предосторожностям прибегали на Кавказской войне, чтобы избежать надругательства над трупами, так как горцы имели обыкновение нарушать могилы «неверных». И как знать, если бы не роковая дуэль, и Лермонтов мог бы бесследно погибнуть в горах Кавказа, разделив судьбу Лонгинова.

Но на войне как на войне. И рядом с трагическим часто уживалось и смешное. Один такой курьезный случай произошел в Даргинской экспедиции с юнкером Тихоновым, который за лень и шалости был исключен из Полтавского корпуса и отправлен на Кавказ в Куринский полк. Через две недели он попал в экспедицию и при отступлении из Дарго 8 июля был ранен пулею в бедро. Его положили на носилки и понесли на перевязочный пункт. По дороге встречается главнокомандующий князь М. С. Воронцов, в тот день лично следящий за ходом боя в арьергарде.

— Кого несете, братцы? — спросил он куринцев.

— Юнкера Тихонова, ваше сиятельство, — ответили они.

— Поздравляю его прапорщиком, — громко возгласил князь Михаил Семенович.

Тихонова пронесли на сотню шагов далее, и солдаты, чтобы отдохнуть от ноши, остановились в стороне. Тем временем главнокомандующий с очень малою при нем свитою, при общем движении отряда, проезжает верхом вперед и снова останавливается в ожидании арьергарда, где тогда кипела отчаянная схватка. Мимо него опять проносят Тихонова.

— Кого несете, братцы? — спросил он.

Куринцы, слышавшие о пожаловании их юнкеру чина, смело отчеканили:

— Раненого прапорщика Тихонова, ваше сиятельство!

— Поздравляю его подпоручиком, — объявил князь.

Опять солдаты понесли раненого вперед и опять остановились. Снова главнокомандующий обогнал их и опять придержал коня своего:

— Кого несете, куринцы?

— Подпоручика Тихонова! — уже весело отвечали молодцы.

— Поздравляю его поручиком! — одобрительно под градом пуль прокричал им князь, приказав дежурному при нем адъютанту записывать фамилии всех ежеминутно проносимых мимо раненых, тут же «для поощрения награждая их чинами, в силу Высочайше дарованного главнокомандующему права, в своем личном присутствии, производить обер-офицеров на поле сражения».

Тихонов хотя и был ранен очень тяжело, но не настолько, чтоб не сознавать всего случившегося. Четверть часа спустя, когда его четвертый раз пронесли мимо озабоченного князя, Тихонов решил сам ответить на вопрос, кто раненый, приподнял голову и слабым голосом произнес:

— Поручик Тихонов, ваше сиятельство!

— Поздравляю вас, милейший Тихонов, штабс-капитаном! — улыбаясь, утешил раненого страдальца князь Михаил Семенович, конечно, не подозревая о случившихся недоразумениях.

В тот же вечер на привале в приказе князя по Кавказскому корпусу было объявлено о вновь произведенных; в их числе был и Тихонов — его произвели в штабс-капитаны. Впоследствии главнокомандующему было доложено о происшедшем недоразумении, на что он будто бы только сказал: «От своих слов я никогда не отказываюсь», — и это производство стало фактом.

Лагерь в горах.
Рисунок Г. Гагарина.

Для раненых в экспедиции формировался транспорт, который обычно состоял из нескольких десятков арб, взятых в соседних аулах, и полковых повозок. В сопровождение выделялась колонна с артиллерией и казаками. На каждых трех раненых полагалась одна арба, как для офицеров; обыкновенно на нее помещали одного тяжело раненого и двух с более легкими ранами. К рогам или ярму быков с одной стороны, а с другой стороны — к арбе привязывали иногда носилки для того, чтобы тряска была менее ощутима ранеными; на самой же арбе, на сене или соломе, располагались двое остальных... Транспорт двигался, как можно себе представить, весьма медленно; располагались на ночлег прямо в степи, на Кумыцкой плоскости. Переправившись через Терек, часть больных сдавали на линии в станицу Червленую, которая славилась своим гостеприимством и красавицами-казачками. Почти все население станицы выходило навстречу. Атаман со стариками впереди кланялся в пояс раненым и выражал им свое сочувствие. По всей колонне казачки разносили вино, угощение, отыскивали своих знакомых и размещали всех прибывших по домам. В станице раненые впервые чувствовали себя как дома.

Отдохнув несколько дней, офицеры обычно доставали тарантас и отправлялись для излечения своих ран в Пятигорск, который в то время был знаменит своими целебными источниками и красотою местности. Дорога к нему проходила через заштатный городок Георгиевск, бывший когда-то крепостью. На полпути между Георгиевском и Пятигорском путники проезжали станицу Лысогорскую. После нее дорога поворачивала на юго-запад и поднималась на обширную плоскую возвышенность, окруженную со всех сторон шатрообразными горами. Казалось, они вдруг поднялись из земли, не затронув окружающей поверхности, и застыли в пространстве в виде огромных синих холмов. Буйное разноцветье трав покрывало окрестную равнину. Воздух был напоен запахом степных цветов и полыни. Еще семнадцать верст после Лысогорской — и путники подъезжали к Пятигорской заставе.

Чтобы проникнуться чувствами офицеров, попадающих в Пятигорск после экспедиции, обратимся еще раз к воспоминаниям Дондукова-Корсакова: «Пятигорск показался нам совершенно земным раем; относительно удобная квартира, прекрасная гостиница, хорошие каменные и деревянные дома, бульвар, усеянный гуляющими, музыка по вечерам, дамские туалеты приезжих семейств с разных мест Кавказа и России — все это вводило нас в цивилизованную сферу, в европейскую, до некоторой степени, жизнь после того, как никто из нас не надеялся уже выйти живым из страшных Ичкеринских лесов. Удивительно, какое впечатление в первые дни все производило на нас; мы дышали какой-то детской восторженной радостью, все казалось нам так хорошо, прекрасно и отрадно. Я помню, что первую ночь, в хороших постелях, на удобной квартире, никто из нас не мог даже заснуть от ощущаемого в этой новой обстановке волнения. Разумеется, вскоре все это улеглось, и мы стали жить общей жизнью с другими. В Пятигорск постоянно подъезжали товарищи и участники Даргинской экспедиции. Все мы возбуждали общее участие и интерес всех, особенно приезжих из России, что немало льстило нашему молодому самолюбию и заставляло нас, не без успеха, рисоваться на наших костылях и с подвязанными руками перед тамбовскими, саратовскими и другими помещиками...»

Эти сцены напоминают нам «Княжну Мери». Здесь я прощаюсь с читателем, который, обратившись к лермонтовскому роману, может сам продолжить путешествие в то далекое, но по-прежнему волнующее нас время.

* Чеченский аул, где в то время находился Шамиль.

МУРАД КОРКМАСОВ

Наибы Шамиля

ЭСКИ

Часть Большой Чечни, прилегающая к Кумыкской плоскости, называлась Мичиковским наибством (по имени Мичика), которым управлял наиб Эски, человек храбрый и отважный, а потому бывший в большой милости у Шамиля. Участвовал в военных действиях и проявил себя как личность в основном в 50-х годах. Перешел на сторону царских войск в 1859 году.

БАТА

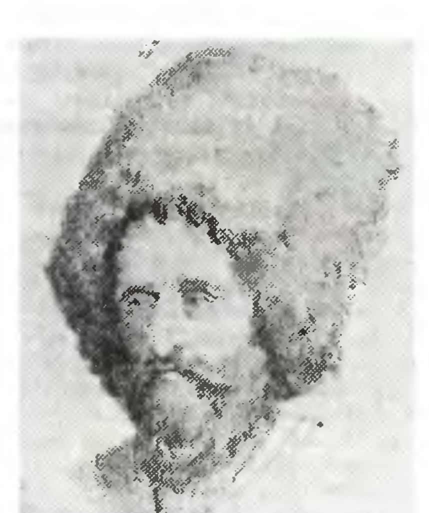
Еще мальчиком он был взят на воспитание бароном Розеном (братом главноуправляющего на Кавказе) в Россию. Бата служил в горском конвое в Варшаве; возвратившись на Кавказ, поступил на службу переводчиком к начальнику левого фланга. Повздорив с начальством, бежал к Шамилю, где, отличившись, был назначен наибом. Его строгость и большие поборы вооружили против него большую часть подчиненных. Интриги недоброжелателей способствовали тому, что Бата впал у Шамиля в немилость и лишился наибства. Осенью 1851 года он вместе со своим семейством вышел к царским войскам. Здесь, вновь отличившись, уже против войск Шамиля, он был назначен князем Барятинским наибом нового Качкалыкского округа, включившего в себя образовавшиеся чеченские аулы на Кумыкской плоскости.

ИДИЛЬ

Идиль был назначен Шамилем наибом за храбрость. Он управлял в основном землями близ столицы имама Ведено и поэтому иногда назывался Идилем Веденским. Оборонял Ведено в 1858 и 1859 годах, после сдачи которого перешел на сторону царских войск.

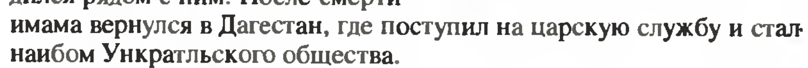
ТАЛГИК

Человек очень умный, отчаянный храбрец, участник многих дерзких вооруженных нападений на противника, Талгик был верным соратником Шамиля. Недаром Шамиль женил своего старшего сына Джамалуддина, вернувшегося из России, на дочери Талгика.

ХАДЖИЯВ

Мюрид Хаджияв из аула Карата был наперсником сына Шамиля Кази-Мухаммеда и одним из самых близких к семье имама. Некоторое время он являлся казначеем имама. В годы жизни Шамиля в Калуге и Киеве Хаджияв находился рядом с ним. После смерти имама вернулся в Дагестан, где поступил на царскую службу и стал наибом Ункратльского общества.

ДУБА

В одном из донесений генерал-адъютант Воронцов писал, что «наиб Дуба такое имеет влияние на народ, действуя страхом, что все наши миролюбивые меры остаются без желаемых последствий». А об отношении самого Шамиля к этому наибу можно судить по таким строкам из письма имама, обращенным к Дубе: «Я представляю тебе все права в своем вилайете. Поэтому делай в нем все то, что целесообразно и полезно для веры, не воздерживаясь и не ожидая».

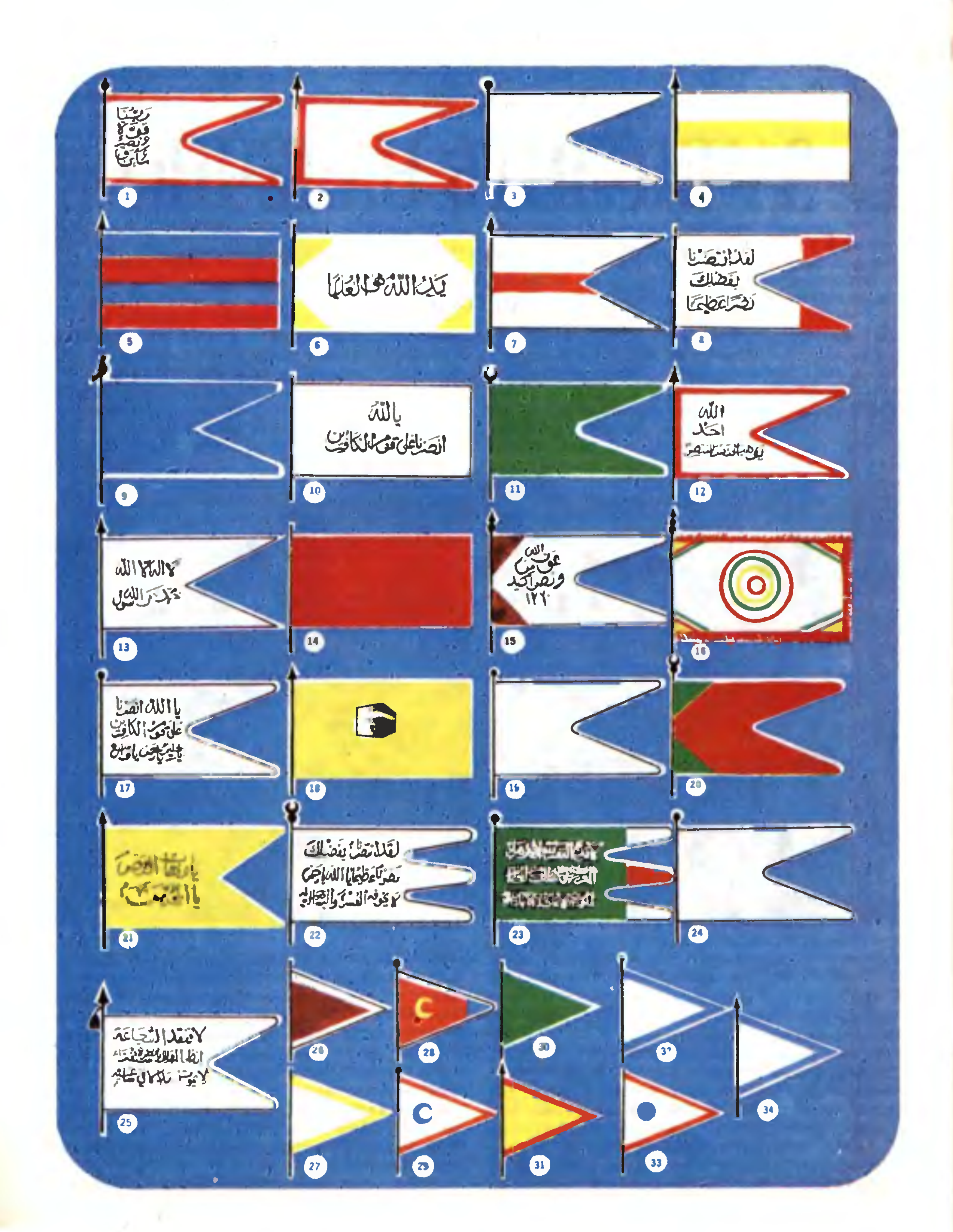
МУХАММЕД-ЭМИН

В качестве наиба Мухаммед-Эмин был отправлен Шамилем к закубанским горцам в 1848 году. До 1850 года Мухаммед-Эмин управлял только абадзехами, затем ему удалось покорить натухайцев, позднее ему присягнули шапсуги. К концу 1850 года большая часть горцев была расположена в пользу Мухаммед-Эмина. Находясь в Закубанье, Мухаммед-Эмин действовал вполне самостоятельно, сосредоточив в своих руках всю светскую и духовную власть. Во время Крымской войны союзники установили связь с наибом Шамиля, который в июле 1854 года по приглашению союзного командования выезжал во главе черкесских посланцев в ставку в г. Варну для переговоров о совместных действиях против России. В сентябре 1855 года турецкий главнокомандующий Омер-Паша установил тесный контакт с Мухаммед-Эмином, провозгласил его начальником всех горских ополчений Западного Кавказа и присвоил ему звание паши. После сдачи Шамиля положение Мухаммед-Эмина осложнилось. 20 ноября 1859 года в урочище Хомасты генерал Филипсон принял у Мухаммед-Эмина и старшин присягу на условиях сохранения местных порядков, свободы от податей и поставки рекрутов, оставления за абадзехами их земель и сословных привилегий. Мухаммед-Эмин встречался с Шамилем уже в Калуге, после чего эмигрировал в Турцию, где и умер.

ЗНАМЕНА ГОРСКИХ ВОИНОВ

В 1912 году в Тифлисе дагестанский художник Халил-бек Мусаясул создал оригинальное полотно «Символика Дагестана», восстановив по легендам и описаниям почти всю символику и геральдику Дагестана. В центре художник изобразил герб Дагестана, а вокруг — всадников со знаменами эпохи Кавказской войны. Картина была выставлена в США, в Метрополитен-музее, а недавно вернулась на родину. Знамена Кавказской войны воссозданы по картине Х. Мусаясула М. Коркмасовым, Г. Балиевым, З. Аруховым. Комментарии составлены М. Коркмасовым на основании материалов Дагестанского краеведческого музея.

1. Знамя наиба Даниял-Бека, белое с красной каймой. Плоский наконечник. Надпись: «Господь наш — сила, покров и убежище».
2. Знамя наиба Даниял-Бека Элисуйского. Двухконечное, белое, четырехгранный наконечник. Надпись: «Не каждый воин достоин ездить на коне, не каждая рука достойна держать копье. Достоин похвал тот храбрый воин, который бросается в битву с пылкостью льва».
3. Знамя Эльдар-Бека Кара-Кайтагского. Белое, двухконцевое, без надписи. Отбито в бою 24 августа 1831 г. Бой происходил на мусульманском кладбище близ Дербента, где знамя развевалось на одном из передовых склепов.
4. Горское знамя, белое с палевой полосой посередине и наконечником на древке.
5. Знамя горское, четырехполосное, сине-красное. Отбито в бою 17 октября 1832 г. в Гимрах.
6. Знамя белое с синей каймой и небольшими желтыми вставками. Отбито казаками в бою на р. Суижа. Надпись: «Божья рука — выше всех рук».
7. Знамя двухконечное, белое с красной вставкой посередине. Четырехгранный наконечник. Знамя действовало при штурме Элисуйских завалов 21 июня 1844 г. в Элису, столице султана Даниял-Бека.
8. Знамя Амалат-Бека Буйнакского, родственника шамхала Тарковского. Двухконцевое с красными вставками на откосах. Отбито в бою у с. Эрпели 23 октября 1831 г. Надпись: «Нет Бога, кроме Аллаха и Мухаммад Его пророк. Помощь и Сила только в Аллахе Всевышнем и Великом. Мы одержали для тебя знаменитую победу».
9. Знамя наиба Даниял-Бека, двухконечное, синее. Наконечник в виде орла.
10. Знамя 1-го имама Гази-Мухаммеда. Белое полотно. Отбито около с. Тарки 29 июня 1831 г. Надпись: «О Аллах! Даруй нам победу над неверными!»
11. Знамя Кичик-хана, командовавшего гимринским отрядом Кази-Муллы. Отбито в одной из башен 21 августа 1831 г. в г. Дербенте. Взято при участии известного русского декабриста А. Марлинского, разжалованного в рядовые. Знамя зеленого цвета, шерстяное, без надписи.
12. Знамя наиба Даниял-Бека Элисуйского, белого цвета с красной каймой. Надпись: «Един Бог, победителю он дает победу».
13. Знамя двухконечное, белое, с четырехгранным наконечником. Надпись: «Нет Бога, кроме Аллаха и Мухаммад Его пророк».
14. Знамя 1-го имама Гази-Мухаммеда. Шелковое, красное, без надписи. Отбито 28 мая 1831 г. Оно веяло над саклей, обнесенной высокой глинобитной стеной.
15—16. Два знамени Хаджи-Мурата. На первом надпись: «Помощь от Бога и победа верна. 1260».
17. Знамя 1-го имама Гази-Мухаммеда. Белый холст. Надпись: «О Аллах, даруй нам победу над неверными. О Кроткий! О Милостивый! О Вездесущий!»
18. Знамя наиба Магома-Омара с изображением Священной Каабы.
19. Знамя наиба Али-Бека. Белое, двухконечное с надписями из Корана.
20. Знамя наиба Ташов-Хаджи, двухконечное, красное с зелеными угловыми вставками. Знамя было весьма почитаемо среди горцев, как унаследованное от имама Кази-Муллы. Ташов-Хаджи был одним из отважных сподвижников Шамиля, который в 1839 г. поручил ему оборону путей, ведущих с кумыкских плоскостей через Ичкерию и Салаватию (Чечня) к Ахульго. С этой целью Ташов-Хаджи с многочисленным отрядом и прибывшим подкреплением, посланным к нему Шамилем под предводительством своих верных мюридов Сурхая-Кади и Али-Бека, занял сильно укрепленную позицию на правом берегу р. Аксай у с. Мискит. Здесь ночью 10 мая 1839 г. они были атакованы генералом Граббе.
21. Знамя двухконечное, желтое с плоским наконечником. Надпись: «О Ты, Дарующий победу! О Ты, Защитник!»
22. Знамя 1-го имама Гази-Мухаммеда. Белое, трехконцевое с надписью: «Мы одержали для тебя знаменитую победу. О Аллах, милостивый! Трудность Его не устрашит, а неустрашимость не будет Ему бесполезной!»
23. Знамя 2-го имама Гамзат-Бека. Трехконцевое, зеленое. Бой под Чумкескентом, который Кази-Мулла избрал опорным пунктом, занимает одно из видных мест в истории Кавказской войны. Здесь штурмовали горцев. Весь гарнизон был истреблен, спастись смогли только Кази-Мулла и Гамзат-Бек. Это было 1 декабря 1831 г. Русских было 3,5 батальона, 1200 штыков, 10 орудий. Они потеряли убитыми: начальника отряда полковника Миклашевского, 8 офицеров, 400 нижних чинов, то есть треть всего отряда. Надпись на знамени гласит: «Среди ужасов битвы не слабей духом ни одной минуты. Будь тверд перед опасностями, смерть не приходит раньше часа, назначенного волей Всевышнего».
24. Знамя Сурхая-кади, белое, двухконечное.
25. Знамя белого цвета, двухконцевое с надписью: «Не теряй смелости, относись равнодушно к опасностям. Никто не умрет ранее предопределенного часа смерти».
26, 27, 32—34. Горские вымпелы наиба Бук-Магомеда: лилового цвета с белой каймой (26); белого цвета с желтой каймой (27); зеленого цвета (32); желтого цвета с красной каймой (33); белого цвета с синей каймой (34).
28. Горский одноконцевой вымпел. Бой 24 июня 1845 г. на берегу р. Аварское Койсу. Даргинская экспедиция.
29. Вымпел белый с красной каймой. Бой на укреплении Тли.
30. Вымпел горский с синей каймой. Сел. Хупро.
31. Вымпел горский, белый. Бой 26 июня 1849 г. Дидойское сел. Хупро.

САМУИЛ ШТУТМАН,
старший научный сотрудник Музея внутренних войск МВД России

ЗАЧИСЛИТЬ НАВЕЧНО

Список павших героев, удостоенных чести торжественного поминовения, открыл русский солдат АРХИП ОСИПОВ

Ф. Рубо. Штурм аула Гимры. 1891.
Дагестанский музей изобразительных искусств.

Три года тому назад был издан справочник «Зачислен навечно»[1]. Авторы проделали большую и скрупулезную работу, выявив, по состоянию на 1 июня 1989 года, 412 советских воинов, зачисленных навечно в списки личного состава частей, кораблей, военно-учебных заведений, и рассказали о каждом из них. В кратком предисловии говорится, что традиция эта возникла в прошлом веке и связана с именем русского солдата Архипа Осипова, «благодаря отваге и находчивости которого было спасено Михайловское укрепление Черноморской береговой линии: чтобы уничтожить прорвавшегося противника, Осипов взорвал пороховой погреб, в результате чего погиб и сам». Имя его было навечно занесено в списки 1-й гренадерской роты Тенгинского полка, но не 21 августа 1840 года, как сказано в справочнике, а 8 ноября того же года (приказ военного министра № 79).

«В Советских Вооруженных Силах, — утверждается в справочнике, — традиция торжественного поминовения павших героев идет от подвига Александра Матросова». С него и начали авторы справочника отсчет навечно зачисленных. Но, во-первых, эта традиция имела место и в старой русской армии, о чем советская военная историография почему-то напрочь забыла[2]; во-вторых, навечное зачисление производилось и в Красной Армии, пограничных и внутренних войсках, а также в военизированных формированиях (фельдъегерской службе, милиции) в 20-х и 30-х годах, то есть задолго до 23 февраля 1943 года, когда был навечно занесен в списки части Александр Матросов.

Сто с лишним лет отделяют подвиги Осипова и Матросова. За это время была развязана не одна война, геройски гибли воины и в бою, и в мирное время. И тех, чьи имена были навсегда внесены в полковые списки, забвению предавать нельзя. Это наша история, наши традиции, наша память.

Итак, первым навечно зачисленным в русской армии был Архип Осипов, геройски погибший 22 марта 1840 года[3].

Правда, есть и другое мнение. Оно было высказано в издававшемся за рубежом Обществом любителей русской военной старины «Военно-историческом вестнике» (№ 9, май 1957 г.) в статье, посвященной великому полководцу Александру Васильевичу Суворову: «*Приказа об исключении Суворова из армии после его смерти не последовало, таким образом, Суворов числится на вечные времена в списках русской армии*». Несмотря на оригинальность и привлекательность такой точки зрения, принять ее можно лишь в том смысле, что имя Суворова бессмертно, неотделимо от русской армии и навсегда вписано в отечественную военную историю и боевое искусство. А приказа о кончине Суворова Павел I не издал по другой причине, он и воинские почести повелел отдать рангом ниже, чем того заслуживал прославленный полководец; сам же во время погребения великого полководца производил смотр гусарам и казакам, был на вахт-параде.

Но вернемся от генералиссимуса к простому солдату. Архип Осипов — кто он такой? Сведения о нем можно почерпнуть из книг, посвященных истории Тенгинского пехотного полка[4] (того самого, куда 13 июня 1840 года прибыл служить поручик М. Ю. Лермонтов), из популярной, выдержавшей в свое время четыре издания книги К. К. Голохвастова[5], и других источников.

Архип Осипов происходил из семьи крепостных крестьян с. Каменка Липецкого уезда Киевской губернии, принадлежавших помещику графу Стратонскому. О времени рождения героя точных данных нет. По одним источникам, ему было 38 лет, по другим — 40.

Перечисленные книги повторяют легенду о том, что на втором году службы за побег из Крымского пехотного полка А. Осипов был наказан 1000 ударами шпицрутенов. Неужели после такой экзекуции он мог продолжать служить? Проверить это оказалось не так уж сложно. В Российском государственном военно-историческом архиве сохранилось дело под названием «*Рапорт и краткая ведомость о нижних чинах, состоящих под следствием при Крымском пехотном полку*», датированное 24 декабря 1822 года. В нем под № 8 и 9 значатся Архип Осипов сын Осипов и Никифор Данилов сын Нагарнюк, привлеченные к следствию, начатому 20 мая, за побег, из которого Осипов явился добровольно. В результате следствия по резолюции командира 1-й бригады 20-й пехотной дивизии генерал-майора Тухолки от 26 мая 1822 года «*определено прогнать Нагорника* (так в документе. — С.Ш.) *шпицрутенами через комплектный батальон один раз, а Осипова освободить без всякого наказания, что и исполнено*»[6]. Так что побег действительно имел место, но наказания шпицрутенами Осипов избежал.

За свою долгую службу Осипов участвовал в войнах с Персией и Турцией, за что в 1829 году награжден серебряными медалями. Позже получил право на нашивку на рукаве за 15 лет службы. В мае 1834 года два батальона Крымского полка, в том числе «5 мушкатерская рота», где служил Осипов, влились в Тенгинский полк. В 1837 году на Черноморском побережье Кавказа, близ устья реки Вулан, было построено Михайловское укрепление, вошедшее в состав Черноморской береговой линии, начальником которой с 1839 года стал генерал-лейтенант Н. Н. Раевский, сын прославленного героя Отечественной войны 1812 года, друг А. С. Пушкина и декабристов.

Одной из причин, толкнувших горцев на попытку захватить ряд наиболее слабых укреплений Черноморской линии весной 1840 года, был неурожай и развившийся вследствие этого страшный голод. Гарнизон Михайловского ожидал налета и жил в постоянной тревоге, но готов был сражаться до последнего вздоха. Об этом свидетельствовал контр-адмирал Свиты Его Императорского Величества Л. М. Серебряков, посетивший укрепление 14 марта, то есть за неделю до трагического события. Он писал в своем донесении генералу Раевскому, что «*вид всех четырех рот... был самый бодрый и воинственный: дух отличен и офицеры прекрасно расположены*». Далее он сообщал, что «*приказал из бревен, бочек и т. п. устроить поперек всего укрепления траверз немного вправо от гаупвахты; при усиливающемся натиске отступить за этот траверз со всем гарнизоном, заклепав орудия, остающиеся при этом в руках неприятеля, и здесь уже держаться до последней крайности, а при невозможности дальнейшего сопротивления взорвать пороховой погреб. Все офицеры присутствовали при моем наставлении, все единодушно и с истинным воинским восторгом обещали мне сделать это...*» В то же время автор характеризует и действия горцев как «*дело народное*», отмечая их «*решимость и упорство*»[7].

Идея взрыва порохового погреба как последнего средства сопротивления не была в данном случае новой. Еще во время русско-турецкой войны, 14 мая 1829 года, когда 18-пушечный бриг «Меркурий» наткнулся в проливе близ Константинополя на турецкую эскадру, открывшую по нему огонь, экипаж по предложению поручика корпуса флотских штурманов Прокофьева принял решение: не сдаваться, всту-

пить в бой и в крайнем случае взорвать бриг. После трехчасового боя «Меркурий», получив 22 пробоины, искусно маневрируя, сумел избежать потопления и уйти. За это бриг был отмечен Георгиевским флагом, а о патриотической готовности экипажа к самопожертвованию путем взрыва корабля широко оповещены армия и флот. Этому подвигу посвящена картина И. К. Айвазовского «Бой брига «Меркурий» с турецкими судами». Солдатам-тенгинцам об этом случае поведали моряки корабля «Силистрия», которым командовал П. С. Нахимов, во время десанта во главе с Н. Н. Раевским в мае 1837 года в Туапсе.

Подробности трагедии, происшедшей 22 марта 1840 года в укреплении Михайловском, стали известны не сразу. О подвиге Архипа Осипова узнали спустя несколько месяцев после того, как почти пятьдесят защитников крепости, возвратившись из плена, под присягой все подтвердили. Руководил обороной комендант укрепления штабс-капитан Николай Константинович Лико — уроженец Балаклавы, грек по происхождению, дворянин. Он и отдал приказ о взрыве порохового погреба; исполнить приказание вызвался рядовой Осипов. Сам Лико во время налета был ранен двумя пулями и порублен шашкой. По одним сведениям, он пал в крепости, по другим — был захвачен в тяжелом состоянии в плен и умер.

Генерал Раевский в своих первых рапортах о случившемся, еще не зная о подвиге Осипова, пытался убедить начальство, что причиной нападений горцев на форты и укрепления было не всеобщее восстание, а голод в аулах. Одновременно он сообщил, что потери горцев при взятии Михайловского и при взрыве там порохового погреба весьма значительны[8]. О количестве вторгшихся в крепость горцев сведения противоречивы. По одним оценкам, их было 10—11 тысяч; по показаниям солдат, неприятель превосходил гарнизон раза в три (то есть около 1,5 тыс.). Советская военная энциклопедия сообщает, что в нападении участвовали 3 тысячи мюридов.

Проверка обстоятельств подвига и геройской гибели Архипа Осипова была проведена весьма обстоятельно.

В Российском государственном военно-историческом архиве хранится дело под названием «*По проекту приказа собственной Его Императорского Величества рукою начертанного о храбром подвиге Укрепления Михайловского*» на 11 листах, датированное 22 апреля — 8 ноября 1840 года. «*В летописях подвигов Российской армии*, — говорится в проекте приказа, очевидно написанном царем, — *много громких и славных дел. Много славных подвигов, сохранившихся в памяти потомства. Кавказский корпус по назначению своему чаще других имеет случай стяжать новые лавры. Но доселе не было примера, подобного в недавнем времени совершившемуся. На Черноморском берегу, населенном черкесами, постепенно нами занимаемому, воздвигнуты были полевые укрепления для возможного обеспечения гарнизонов от внезапных нападений горцев. Укрепления сии, построенные наскоро и из местных материалов, часто весьма непрочных, не представляли покуда сильного прикрытия...*» Далее следует описание состава гарнизона Михайловского укрепления, рассказано о том, как происходил налет горцев, как действовал в этих условиях начальник укрепления штабс-капитан Лико. «*Собрав всех офицеров и нижних чинов*», он объявил им «*о решимости защищаться до последней крайности и, в случае одоления превосходством неприятеля, о твердом намерении поднять себя на воздух взрывом порохового погреба. Весь гарнизон с восторгом принял сие предложение*». Рукопись заканчивается императорским повелением «*вдовам, матерям или детям славно погибших обратить в пансион полное содержание умерших мужей, сыновей или отцов, детей же их принять на казенное содержание в учебные заведения. Имена г. г. офицеров, участвовавших в сем беспримерном подвиге, суть следующие...*»[9] На этом рукопись обрывается. Таким образом, в первоначальном царском проекте речь шла о коллективном подвиге и названо лишь имя начальника укрепления. О подвиге Архипа Осипова еще известно не было. Рукопись датирована 22 апреля 1840 года.

Военный министр А. Чернышев направил одному из своих приближенных «*проект приказа, начертанный самим Государем Императором*», для того, чтобы вставить в него имена, «*которые известны из последнего списка, доставленного генерал-лейтенантом Граббе*». В ответ были высказаны соображения о том, что к приказу необходимы дополнения «*хоть немного успокоительные*» («*Положение дел теперь выставлено в виде весьма неблагоприятном, а это не может произвести хорошего впечатления в публике*», «*выгодно для нас в кругу иностранной журналистики*»)[10]. Любопытная получается картина: царский проект был полностью переработан, от него, по сути дела, ничего не осталось.

Приказ военного министра № 79 от 8 ноября 1840 года, несомненно согласованный с царем и им одобренный, по-иному излагает происшедшее. Объяснив наличие на восточном берегу Черного моря укреплений тем, что они предназначены «*для прекращения грабежей, производимых обитающими на том берегу черкесскими племенами*», приказ основное внимание акцентирует на подвиге Архипа Осипова. В приказе сказано, что взорвать пороховой погреб он вызвался «*по собственному побуждению*» и осуществил это. «*Обрекая себя на столь славную смерть*, — гласит приказ, — *он просил только товарищей помнить его дело, если кто-либо из них останется в живых. Это желание Осипова исполнилось. Несколько человек храбрых его товарищей, уцелевших среди общего разрушения и погибели, сохранили его завет и верно его передали. Государь Император почтил заслуги доблестных защитников Михайловского укрепления в оставленных ими семействах. Для увековечения же памяти о достохвальном подвиге рядового Архипа Осипова, который семейства не имел, Его Императорское Величество Высочайше повелеть соизволил сохранить навсегда имя его в списках 1 гренадерской роты Тенгинского полка, считая его первым рядовым, и на всех перекличках, при спросе этого имени, первому за ним рядовому отвечать: «Погиб во славу русского оружия в Михайловском укреплении». Высочайшее соизволение сие объявляю по Армии и всему военному ведомству. Генерал-адъютант граф Чернышев*»[11].

В истории русской армии этот приказ имеет непреходящее значение. Он впервые ввел институт навечного зачисления и связанный с ним воинский ритуал. Конечно, было бы интересно узнать, по чьей именно инициативе это произошло, кто предложил таким способом увековечить имя простого русского солдата Архипа Осипова. Можно предположительно назвать четыре имени: Н. Н. Раевский, П. Х. Граббе, А. И. Чернышев и Николай I. Не исключено, что данная идея, как об этом и говорится в приказе, принадлежала царю.

Подвиг Архипа Осипова не был забыт. Он нашел отражение не только в истории Тенгинского полка и другой военной литературе. Бережно сохранялась серебряная медаль героя (значит, она была найдена). В полковой часовне она висела на иконе священномученика Автонома, подаренной полку еще Александром Суворовым. На месте взорванного укрепления был установлен чугунный крест высотой 15 и шириной 1 аршин, возведенный на пьедестал из местного камня. На прикрепленной к нему металлической доске сделана надпись: «*77-го пехотного Тенгинского Его Императорского Высочества Великого Князя Алексея Александровича полка рядовому Архипу Осипову, погибшему во славу русского оружия 22-го марта 1840 года в укреплении Михайловском, на месте которого сооружен сей памятник*». Сооружен он был в 1876 году с таким расчетом, чтобы его видно было с проплывавших мимо судов. Таково было желание великого князя Михаила Николаевича, бывшего главнокомандующего Кавказской армией. Существовал проект другого памятника, который подготовил скульптор Ф. И. Ходорович. Памятник должны были воздвигнуть во Владикавказе, проект его уже был высочайше утвержден в 1874 году, но, видимо, не хватило средств. Это был бы, наверное, единственный памятник в старой России, на котором изображалась фигура солдата. Герой держал пылающий фитиль в правой руке, а левой поддерживал умирающего штабс-капитана Лико. На четырех окружающих пьедестал барельефах изображались сцены из жизни А. Осипова: отец, благословляющий сына на воинскую службу; сам герой, вызвавшийся взорвать погреб; штурм горцев и подвиг А. Осипова. По рисунку с модели памятника художника Брожа академиком живописи Л. А. Серяковым была выполнена гравюра, которая вошла во многие иллюстрированные издания того времени[12].

22 октября 1881 года во Владикавказе на площади напротив здания военного училища был открыт памятник, сооруженный по подписке на внесенные воинами и гражданами пожертвования. «*Ровно в 12 часов духовенство отслужило молебствие и затем при пушечных выстрелах и грохоте барабанов и звуках музыки холст, покрывавший памятник, упал и глазам предстала поставленная на постаменте из красного гранита серо-синяя мраморная тумба вышиною в 2 и шириною 1 1/2 аршина. На ней утверждена из того же мрамора четырехугольная усеченная пирамида, увенчанная наверху бронзовым вызолоченным орлом, держащим в обращенном на запад клюве лавровый венок*»[13]. На монументе были выгравированы слова, свидетельствующие, что он возведен «*штабс-капитану Черноморского линейного № 5 батальона Николаю Лико и рядовому 77-го пехотного Тенгинского Его Императорского Высочества Великого Князя Алексея Александровича полка Архипу Осипову*». Присутствовавшим на открытии монумента раздавали текст песни, посвященной этому подвигу (стихи ветерана и историографа полка майора К. П. Белевича):

С шумом, грохотом стремится в море Черное Вулан,
За волной волна вслед мчится, с гор несет Кавказа дань.
Ты видала речка диво, как наш Осипов Архип
Сделал взрыв и сам во взрыве с неприятелем погиб.
Расскажи же, чтоб все знали про судьбу богатыря,
Расскажи, как умирали за Россию, за царя!..

Остались и другие стихи и песни.

Ежегодно 22 марта исполнялась заупокойная молитва в память о герое. 22 марта 1890 года во Владикавказе состоялся парад Тенгинского полка, посвященный 50-летию подвига Архипа Осипова. 19 апреля того же года командующий войсками Кавказского военного округа обратился к военному министру с ходатайством об учреждении жетона в память этого подвига. Был подготовлен и доклад Главного штаба на «высочайшее имя»[14], но какова судьба этого ходатайства, выяснить не удалось.

Памятник во Владикавказе не сохранился. Но имя героя существует на карте страны — это названное в его честь селение Архипо-Осиповка, расположенное близ Геленджика. Жива и традиция навечного зачисления.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Зайцев А. Д., Рощин И. И., Соловьев В. Н. Зачислен навечно: Биографический справочник. В 2-х кн. М., 1990.
2. В Советской военной энциклопедии есть статья, посвященная Архипу Осипову (т. 6, с. 139), но отсутствует словарная статья о навечном зачислении, хотя с этим связаны определенная традиция и специальный военный ритуал.
3. В Советской военной энциклопедии ошибочно указана дата смерти 23.3.1840.
4. См.: Тенгинский полк на Кавказе. 1819—1846: Юбилейный выпуск (Сост. поручик Ракович). Тифлис, 1900; Краткое описание боевой жизни и деятельности 77-го пехотного Тенгинского Его Императорского Высочества великого князя Алексея Александровича полка. 1700—1900. (Сост. А. Н. Лавров). Тифлис, 1900.

В послужном списке, публикуемом в данной книге, приводятся следующие данные на А. Осипова: «росту 2 арш. 7 4/8 верш., приметы: лицо продолговатое, волосы темно-русые, глаза серые, нос умеренный, говорит пространно... грамоты и мастерства не знает» (Приложение IX, с. 11).
5. Голохвастов К. К. Геройский подвиг рядового Тенгинского полка Архипа Осипова: Рассказ из времен Кавказской войны. 4-е изд. СПб., 1900.
6. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2562 (1). Д. 5. Л. 2, 2об.
7. РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 262. Л. 117, 117об. По свидетельству современника событий генерал-майора Бринка, обещание «не сдаваться живым, в крайности взорвать пороховой погреб и погибнуть вместе с неприятелем» дал Н. Н. Раевскому комендант крепости штабс-капитан Н. К. Лико (см.: Тенгинский полк на Кавказе. Приложение. С. 27).
8. РГВИА. Фонд Военно-учетного архива (ВУА). Д. 6391(1). Л. 175, 187, 187а.
9. РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6393. Л. 1—3.
10. Там же. Л. 4.
11. Там же. Л. 10—11об.
12. См.: Краткое описание боевой жизни и деятельности 77-го пехотного Тенгинского Его Императорского Высочества великого князя Алексея Александровича полка. С. 223—225.
13. Голохвастов К. К. Указ. соч. С. 4.
14. РГВИА. Ф. 401. Оп. 4/928. Д. 51. Л. 21, 36.

МУРАД ДОНОГО

И было у него пять сыновей

У имама Шамиля было пять сыновей от разных жен: Джамалуддин, Кази-Мухаммед, Саид, Мухаммед-Шефи, Мухаммед-Камиль. О среднем, Саиде, можно только сказать, что он был рожден от гимринки Джавгарат и грудным ребенком погиб вместе с матерью в 1839 году во время осады царскими войсками аула Ахульго. Что же касается остальных, то все они были военными людьми. Если трагические обстоятельства и ранняя смерть помешали поручику Джамалуддину дослужиться до высокого чина, то два его брата стали впоследствии генералами: Мухаммед-Шефи — царской русской армии, Мухаммед-Камиль — турецкой армии, а Кази-Мухаммед закончил военную службу в Турции в чине маршала. Все сыновья были преданы своему отцу — имаму Шамилю, произведенному Турцией в генералиссимусы еще во время Кавказской войны.

ДЖАМАЛУДДИН (1831—1858)

Первый сын Шамиля родился в селении Гимры. Вполне возможно, что отец дал имя первенцу в честь своего наставника и учителя шейха Джамалуддина Казикумухского, имевшего большое влияние на будущего имама Чечни и Дагестана. Драматические события в Ахульго в 1839 году сломали жизнь 8-летнему мальчику — он был сдан аманатом (заложником) начальнику русского отряда генералу Граббе, осаждавшему крепость Шамиля.

Джамалуддин был отправлен в Петербург, где был принят лично царем Николаем I и определен в Александровский кадетский корпус. В январе 1840 года мальчик был переведен в 1-й кадетский корпус, одно из старейших учебных заведений России, учрежденное еще в царствование императрицы Анны Иоанновны. Обучение в корпусе было серьезным: воспитанники изучали русский, немецкий, французский языки, грамматику, риторику, математику, историю, географию, юриспруденцию, мораль, геральдику, рисование. Были, конечно, и специальные предметы: военная артиллерия, фортификация, фехтование, верховая езда.

Джамалуддин быстро овладел русским языком. От мальчика не требовали перемены религии, считая, что религиозные воззрения — дело совести каждого человека. При этом сыну Шамиля было разрешено носить кавказский костюм, как в корпусе, так и затем в полку.

6 июня 1849 года высочайшим приказом Джамалуддин был произведен в корнеты с зачислением по кавалерии и с прикомандированием к Уланскому Его Императорского Высочества Великого Князя Михаила Павловича полку. Полк располагался к этому времени в городе Торжке Тверской губернии.

Дом Петра Алексеевича Оленина, сына президента Академии художеств, считался в городе самым гостеприимным. Здесь часто бывали молодые офицеры, в том числе и Джамалуддин, произведший сильное впечатление на дочь хозяина дома Елизавету. Необычная судьба корнета-кавказца, его открытый нрав, поэтический ореол, навеянный Кавказом, — всего этого было более чем достаточно, чтобы поразить воображение девушки.

Личная жизнь Джамалуддина складывалась благополучно. Намечалась свадьба, причем посаженым отцом на торжестве обещал быть сам царь. Удачно продвигалась и военная служба молодого человека — в 1852 году он был произведен в поручики.

Однако вскоре радужные мечты и планы рухнули. Летом 1854 года большой отряд горцев вторгся в Грузию. Среди многочисленных пленников оказались княгини Чавчавадзе и Орбелиани с детьми и прислугой. Шамиль предложил царскому правительству вернуть ему старшего сына в обмен на княгинь.

В письме начальника Главного штаба Отдельного кавказского корпуса генерал-лейтенанта князя А. И. Барятинского к князю Д. Чавчавадзе (мужу одной из пленниц) читаем: «... *Шамиль спрашивает: дозволено ли ему будет послать в Россию доверенное лицо, чтоб переговорить с сыном, желает ли он возвратиться на родину с тем, что если не пожелает, то Шамиль имеет намерение отречься от него навсегда*».

Судьба пленниц, как видим, некоторое время была в руках Джамалуддина, который решил вернуться в горы, чтобы спасти княгинь, хотя неизвестно, как поступил бы царь, если бы сын имама отказался это сделать.

Обмен состоялся у разрушенного укрепления Шаиб-Каппу на берегу реки Мичик, находящегося недалеко от Куринского укрепления. Видимо, Шамиль возлагал надежды на сына, полагая, что Джамалуддин сможет помочь горцам в их борьбе. Однако молодой поручик, познавший Россию, понимал, что силы не равны. Но все его доводы не доходили до Шамиля и его окружения.

Отец женил старшего сына на дочери чеченского наиба Талгика; молодые поселились в высокогорном ауле Карата. Здоровье Джамалуддина все ухудшалось (чахотка, полученная в Петербурге), и в отчаянии Шамиль через своих лазутчиков просил царское командование прислать врача. Командир Кабардинского полка, расквартированного в Хасавюрте, князь Мирский после совещания с вышестоящим начальством отправил в горы полкового лекаря Пиотровского (оставив трех заложников), однако это уже не помогло.

В начале сентября 1858 года в России узнали, что старший сын имама скончался. Прошел почти год после смерти Джамалуддина, и военнопленный Шамиль по дороге из Гуниба в Петербург стал свидетелем того, о чем ему рассказывал покойный сын. В Петербурге ему показали Исаакиевский собор, Публичную библиотеку, Инженерный замок, Кронштадт, театр... Шамиль посетил и 1-й кадетский корпус, в котором когда-то воспитывался его сын. Конечно, ему показали и фотографию Елизаветы Олениной, о которой он слышал. О чем думал грозный имам, глядя на портрет девушки?

КАЗИ-МУХАММЕД (1833—1902)

Второму сыну Шамиля была уготована участь воина, и он прожил нелегкую военную жизнь, выйдя в отставку в чине дивизионного генерала турецкой армии. Известный ученый М. Казем-Бек, встречавшийся с Шамилем и его сыном в Петербурге в сентябре 1859 года и много беседовавший с ними, так пишет о Кази-Мухаммеде: «*Он родился в 1833 г., ровно через шесть месяцев после убиения Кази-Муллы. Отец назвал своего новорожденного сына в честь своего мюршида его именем...*»

Почти всю свою боевую жизнь Кази-Мухаммед находился рядом с отцом, и если говорить о том, кто был любимым сыном имама, то, вероятнее всего, это Кази-Мухаммед. Уже в раннем возрасте мальчик узнал и почувствовал, что такое война, боль, смерть. Шестилетним он был с отцом в Ахульго и перенес летом 1839 года все тяготы кошмарной осадной жизни. Летописец имама Мухаммед-Тахир Карахский писал об этих страшных днях защитников Ахульго: «*...смерти больше не избегали, а искали, как высшего блага, как окончания всех мук и пыток... Шамиль не был исключением...Со своим младшим сыном Кази-Мухаммедом он не раз выходил на открытую площадку, заливаемую непрерывным потоком осколков орудийных снарядов, и долго стоял здесь в ожидании смерти для обоих*». Здесь же, в Ахульго, Кази-Мухаммед был ранен в ногу — это была лишь первая его рана в суровой, почти лишенной радостей жизни. Отец, выходя из окружения, вынес сына на себе.

Совсем молодым Кази-Мухаммед принимал участие в военных действиях, а в 1850 году, когда решался вопрос о назначении наиба в Карата (бывший наиб погиб), Шамиль на совете предложил назначить на это место своего сына. «*Несмотря на очень молодые годы (17 лет), Кази-Мухаммед управлял своим наибством с такою умеренностью и тактом, что через несколько лет правители шести соседних с Карата наибств постепенно обращались к Шамилю с просьбой дозволить им, по причине отдаленности их края от Дарго, обращаться во всем касающемся гражданского и военного управления к Кази-Мухаммеду, совершенно так, как бы к самому Шамилю*», — писал в своих «*Записках о Шамиле*» пристав А. Руновский.

Самым известным военным успехом Кази-Мухаммеда следует считать поход в Кахетию. Во главе 7-тысячного отряда конницы сын имама совершил стремительный набег на грузинские земли, разорив несколько деревень, а также имение князя Чавчавадзе — Цинондали. Авторитет Кази-Мухаммеда среди горцев после этого похода еще более возрос, кроме того, к этому времени он уже был объявлен наследником Шамиля в управлении государством.

«*Что же касается до населения страны, то все оно поголовно питало к Кази-Мухаммеду особенную симпатию за его внимательность и приветливость к каждому, кто бы он ни был: богатый или бедный, человек, пользовавшийся общим уважением, или преступник, осужденный на смерть... Доброта его сердца вошла в пословицу, а готовность выслушать каждого, разобрать его дело, не стесняясь временем и местом, и потом содействовать всем, что от него зависело, приобрела ему от жителей Дагестана высокое уважение, которое скоро перешло в Чечню*», — отмечал А. Руновский.

Кази-Мухаммедом, как наследником и продолжателем дела Шамиля, интересовалось турецкое правительство, внимательно следившее за ходом борьбы горцев. Так, султан Турции пожаловал сыну имама знамя, орден с алмазной звездой и чин паши.

В августе 1859 года Шамиль со своей семьей и более чем тремя сотнями горцев укрепился на Гунибе. Рядом с имамом находился его сын Кази-Мухаммед. Существует версия, что якобы Кази-Мухаммед посоветовал отцу прекратить сопротивление в Гунибе. Так или иначе, но Шамиль понимал, что

настает конец войне, и поэтому вышел к Барятинскому и объявил о прекращении военных действий.

Кази-Мухаммед был рядом с отцом в Петербурге, Москве, Калуге, Киеве. Он не захотел, как его младший брат Мухаммед-Шефи, поступить на царскую службу, не имел желания учить русский язык. Не мудрено, что царское правительство, не доверявшее Кази-Мухаммеду, не разрешило ему отправиться с отцом в Мекку в паломничество. Позднее такое разрешение последовало. Вернувшись в Россию, Кази-Мухаммед начал хлопотать о выезде из России на местожительство в Аравию, на что получил согласие. Вскоре Кази-Мухаммед поступил на службу в турецкую армию и во время русско-турецкой войны 1877—1878 годов в чине дивизионного генерала командовал частями турецкой армии при осаде крепости Баязет.

После войны Кази-Мухаммед оказался в опале: турецкий султан отстранил сына Шамиля от воинской службы, присвоил ему чин маршала и отправил в почетную ссылку в Медину. Похоронить себя Кази-Мухаммед завещал своим детям рядом с Шамилем в Медине, что и было исполнено.

МУХАММЕД-ШЕФИ (1839—1906)

По свидетельству летописца Шамиля, Мухаммед-Шефи родился в 1839 году в чеченском ауле Беной. В других источниках, например в послужном списке сына Шамиля, указывается другая дата — 1840 год. В детстве Мухаммед-Шефи был шаловлив и, по рассказам очевидцев, никого дома не слушал, за исключением отца, который часто его наказывал.

Женился Мухаммед-Шефи на дочери известного наиба Энков-Хаджи — Аминат. Молодая пара была в числе защитников последнего оплота Шамиля — Гуниба. После гунибских событий имам вместе со старшим сыном и двумя мюридами был отправлен в Петербург, а оттуда в Калугу. Следом за ними через некоторое время отправились Мухаммед-Шефи и остальные члены семьи имама.

Пристав А. Руновский, присутствовавший при встрече сына с отцом в Калуге, вспоминал в своих «Записках о Шамиле»: *«Несмотря на то, что немного объемистая полнота тела портит несколько грациозность его фигуры, взамен того, детский огонь в небольших карих глазах, подвижность и свежесть лица, очень приятная шепелявость языка, и, наконец, сами жесты, когда их не связывает присутствие отца, — все говорило, что ему еще очень хотелось бы поиграть, пошалить».*

Большая часть жизни Мухаммеда-Шефи прошла в России. 8 апреля 1861 года с согласия отца он был определен на службу корнетом лейб-гвардии в Кавказский эскадрон Собственного Его Величества конвоя. Мухаммед-Шефи с женой переехал на жительство в Петербург, получал жалованье. Через год от чахотки умерла его жена Аминат. Мухаммеду-Шефи было разрешено сопровождать тело покойной на родину в Дагестан.

От второй жены Джарият у Мухаммеда-Шефи родился сын Мухаммед-Загид, который стал коллежским регистратором и служил при отце в Казани.

В 1864 году Мухаммед-Шефи был произведен в поручики, через два года — в штаб-ротмистры; тогда же он был направлен в Калугу по случаю принятия вместе с отцом и старшим братом присяги на верноподданство России. Через три года Мухаммед-Шефи выехал в длительный отпуск за границу — во Францию, Англию, Германию, Турцию и Италию (факт, свидетельствующий о том, что штаб-ротмистр был на хорошем счету у царского правительства).

По возвращении в Россию — приятная неожиданность: за отличную и усердную службу Мухаммед-Шефи был награжден орденом святой Анны третьей степени и откомандирован на Кавказ для отбора молодых горцев в Кавказский эскадрон.

В 1869 году осуществилась давняя мечта Шамиля: он отправился в паломничество в Мекку. В документах читаем:*«Военный министр письмом от 17 февраля уведомил Шамиля, что Государь Император Высочайше соизволил разрешить ему согласно его просьбе отправиться с семейством в Мекку, оставив в России сыновей своих Кази-Магома и Магомет-Шефи...»* Кази-Мухаммеду правительство не доверяло, а Мухаммед-Шефи находился на военной службе.

4 февраля 1871 года Шамиль скончался и был похоронен в Медине. После получения печальной вести братья начали хлопотать о выезде в Аравию. Правительство отпустило Кази-Мухаммеда. В конце концов из большой семьи имама Шамиля в России остался только Мухаммед-Шефи.

Царское правительство еще не раз отмечало службу горца. 30 августа 1871 года за отличие по службе Мухаммед-Шефи произведен в ротмистры и утвержден командиром взвода горцев в царском конвое. Через два года он получил орден святого Станислава второй степени, в следующем году австрийский император наградил Мухаммеда-Шефи орденом Железной Короны третьей степени. В 1876 году Мухаммед-Шефи был произведен в полковники.

Во время русско-турецкой войны 1877—1878 годов полковник просился на фронт, однако царь не отпустил его. Кази-Мухаммед, находившийся к этому времени на службе у турецкого султана, командовал крупными частями войск. Каковы были отношения между двумя братьями, волею судьбы оказавшимися в противоположных лагерях? Видимо, натянутые, о чем можно судить по фотографии, присланной Кази-Мухаммедом брату из-за границы с надписью на обороте: *«Эта фотография бедного на Аллаха Кази-Мухаммеда, он ее подарил своему брату бедному Мухаммеду-Шефи. Этому нужны будут очки, чтобы он хорошо видел».* Этим ясно указывалось, кто из братьев стоит на верном пути.

Последние годы жизни Мухаммеда-Шефи прошли в Казани, куда он был определен на службу уже в чине генерал-майора. Здесь он женился на дочери потомственного почетного гражданина Апакова — Марьям Бану. В 1887 году у них родилась дочь Патимат-Заграт, потом еще одна — Нафисат.

Умер Мухаммед-Шефи 10 августа 1906 года в Кисловодске, где часто бывал в отпуске, и похоронен в 30 километрах от города на мусульманском кладбище.

МУХАММЕД-КАМИЛЬ (1863—1951)

Сведений о последнем сыне Шамиля сохранилось немного, так как почти всю жизнь Мухаммед-Камиль прожил за пределами России — в Аравии и Турции. Судьба распорядилась так, что сын имама ни разу не побывал в Дагестане. Он родился в 1863 году в Калуге. Мать его, Загидат, была дочерью учителя Шамиля Джамалуддина Казикумухского. Мальчику было 6 лет, когда почти вся семья Шамиля отправилась в Аравию. Сохранилось письмо Шамиля из Медины в Россию к оставшимся там сыновьям Кази-Мухаммеду, Мухаммеду-Шефи и зятю Абдурахману, полученное в Киеве 27 июля 1870 года. Из письма можно узнать, что семилетнего Мухаммед-Камиля отдали в школу, которая находилась при мечети пророка Мухаммеда. Меньше чем через год, в связи с кончиной Шамиля, приехавший из России Кази-Мухаммед взял младшего брата на свое попечение. Известно, что Мухаммед-Камиль поступил на военную службу, был на хорошем счету и вышел в отставку в чине генерала турецкой армии.

11 мая 1920 года в селении Капши (в окрестностях бывшей столицы Шамиля Ведено) в Чечне состоялся национальный съезд горцев, на котором было предложено избрать руководителем национально-освободительного движения Мухаммед-Камиля, находившегося в это время в Турции. Приехать в Дагестан сыну имама не удалось. Он послал на Кавказ своего сына Саида, который вернулся обратно без результатов.

Мухаммед-Камиль был награжден несколькими турецкими орденами. У него было трое детей. Умер он в 1951 году и похоронен на кладбище города Стамбула.

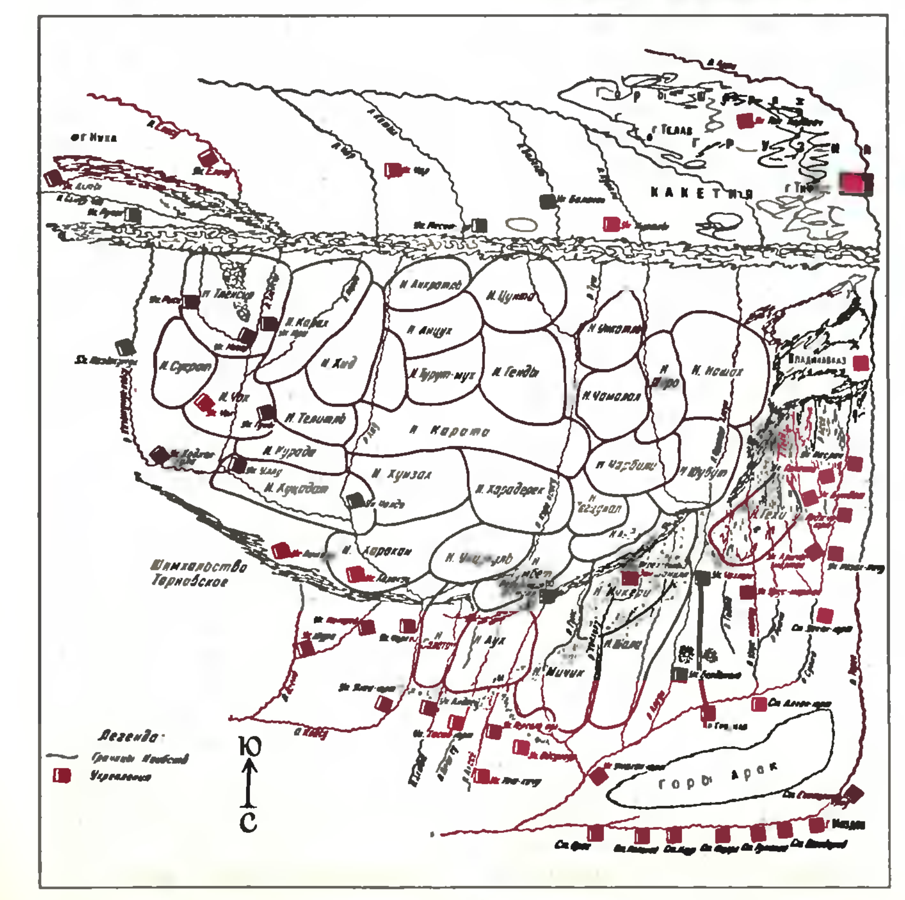

Схема расселения горских народов, подвластных Шамилю.

ИВАН КЛИНГЕР

Кавказский пленник

Летом 1847 года И. Клингер проверял исполнение карантинных мер против эпидемии холеры в станицах и селениях Ставропольской губернии. В одной из поездок в предгорные районы он был захвачен горцами и провел в плену два с половиной года.

В 11-м часу прибыли в аул *Оспан-Юрт*, местопребывание *Тарама*, пятисотенного начальника и вожатого партии (25 июля 1847).

Путь от Качкалыка до Оспан-Юрта оглашался выстрелами из ружей и обычною, единственною во всех случаях песнею: «ля-иль-лягá-иль-алла», выражением радости о приобретении дарованной Небом добычи.

Толпа старых и малых, мужчин и женщин с любопытством смотрела на нас и завидовала счастию своих товарищей, которые оценивали вещи и лошадей и делили их между собою.

После дележа, непродолжительного отдыха и подкрепления сил пищею ямщик отправлен был в другой аул. Меня отвели в саклю[1], куда с народом пришел Тарам, и, объявив, что он человек, пользующийся некоторым значением, что я офицер, что поэтому торговаться нам не приходится, спросил: что я дам за свободу? Услышав от меня о неприличности торговли и согласие: принять на себя впоследствии уплату 600 р. серебр.; если только они могут быть выданы ему в настоящее время, Тарам сказал мне цену выкупа сначала 1000 р., спустя несколько минут 2000, потом 5000 р. Изумленный его фальшивостию и корыстолюбием, я замолчал. Он вышел с народом, и вслед за тем мне были набиты на ноги полновесные железные кандалы.

Повторив в течение следующих дней свои требования и не получив от меня ответа, велел набить еще другие такие же кандалы. На шею надели железную цепь (арш. 12 длины), которой конец пропускался на ночь сквозь дыру в стене из моей в его саклю, где заматывался за кол.

Ночью у дверей, запертых замком, ложились два Чеченца, и иногда на крыше у трубы один.

Кусок пшеничной или кукурузной лепешки, немного посоленного, кислого или пресного молока для обмакивания, заменяемого иногда соленым сыром и лапшою, во время лихорадки изредка — Калмыцким чаем и несколько раз в году мясом, составляли пищу; сакля, войлок и железы с цепью пудового веса — помещение, постель и новую сверх необходимой одежду.

В отведенной мне сакле я застал пленных: солдата и мальчика.

Неприятель, объясняя себе из бумаг моих, чрез грамотных людей, что я адъютант младшего Сардаря[2] (Ставропольского[3], старший у них Тифлисский[4]), убежден был, что за меня можно приобресть богатый выкуп; что рано или поздно выкуп этот должен будет состояться и что, следовательно, нужно только вооружиться терпением и твердостию: ибо Русские, как говаривали мне некоторые в вде утешения, слабы словом и сердцем, из сострадания соберут сумму и согласятся. О деньгах же дело не станет, потому что в России их много. Утешая себя и народ этою мыслию, Тарам кроме увещаний словом оставлял меня в покое, а сам продолжал попрежнему делать набеги в наши пределы.

В этом благодатном спокойствии прошло время до половины октября 1847 года.

В этом промежутке времени судьба послала мне старшего брата Тарама — *Заура*, который принимал во мне особенное участие.

Заур был человек пожилой, серьезный, но очень доброй души и уважаемый в ауле. Заур не пользовался особенным значением, потому что не имел ни достатка, ни военных способностей своего брата, но был любим за честность, доброту и спокойную рассудительность.

Заур, уважая в брате достоинства военные, не любил его за надменность, непомерное честолюбие и корыстолюбие, которые в Тараме господствовали над всеми страстями.

Заур мне дал понять, что если я действительно не в состоянии обещать более 600 р. сер., то он употребит все средства склонить народ и брата — согласиться на эту цену. Приложенный им к сомкнутому рту палец доказывал, какую тайну следовало в этом соблюдать, чтобы избежать подозрений. Заур обещал заходить ко мне изредка, называть меня то Иваном*, то Ендреем, то Митрии и, достигнув цели, будет считать достаточною для себя наградою, если его отрекомендуют Русскому начальству с хорошей стороны; он желал этого потому, что хотел перейти на житье к Русским: тревожная жизнь ему надоела.

Действительно, он успел сделать многое; дело убеждения на 600 р. сер. вел очень искусно и, будучи сам в стороне, достиг того, что народ и Тарам сами согласились наконец отдать меня Русским за 600 р. — 8-го октября решено: в ночь на 10-е число отправить по этому записку к начальнику левого фланга, в Грозную.

К вечеру того же дня была приготовлена Муллою записка. Стемнело. После вечернего намаза (молитвы) хотели ее отправить в Грозную.

Вдруг на двор въехало несколько всадников. Вызвали Тарама, перешептались, потом зашли в саклю, закусили. Хозяину оседлали коня, и Тарам, гости, а с ними и Заур исчезли.

Записка осталась неотправленною. Двое суток никто не знал, куда и зачем поехали. На третьи рано утром приехал на двор беглый казак (Моздок. полка) *Дмитрий Алпатов*, зашел ко мне и рассказал: «Вы, может быть, скоро теперь освободитесь по размену. Чеченцы попались; я был с ними и только что возвратился едва живой: так нам досталось. Тарам будет домой дня чрез два; после таких неудач стыдно скоро домой являться».

Тарам действительно приехал чрез два дня, один, тихонько, не поздоровался с семейством, и на следующий день, явившись ко мне с народом, объявил: «С нами случилась неудача, это судьба. Одни умирают, другие в плену у Русских; ты, Иван, у меня!»

Народ прибавил: «Теперь не нужны миллионы; отдай нам наших пленных и получишь свободу!»

На ответ мой, что об этом нужно обратиться к Русскому начальству, в руках которого находятся пленные Чеченцы и что мне несообразно вести об этом переговоры, — народ значительно между собою переглянулся и после криков, угроз, ругательств и толчков разошелся, предоставив, как кажется, убеждать меня Тараму, в доме которого по согласию их я жил постоянно.

Жадность Тарама не позволяла медлить, тем более что по дошедшим в короткое время слухам из 14-и пленных Чеченцев 3-х отдали жителям Акбулат-Юрта, 2-х расстреляли и 2-х повесили, так как 4-е последние оказались бежавшими из мирных и многократно виновными. В числе *семи* — оставался Заур и другие родственники его и прочих. Оспан-Юртовские жители просили Тарама особенно о скорейшем освобождении Заура; другие о всех остальных; а Тарам, для корысти которого смерть 4-х чел. давала надежду получить при размене и деньги, — рад был случаю.

Неизвестный художник. Возвращение с набега.
Дагестанский музей изобразительных искусств.

Почти каждый день, наедине, требовал он записки, говоря: «Многие из наших гибнут — это судьба; пусть пропадает брат мой и Мусульмане! А мне подай денег, денег и денег! Не дашь — тут и погибнешь! Разве я попадусь, тогда обменяемся!»

А как только кто-либо являлся, тогда речь снова заводилась о записке к кому бы то ни было.

Чтобы скорее достичь желаемого, Тарам принялся за меня иначе. Вечером явилось ко мне несколько Чеченцев, с бумагою и карандашом, и требовали, чтобы я написал записку о выдаче пленных. Я долго не соглашался; мне совали бумагу и карандаш в руки, я молчал, не брал, и они падали на землю. Чеченцы сердились, выходили из себя, толкали и били меня где и чем ни попало. Тарам был у себя на половине, отделявшейся от моей стеною. Вошедшие вновь два человека начали ласково убеждать меня снова о записке. Я молчал. Терпение их лопнуло; но я терпел и не дал в ответ ни ползвука. Тогда, заметив мне, что ведь Русские вешают Чеченцев, связали руки, вздернули меня кверху ногами веревкой за кандалы к матице — и я повис на воздухе. Вошел Тарам. Я налился кровию, на ногах чуть кости не треснули; но, к счастию, еще кто-то вошел, крикнул, и меня сняли. Тарам, выхватив кинжал, бросился на меня, но его удержали и вывели на его половину. Этим не кончилось: дымящейся головней подкуривали нос и глаза, тыкая в лицо головешку и держа за усы. Как ни несносно было подобное обращение, но чтобы, во-первых, избавиться от его, во-вторых — испытать, что будет, если напишу записку, которая не составляла в глазах моих особенной важности, я предположил себе написать ее, если того потребуют.

Печатается в сокращении. «Русский архив». 1869. 32.

* Иваном называли меня Чеченцы.

Развязав руки, снова дали мне бумагу и карандаш с криком: «Пиши!» Молча написал я и бросил ее подле*. Люди вышли довольны; но из другой половины я услышал голос Тарама: «Дурак, дурак!»

Я понял Тарама: он не хотел вообще моей записки о размене пленных; ему нужны были деньги, и из них, секретно, особенная часть на его долю.

Послали ли мою записку или нет, не знаю; но затем меня не беспокоили в течение нескольких недель.

Но за то отняли войлок и тулуп, данные мне прежде; не приказывали разводить огня; насекомые меня одолели; платье превратилось в грязные лохмотья; я и пленные мерзли. На дворе был исход декабря и суровая зима.

Надзор за мною был усилен; кандалы тщательно осматривались каждый день два раза; конец цепи на ночь пропускали между ног солдата и потом в хозяйскую половину. Подсылали людей склонять меня к побегу, с целью выведать мое намерение. Я был осторожен; о побеге думать было безрассудно. Посягать на свою жизнь я считал тяжким грехом и низким малодушием.

В исходе 1847 года чрез лазутчика получил я записку от генерала Фрейтага. «Уведомьте меня, как поступить насчет размена за вас Чеченцев и сколько их можно дать? Я употреблю все средства в пользу вашу. Молчите, ничего не предпринимайте и никому ни в чем не верьте».

Отправив на другой день с тем же лазутчиком ответ: «В числе пленных находятся старший брат Тарама Заур, достойный человек, и его племянник Долтухо. Я думаю, что согласятся отдать меня за 2-х, 3-х челов. Совет ваш постараюсь исполнить», — я сжег подлинную записку генерала Фрейтага.

Настал 1848-й год.

Тарам, дав мне некоторый отдых и желая избежать, вероятно, каких-либо подозрений со стороны народа**, изыскивал нарочно случаи, при народе же, добиваться от меня снова записки, вследствие чего попрежнему принимался меня бить несколько раз, разновременно, — чем под руки попало, привязывал в особой сакле к столбу на несколько часов, угрожал кинжалом; однажды слегка надрезал мне три пальца. Разумеется, я молчал как могила, и кончалось тем, что записки от меня не получали никогда и никакой.

Народ, опасаясь за меня, ради свободы своих, отнимал его и удалял от меня, а на меня плевал и расходился, пожимая плечами.

Так прошла первая половина 1848 года.

Слухи об отправлении 7 Чеченцев на линию и в Сибирь подтверждались. Сколько я мог понять, это основано было, вероятно, на том, что когда неприятель не соглашался на размен меня за 2-х, 3-х или 4-х челов. и замолчал, то, чтобы заставить его прежде просить нас, сделано было такое распоряжение.

По слухам, пленных останавливали на некоторое время, в выжидании просьб неприятеля, в Червленой, Моздоке, Екатеринограде и Ставрополе.

Чеченцы узнали, поняли смысл этого распоряжения и не думали просить, объясняя напротив между собою, что Иван стало-быть нужный человек, когда так осторожно и медленно ссылают наших в Сибирь. (А на этих пересылках прошло более полгода.)

Но неприятель ошибался, если думал, что с ним шутят; ибо из Ставрополя пленных отправили далее в Россию и в Сибирь, как говорили.

Едва эта весть достигла Чечни, как вдруг исчезла гордость, разрушились расчеты, потеряно терпение. Родные пленных неотступно приставали к Тараму — спасти единоверцев; старики и другие укоряли иногда Тарама за равнодушие к брату и прочим; а слово Сибирь пуще всего возмущало их воображение, которое представляло ее где-то на конце мира и каким-то чудовищным местом, где только плач, вечная скорбь и вечно тяжкие работы (половина 1848).

По-видимому, не слишком тронулся этим Тарам; впрочем, он был постоянно суров и холоден; но делать оставалось нечего: уговорились, выбрали почетных стариков и отправили депутацию к главнокомандующему князю Воронцову в кр. Воздвиженскую с просьбою — возвратить 7-мь пленных за мою свободу.

Надо полагать, что депутация возвратилась с удовлетворительным сведением, потому что меня уже более не трогали, под войлок подослали солому, улучшили пищу, дали одеяло.

Но какой результат приобрела Чеченская депутация? Где Заур, его невеста и товарищи по плену? Предстояла ли скорая и утешительная развязка для тех из нас, у которых мысль и сердце заинтересованы положением собственным?

Со времени плена Заура проходило около года. Невеста его ждала, ждала, поплакала и уехала в дом отцовский.

О Чеченской депутации и ее последствиях рассказывали: генерал-адъютант князь Воронцов, сожалея, что Чеченцы не просили о своих ранее, покуда они были в районе Кавказского корпуса (чем дело размена могло бы ускориться), изъявил согласие ходатайствовать у Государя Императора о возвращении 7-ми пленных из России на размен Ивана, что князь обещал им наверное, но предложил иметь терпение, ибо Чеченцы далеко, в разных местах, и спешное возвращение их не предвидится.

В начале 1849 года распространилась весть о прибытии в Грозную двух Чеченцев и чрез короткое время еще одного из числа назначенных в размен за меня. В ауле радость была общая: родственники пленных угощались каким-нибудь лакомым кушаньем, дети плясали под удары в медный таз, женщины занялись приготовлением одежды для будущих пришлецов.

Вскоре потом мне мальчики сказали, что жители очень сожалели о каком-то в России умершем из нашего аула Чеченце и уговорились скрывать от меня смерть Чеченца, чтобы не лишить меня надежды на освобождение и не расстроить меня, тем более что я был тогда сильно нездоров и очень слаб.

В это время (в Марте или Апреле 1849) меня, во-первых, томила страшная лихорадка, в жару которой я пил постоянно воду (до рвоты, и вылечился); во-вторых — неимоверная боль под ложечкой и чрезвычайное стеснение в груди: я едва мог дышать. Опасались за мою жизнь.

В мае 1849 г. пронеслась молва, что из числа Чеченцев, назначенных в размен за меня, еще прибыл в Грозную один и еще один умер и что неприятель стал сомневаться в справедливости известий о смерти их.

В течение двух лет пленные прибывали и убывали, а я все оставался. Предстоит ли мне возвращение когда-либо?!..

Глубокое раздумье владело мною. Я просиживал целые дни с утра до вечера почти неподвижно, проводил иногда ночи напролет без сна и вдохновлялся какою-то особенною силою, углубляясь мыслию во все случайности, которые мне могли предстоять и которые я мог придумать.

Результат мышления решил мне, что делать; его я поставил себе в обет священный и дал клятву исполнить, невзирая ни на какие препятствия в настоящем, ради лучшей, будущей жизни, в которую сознательно и твердо верил.

И потому я положил: не говорить ни слова ни днем, ни ночью даже с самим собою; ничего не писать; не двинуться с места ни на волос со воле неприятеля, покуда на ногах кандалы, а если их когда-либо снимут — не выйти из сакли, покуда не дадут приличной одежды. Если дадут одежду или белье чужие — не брать: оно милостыня, разве насильно наденут; если даст хозяин, и новое, и из своих рук — взять; если старое, хотя бы и починенное — не брать. Если в пищу дадут один хлеб — не есть, хотя бы умер; а если к нему будет приличная прибавка: мясо, чай, сыр, яйца — то есть, но не все, ибо азиатское приличие требует оставлять что-либо. Словом: во всем, что от меня потребуют или мне предложат, — действовать согласно своего положения, т. е. отвечать до известного времени — молчанием и неподвижностью.

Война началась.

В вечер, по уходе Ивановых и по осмотре кандалов, сказано мне было — продеть конец цепи в хозяйскую половину (на день один только конец ее с кола отвязывался), я молчал и не пошевелился. Это им показалось немного странным. Тарам спросил: «Что это такое с тобою, нездоров ты?» — посмотрел на меня, молча продел конец цепи в дыру, вышел и запер двери.

На другой день утром кричат, что цепь отвязали и чтобы я ее выдернул; опять молчание и неподвижность. Вечером и в последующие дни те же проделки.

Неизвестный художник.
Мальчик с лошадью.
Дагестанский музей изобразительных искусств.

За мною стали наблюдать днем и ночью, открыто и тайно, в двери, в щели, прислушивались из трубы — и видели только, что я обыкновенно утром и вечером встаю, умоюсь, если есть вода, помолюсь Богу, потом сяду и сижу неподвижно, поем, когда принесут что-либо порядочное, и молчу.

Эта необыкновенная перемена удивила всех, быстро разнеслась, несмотря что ее скрывали, и породила подозрение на Тарама. Одни думали, что я притворяюсь, другие — что я сильно тоскую, или болен, или онемел, или одурел.

Тарам, не веря сам вполне, приписывал, кажется, перемену тоске и отчаянию, ибо заходил ко мне чаще, утешал скорым освобождением, приказывал иногда улучшать пищу, упрекнул однажды за мои к воинским начальникам записки, запрещавшие года два назад писать и присылать ко мне что-либо в Чечню; наблюдал крепко и еще более усиливал надзор.

Мне дан был тулуп, но с короткими рукавами (такой носят женщины), — я одевал его внакидку, шерстью наверх; принесут в избу стул — я сажусь и остаюсь на нем неподвижно по целым дням; нет его — лежу на подосланном на земле войлоке по целым суткам и все молчу.

Подобное поведение мне было и тяжело и легко; тяжело — в выполнении; легко — когда исполнением достигал желаемого.

Прошло почти два с половиною года плена. Зима была в половине, суровая, с снегом и морозами.

В один день, рано утром, вошли ко мне несколько Чеченцев; сняв с шеи цепь и сказав, что сегодня должны меня везти на размен в Грозную, просили встать, выйти из сакли и сесть на сани, которые стояли у дома, чтобы свезти меня в Гельдиген (аул в 3-х верстах от Оспан-Юрта), в кузницу снять кандалы.

Я не пошевелился.

На ногах у меня было двое тяжелых кандалов; наготу мою прикрывала одна изорванная рубашка да сверху внакидку наброшенный тулуп — ни шапки, ни штанов, ни обуви; а на дворе мороз градусов 10 (по Реомюру).

Просили, убеждали ласково, кричали, наконец подняли меня на руки, завернули в бурку, вынесли и положили на сани. На дворе я видел много верховых лошадей, спешенных людей и Наиба Талгика. Тарам оставался в избе.

Когда меня несли до саней, кто-то надел мне старый, гадкий папах; я швырнул его оземь; еще раз надели — еще он полетел; сделали то же в третий раз — я опять бросил, и вышедший в это время Тарам с яростию бросился на меня с кинжалом. Народ его отхватил,

* В записке я просил о возврате пленных.
** Равно и вследствие слуха, что Чеченцев отправляют в Сибирь.

ввел в избу, и более я его не видал; его не пускали. Так и следовало: он не мог быть при народе равнодушным зрителем моих дерзостей, его поступки могли еще отсрочить размен, а при умерщвлении меня он бы сам погиб, если только освобождение мое — дело решенное: резня бы завязалась общая, родные пленных не стерпели бы потери семи правоверных Мусульман за одного неверного Христианина.

Но какой-то сметливый Чеченец решил дело: показав, он надел мне на голову новый папах; быков погнали, и сани остановились у кузницы в Гельдигене. Я лежал неподвижен.

Просьбы не помогли, и меня снесли на руках в кузницу, сняли кандалы, совали в руки штаны, тщательно зачиненные, — я стоял как истукан.

Штаны на меня надели Чеченцы и подвязали веревочкой.

Потом надели мне на ноги войлочные, обшитые козлом, сапоги азиятские и бурку.

Я молча повернулся, вышел и сел на сани. Между людьми поднялся крик: одни бранили, другие смеялись, третьи удивлялись.

Приехали к сакле. Я сам сошел с саней, вошел в свою избу и стал против камина; в нем горел большой огонь, а сакля была чисто подметена.

Люди вошли с предложением мне выходить, ибо пора ехать.

На это молча я снял с себя рубашку, показал изорванные места и бросил ее между людей. Мигом отнесли ее и чрез несколько минут принесли зашитою — я надел.

«Пойдем, Иван, не дурачься!» Я взял тулуп за короткие рукава, показал их людям и бросил тулуп.

Какой-то Чеченец подошел ко мне, снял свой полушелковый бешмет и подал мне. Я не взял. Бешмет мне надели.

«Пойдем же, а то к вечеру не доедем в Грозную, далеко!»

Приблизившись к огню, я крякнул, показав вид, что холодно. На меня надели бурку и завязали. Не дожидаясь напоминаний, я тотчас повернулся и, выйдя из сакли, стал на крыльце; на мне было все лучшее: новая папаха, зашитая рубашка, чистые целые штаны, полушелковый бешмет, сапоги и бурка.

Не совсем еще потухший блеск впалых очей моих, их неподвижный взор, длинная черная борода, холодная и ровная серьезность, могильное молчание и то неподвижность, то произвольное движение, и непонятная смелость поступков — как будто озадачили Чеченцев, а их было на дворе до сотни.

«Иван! Иди, вот недалеко лошадь, садись!»

Я остаюсь неподвижен.

К крыльцу подвели коня.

Я подошел к нему и стал у стремени.

«Садись!»

Ни слова, ни движения (но думал про себя: с телеги сняли, так на коня сажайте). Меня посадили.

Кто-то, забросив повод, давал мне его в руки.

Я отбросил его обратно. (В Чечню привели, ведите же назад сами.)

На дворе образовались партии: снисходительных, озлобленных и зрителей; первые, однако, взяли верх и не допускали до меня вторых.

Все сели верхом. Талгик меня конвоировал. Тараму не доверили совершить размен, а задержали дома. И он, и люди, кажется, поняли мое умышленное поведение, но было поздно. Он выходил из себя, но по-пустому.

Меня окружили; лошадь, на которой я сидел, вели в поводу. Ехали довольно шибко. От Оспан-Юрта до Ханкальской горы Чеченцы молились два раза, в полдень и перед вечером, оставляя меня, спешенного, в центре круга, составленного из партии.

Начало смеркаться, когда у Ханкальской горы, в лощине, оставили меня с двумя Чеченцами; партия с Талгиком отправилась вперед. Чрез полчаса присланный Чеченец приказал нам шибче ехать.

Два Чеченца по обе стороны схватили почти под уздцы мою лошадь и помчались во всю прыть.

«Тише! — закричал один. — Убьется!» — «Не бойсь! — отвечал другой. — До сих пор не околел, и теперь не пропадет!»

Мы мчались по необозримой равнине и похожи были на перекати-поле, несомое сильным порывом ветра.

Навстречу к нам подскакали несколько Чеченцев и с ними азиятский офицер*, по знаку которого мы осадили коней.

Офицер обратился ко мне с вопросом: «Кто вы такой и что с вами?» Я понял, что нужно, вероятно, знать начальнику левого фланга, нем ли я, тот ли я, кого ожидают, или кто другой, потому что в Грозной знакомых у меня не было; и я отвечал ему громко: «Я армии штабс-капитан Клингер; больше знать вам не нужно, убирайтесь!»

Он принял в сторону. Чеченцы вскричали от удивления, услышав мой голос; мы снова помчались и врезались в кружок Русских.

Меня встретил воинский начальник крепости Грозной (Ф. Кульман) с маленьким отрядом.

Я соскочил с коня; мы обнялись, поцеловались; я не мог говорить, на глазах навертывались слезы: в них была радость и молитва; в них было многое, многое, чего язык человеческий не в силах выразить!!!

Это случилось 1-го Января 1850 г.

Мы поскакали с казаками в Грозную. Темно было на дворе, но светло и отрадно у меня на душе!.. Она озарялась вдохновенно-высокой молитвой...

* Арцу-Чермоев.

ПРИМЕЧАНИЯ АВТОРА

1. Меня отвели в саклю — сакля название жилых домов у местного населения Кавказа — мингрельцев, имеретин и др. Сакля мингрельская — дощатый дом, иногда с черепичной крышей, разделенный на две или три небольшие комнаты. У зажиточного мингрельца или имеретина обыкновенно две сакли: одна — парадная, другая — простая, черная, с земляным полом, там варится пища в котле над костром.

2. Младшего Сардаря — сардарь (тат), министр двора (буквально глава двора). В Закавказье титул сардаря носил правитель Эриванской провинции. В народе слово «сардарь» употреблялось также в значении наместника или главного управляющего краем.

3. Младшего сардаря (Ставропольского) — 2 мая 1847 года Кавказская область переименована в Ставропольскую губернию. Командующий войсками на Кавказской линии и в Черноморье, управляющий гражданской частью в Ставропольской губернии — генерал-лейтенант Николай Степанович Завадовский I.

4. Старший у них Тифлисский — наместник Кавказский, член Государственного совета, генерал-адъютант, генерал от инфантерии, главнокомандующий Отдельным кавказским корпусом, командующий Военно-Каспийской флотилией, Новороссийский и Бессарабский генерал-губернатор, шеф Нарвского и Имени своего Егерских полков — князь (с 1852 г. — светлейший князь) Михаил Семенович Воронцов.

АНДРЕЙ ЛУНОЧКИН,
АНДРЕЙ МИХАЙЛОВ

Григорий Засс и Яков Бакланов

Григорий Христофорович Засс.

Затянувшаяся почти на столетие Кавказская война создала особый тип офицера. В условиях борьбы с нерегулярным и подвижным противником храбрость, способность к импровизации, владение информацией и решительность значили куда больше, чем педантичное следование установленным шаблонам. Наибольшего успеха добивались те, кто мог перенять образ действия горцев, полностью погрузиться в местную жизнь и до известной степени сродниться с нею. О многих из этих оригинальных людей ходили легенды. Наш рассказ — о двух наиболее ярких офицерах «кавказского» типа.

Яков Петрович Бакланов.

Григорий Христофорович Засс родился 29 апреля 1797 года. Он происходил из древнего вестфальского баронского рода, некоторые представители которого в XV веке переселились в Прибалтику. Как и многие его предки, Григорий Засс избрал военную карьеру и в возрасте 16 лет поступил на службу юнкером в Гродненский гусарский полк, с которым участвовал в заграничном походе русской армии 1813—1814 годов. За мужество, проявленное в сражениях под Дрезденом, Кульмом и Лейпцигом, был награжден знаками отличия Военного ордена и произведен в корнеты.

По окончании войны с Францией Засса зачисляют в стяжавший себе громкую славу и считавшийся привилегированным Псковский кирасирский полк. Мирная жизнь (полк квартировал на Украине) не устраивала жаждущего подвигов молодого офицера, и он стал искать иного, менее спокойного места службы. Впрочем, поиски не были продолжительными. Легендарный герой 1812 года Я. П. Кульнев не зря говорил, что *«Матушка-Россия тем и хороша, что в каком-нибудь ее углу непременно дерутся»*. В 1820 году Засс был переведен в Нижегородский драгунский полк, располагавшийся в Кахетии. Здесь молодой офицер впервые столкнулся с особенностями ведения боевых действий на Кавказе. К счастью, с учителями ему повезло. В 1821—1822 годах полком командовал известный своим бесстрашием князь А. Г. Чавчавадзе, а потом И. П. Шабельский, которого В. Потто в своей «Истории 44-го драгунского Нижегородского полка» охарактеризовал как *«одного из замечательнейших кавалерийских генералов царствования Николая Павловича»*. Правда, после похода в начале 1822 года в Джарскую область полк временно не принимал участия в крупных военных действиях. На Лезгинской линии дело ограничивалось лишь схват-

ками с небольшими отрядами (или, как тогда говорили, партиями) лезгин, устраивавших набеги на русские посты. Поэтому в 1826 году Засс покидает кавалерию и переходит сначала в 43-й егерский, а затем в Навагинский пехотный полк.

На сей раз мечтам рвущегося в бой офицера суждено было сбыться. Он участвовал в русско-турецкой войне 1828—1829 годов, был награжден орденом св. Владимира 4-й степени с бантом и чином подполковника. А через год его назначили командиром Моздокского казачьего полка. С этого времени, говоря словами одного из его биографов, *«начинается настоящая боевая деятельность Засса на Кавказе, стяжавшая ему славу в рядах Кавказской армии и грозную репутацию среди горцев»*. В 1831—1832 годах он с вверенным ему полком совершил две экспедиции в Чечню и Дагестан, за что был произведен в полковники, а в июле 1833 года был назначен командиром Баталпашинского участка Кубанской линии, считавшегося, по словам сослуживца Засса Г. Атарщикова, *«одним из наиболее опасных вследствие беспрестанных набегов горцев»*. При этом командующий войсками Кавказской и Черноморской линий генерал-майор Вельяминов предоставил Зассу *«действовать по своему личному усмотрению, без особого предварительного разрешения начальника Кубанской линии»*.

Основными силами, имевшимися в распоряжении Засса, были казаки Хоперского и двух Донских полков и солдаты 1-го батальона Навагинского пехотного полка, располагавшиеся в станице Невинномысской. До приезда нового командира русский отряд ограничивался пассивной обороной. Казачьи станицы, по воспоминаниям современника, были надежно укреплены: *«обнесены кругом двойными плетнями, пустое пространство между которыми, в аршин шириной, засыпано землею, в образовавшихся таким образом фасах укрепления были прорезаны бойницы, а на четырех углах расположены батареи»*. Все работы и поездки совершались только при ярком солнечном свете; с наступлением сумерек и даже просто в туманные дни люди скрывались в станицах, ибо, как пишет Г. Атарщиков, *«горцы, пользуясь мглой, могли неожиданно напасть на рабочих или угнать стада»*. Прекрасно знавшие местные условия черкесы, как правило, появлялись неожиданно и, совершив набег, исчезали раньше, чем русские отряды настигали их. Характеризуя в одном из первых своих рапортов противника, Засс отмечал, что наиболее опасными среди них являются живущие на реке Лабе *«бесленеевцы, самые воинственные и многочисленные»*, а также абазинцы и мохошевцы. Особую тревогу у него вызывали и *«беглые кабардинцы»*, являвшиеся, по его словам, *«лучшими наездниками и отличнейшими хищниками»*.

Прекрасно понимая, что для успешной борьбы следует перехватить инициативу, Засс в первые же дни своего пребывания на Кубанской линии приступил к организации разведки. Он тратил средства (и часто из собственного жалованья) на оплату разного рода осведомителей и лазутчиков, собирая буквально по крупицам информацию о намерениях и планах противника. Кроме того, он приказал перекопать некоторые лесные тропы, ведущие к берегу Кубани, и выставить казачьи пикеты у бродов. А уже на второй месяц своего руководства Баталпашинским участком Засс предпринял первую экспедицию на неприятельскую территорию. Заблаговременно узнав от своих лазутчиков, что около ста черкесов скрываются на левом берегу Кубани, готовясь напасть на русские посты, он быстро собрал отряд в 350 казаков, перешел с ними реку и стремительным маршем (80 верст за сутки) настиг неприятеля. Засс сформулировал главный принцип своей тактики так: *«Лучше подвергнуться ответственности за переход через Кубань, нежели оставить хищников без преследования»*. Подводя итоги операции, он особенно подчеркивал ее психологический эффект: *«Они* (казаки.— *Авт.*) *как бы воскресли духом, снова видя успех оружия, долго перед тем остававшегося только в оборонительном положении, и получив надежды, что наконец прекратятся беспрестанные вторжения в их край хищнических партий»*.

Ободренный успехом, Засс совершил в августе — октябре 1833 года еще несколько закубанских экспедиций. В них все четче и четче вырисовывалась избранная им тактика. Как правило, получив от своих лазутчиков сведения о готовящемся набеге того или иного вражеского отряда, он первым нападал на него, часто не давая горцам возможности даже собраться в условленном месте. Нанеся ошеломленному противнику поражение, Засс обычно сжигал для острастки несколько аулов (иногда даже не принадлежавших непосредственным участникам набега, а просто известных как «недоброжелательные»), захватывал скот и лошадей и так же стремительно уходил на русский берег Кубани. Эта тактика была близка к тактике самих горцев и оказалась весьма эффективной. Очень скоро Баталпашинский отряд из защищающегося превратился в нападающий.

Во время набегов Засс никогда не забывал о задачах разведки и тщательно исследовал все лесистые балки, которые могли служить укрытием неприятелю. Другая показательная деталь: в своих реляциях он педантично перечислял по именам знатных горцев, убитых в бою или взятых в плен. Все это говорит о том, что русский военачальник прекрасно ориентировался в обстановке и знал врага буквально в лицо.

Самым типичным для Засса представляется поход, совершенный им в ноябре 1833 года на бесленеевцев за реку Лабу. Собрав отряд из 800 пехотинцев и 400 конных казаков при шести легких орудиях он неожиданно напал на аул *«известного своим недоброжелательством»* князя Айтека Канукова и расстрелял его из пушек. *«Затем, —* писал Засс в своем рапорте, *— солдаты и спешенные казаки бросились на них* (горцев. — *Авт.*), *почти всех истребили штыками или шашками, а разграбленный аул сожгли»*. Однако на обратном пути к переправе через Лабу отряд был атакован *«скопищем»* из 2000 бесленеевцев, абадзехов и кабардинцев во главе с самим Айтеком Кануковым. Желая отомстить за уничтоженный аул, горцы подожгли на пути отступающих русских сухую траву и камыш. Однако, вовремя разгадав замысел противника, Засс приказал выжечь для своего отряда площадку и обезопасил себя от огня. Когда же неприятель подошел ближе, его встретили картечью. Обратив воинов Канукова в бегство, Засс быстро дошел до Лабы и, не останавливаясь на ночлег, при свете костров начал переправу. Когда горцы опомнились, русские были уже на другом берегу. В этом походе Засс потерял только одного солдата убитым и 14 ранеными.

Уже через две недели (середина декабря 1833 года) Засс напал на два бесленеевских аула. *«Я сжег запасы сена и проса... чем лишил их возможности кормить и скрывать скот в своих крепких ущельях»*, — рапортовал он.

Подводя итог первому году своей службы на Баталпашинском участке, Засс писал: *«Враждебные горцы наказаны были потерею многих знатных хищников, взятых нами в плен, отбитием большой баранты, истреблением их аулов и запасов хлеба и фуража, они перестали делать беспрестанные набеги на нашу линию»*.

В последующие два года Засс продолжал совершать регулярные набеги на аулы абадзехов, бесленеевцев, баракаевцев, шапсугов и кабардинцев. Он проявлял при этом блестящее владение всеми специфическими приемами кавказской войны: засады, стремительные нападения, ложные отступления и т. д. *«Принятая мною с самого начала командования моего система наступательной войны, необходима была, по мнению моему, со стороны Лабинского кордона. Только следуя ей, мы могли воздержать и на будущее время мирных горцев от измены, непокорных от частых вторжений в наши границы мелкими партиями и даже сильными сборищами»*.

В 1835 году Засс был награжден золотой саблей с надписью «За храбрость» и назначен командиром всей Кубанской линии. Воинское искусство и большая личная храбрость снискали ему громкую славу как среди соратников, так и среди врагов. Г. Атарщиков вспоминал: *«Засс представлялся даже линейным казакам человеком сверхъестественной храбрости, героем беспримерным, под начальством которого можно разбить неприятеля, хотя бы он в тысячу раз был сильнее... По своей наружности, характеру, складу ума, находчивости, решительности, умению внушить к себе уважение и страх в горцах, любовь казаков и солдат, был рожден собственно для партизанской боевой жизни...»* А. Розен в «Записках декабриста» отмечал: *«Никого из предводителей русской армии не боялись так черкесы и ни один из них не пользовался такой известностью у горцев, как этот оригинальный курляндец. Его военная хитрость была столь же замечательна и достойна удивления, как и его неустрашимость, и при этом он обнаруживал еще необыкновенную способность изучать характер кавказских народов»*.

Храбрость и особенно невероятная осведомленность Засса о делах противника снискала ему среди горцев славу человека, связанного с потусторонними силами. Сам же он всячески старался подобные слухи поддерживать.

Г. Атарщиков вспоминал, что однажды, принимая у себя черкесских делегатов, Засс послал верного человека вынуть из их пистолетов пули и передать ему. Затем он обратился к гостям с вопросом: *«Для чего вы носите за поясом пистолеты? Ведь вы не можете попасть из них в цель на 10 шагов!»* Когда же возмущенные таким предположением горцы стали возражать, предложил им выстрелить для пробы в его шапку. Не ведая, что в пистолетах, горцы согласились выстрелить, а Засс незаметно бросил пули на землю. Удивление стрелявших было безмерным. Но оно перешло в ужас, когда Засс, добившись, чтобы стреляли прямо в него, продемонстрировал свою «неуязвимость». Интересно, что точно таким же приемом пользовались британские агенты на Востоке.

В другой раз Засс показал нескольким абадзехам через врезанное в дверь оконце искусно нарисованную панораму аула и заявил, что способен видеть любое место на земле и поэтому бесполезно пытаться что-либо от него скрыть. С большим успехом показывал Засс горцам и такие «волшебные» вещи, как музыкальная табакерка, подзорная труба, электрическая машина... *«Все эти не более как пустые фокусы для образованного человека,* — писал Атарщиков, *— на полудиких горцев... производили огромное действие. Они признали Засса чародеем и называли его «шайтан»*.

На разного рода хитрости Засс был действительно неистощим. Однако венцом проявленной им изворотливости, вероятно, следует считать следующее событие. Желая ввести противника в заблуждение, Засс распустил слух о собственной болезни. Явившихся проверить это горцев полководец принимал лежа в постели среди склянок с лекарствами. Затем был разыгран целый спектакль. *«Засс лежал на постеле покрытый простынею в виде савана, три восковые свечи тускло горели над изголовьем... Мы все знали о мнимой смерти барона Засса, но увидев его лежащего с закрытыми глазами, с мертвенно бледным лицом, готовы были забыть, что перед нами лежит живой здоровый человек»*. Узнав о «смерти» Засса, черкесы полностью утратили бдительность. Каков же был их ужас, когда вдруг «воскресший» военачальник перешел реку Белую с большим отрядом и сжег два аула!

Справедливости ради следует сказать, что в своей борьбе Засс применял меры очень суровые, иногда просто жестокие. Его рапорты пестрили сообщениями типа: *«аул истреблен до основания»*, *«сопротивляющиеся вместе с аулом преданы огню и мечу»*, *«в пламени аула погибли жители»* и т. д. Нельзя, однако, не согласиться и с доводом Атарщикова, что Засс в данном случае просто подчинялся пословице «С волками жить — по-волчьи выть».

Верно, что именем Засса в черкесских аулах матери пугали детей. Но верно и то, что горцы уважали его за мужество и верность данному слову. В мемуарах Г. Атарщикова есть рассказ о том, как Засс освободил и наградил деньгами пленного черкеса, брат которого предложил ему в качестве выкупа свою жизнь. А. Розен вспоминал, как после смерти ездившего на переговоры к Зассу черкесского князя распространился слух, что последний якобы был отравлен русским полководцем. Тогда Засс без всякой охраны, в сопровождении одного лишь толмача, отправился в аул, где жил умерший, и опроверг обвинения. *«С этой минуты, —* прибавляет А. Розен, *— имя Засса прогремело между горцами»*.

В 1840 году Засс занял пост начальника правого фланга Кавказской линии, протянувшейся от станицы Васюринской на границе Черноморского войска на запад до устья Лабы и далее вверх по ней до Георгиевска. Еще в 1836 году он составил проект организации новой, Лабинской линии. Теперь он мог приступить к его осуществлению. К 1843 году им были основаны станицы Урупская, Вознесенская, Чемлыкская и Лабинская. Между станицами располагались укрепленные посты. *«Размещение первых станиц,* — писал очевидец, — *принесло большую пользу впоследствии и оказалось лучшею мерою, как для взаимной поддержки, так и для отражения вторжений хищников в наши пределы».*

Замыслы Засса, однако, простирались еще дальше. Он разработал план укрепления левого берега реки Белой, создания мощных опорных пунктов для русской армии. *«Полагаю, что отряды должны неслабно воевать неприятеля, как в продолжении постройки крепостей, так и после, до тех пор, пока он не будет прочно покорен»,* — писал он в одном из своих донесений. Но занимавший с 1838 года пост командующего войсками на Кавказской линии и в Черномории П. X. Граббе не поддержал планов Засса, что привело к конфликту между ними. Вообще Граббе был склонен недооценивать противника. Например, Шамиля он искренне считал всего лишь *«безродным бродягой, голова которого не стоит и ста червонцев»,* поэтому предпринимаемые Зассом меры казались ему совершенно излишними. Тем не менее Зассу удалось создать сильную кордонную линию на Лабе, а наиболее упорных в сопротивлении горцев переселить из высокогорных аулов на равнины. Он также содействовал привлечению в эти районы мирных поселенцев, надеясь, что под их воздействием горцы утратят воинственность и перейдут к более спокойным занятиям. Зассу, кстати, обязан своим возникновением Армавир, выросший на месте одного из таких поселений.

В 1842 году Засс оставил службу на Кавказе, а затем и вовсе вышел в отставку. Однако в 1849 году он еще раз принял участие в военных действиях, теперь уже против венгерских повстанцев. С 1864 года Засс состоял по Кавказской армии с зачислением в запас. Скончался прославленный полководец 4 декабря 1883 года.

Служба под началом Засса была бесценной школой для десятков молодых офицеров, многие из которых впоследствии стали первоклассными командирами. Пожалуй, самой оригинальной, яркой личностью среди них был донской генерал Яков Петрович Бакланов, чье имя гремело по всему левому флангу Кавказской линии в конце сороковых — начале пятидесятых годов.

Впервые он попал на Кавказ в 1834 году: его назначили сотником в казачий полк, несший кордонную службу на Кубанской линии. За плечами у Бакланова уже была русско-турецкая война 1828—1829 годов, где за личную храбрость он был награжден орденами св. Анны 4-й и 3-й степени. Но на новом месте многому пришлось учиться заново. Наука Засса и опыт почти ежедневных стычек с горцами вскоре сделали из молодого казака отличного боевого офицера. Горячий, порой излишне увлекающийся, он тем не менее обладал интуицией, позволявшей верно угадывать критический момент боя и принимать правильные решения.

Чрезвычайно показательно в этом отношении столкновение, сделавшее Бакланова знаменитым. Бой 4 июля 1836 года начался с промаха сотника, увлекшегося преследованием партии черкесов и неожиданно оказавшегося перед лицом втрое превосходящего по численности противника. Отбив в течение часа двенадцать атак и не видя помощи, казаки уже готовились к смерти. Но Бакланов сумел переломить ход событий в свою пользу, прибегнув к психологическому фактору, столь много значившему на Кавказе: когда неожиданно пошел дождь и послышались раскаты грома, похожие на пушечные выстрелы, командир крикнул казакам, что это идет подмога, и во главе полусотни врезался пиками в гущу отходивших после очередной атаки черкесов. От неожиданности те дрогнули, а вторая полусотня ударила им во фланг. Черкесы в беспорядке бежали, оставив на поле боя много убитых. После этого поединка Засс, ценивший удальцов, представил Бакланова к ордену св. Владимира 4-й степени с бантом. С этого момента расположение генерала к способному казачьему офицеру оставалось неизменным. В последовавшей вскоре экспедиции к абадзинским аулам Засс поручил сотнику командовать отрядом, прикрывавшим переправу остальных войск через Лабу. Это ответственное задание Бакланов выполнил блестяще.

В 1837 году полк Бакланова, отбыв свой срок на Кавказе, отправился на Дон. Больше пути этих двух офицеров не пересекались. Но до конца жизни Яков Петрович с благоговением относился к своему учителю, считая его эталоном кавказского офицера.

Вернулся Бакланов на Кавказ в 1845 году, успев послужить в Новочеркасске и Польше. Его назначили служить в Донской 20-й полк, стоявший на левом фланге Кавказской линии в небольшом укреплении Куринском. Здесь он провел восемь лет, которые прославили его имя.

Донские казаки, в отличие от линейных, то есть местных, пользовались на Кавказе неважной репутацией. Выросшие среди степных просторов, донцы очень трудно привыкали к чужой для них горной местности, болели от тяжелого климата, гибли, не умея противостоять образу действия горцев. Бесконечная и кровопролитная война вдали от дома была крайне непопулярна на Дону. Начальство щедро раздавало казаков штабным офицерам и чиновникам в качестве вестовых, ординарцев, а то и просто конюхов и денщиков.

Бакланову удалось невозможное. За короткий срок его полк буквально преобразился, став грозой для чеченских партий. Прежде всего он вернул всех своих казаков в строй, не остановившись ни перед чьим авторитетом. В полку был установлен строжайший контроль за содержанием лошадей и оружия. Одним из первых Бакланов ввел обучение личного состава саперному и артиллерийскому делу. Ракетная батарея полка стала при Бакланове образцовой на Кавказе, а ракеты из бесполезной обузы превратились в мощное оружие, прекрасно помогавшее там, где не могли пройти пушки. Для разведки

была сформирована особая пластунская команда из лучших стрелков и наездников. Не слишком придерживаясь буквы устава, Бакланов образовал в своем полку дополнительную седьмую сотню — учебную. В ней готовились младшие командиры — урядники, в сражениях же она служила или авангардом, или надежным резервом.

Понимая, что лучший учитель — практика, Бакланов без устали бросал своих казаков в любые, самые мелкие стычки с горцами. Чтобы сберечь казенные средства и побудить казаков смелее идти в бой, он перевел полк на обмундирование и вооружение исключительно трофейным имуществом. Форменные чекмени, шашки и гладкоствольные ружья лежали в цейхгаузе на случай смотра, а казаки носили снятые с пленных или убитых черкесски, щеголяли друг перед другом дорогими кинжалами, шашками и штуцерами.

Следуя системе Засса, Бакланов создал целую сеть агентов из горцев, сообщавших ему о ближайших планах шамилевских наибов. На них он тратил почти все свое жалованье. Но затраты окупались сполна. Ведь обладая полной информацией, он неизменно опережал действия хищнических партий и наносил им чувствительный урон. В сопровождении двух-трех казаков Бакланов тайно изъездил все окрестности, не раз проникал далеко в глубь враждебных земель. Большая наблюдательность и зрительная память позволяли ему великолепно ориентироваться в местах, считавшихся белыми пятнами на штабных картах. Бывали случаи, когда командир полка уличал проводников-горцев в незнании дороги.

После неудачной Даргинской экспедиции 1845 года главнокомандующий войсками на Кавказе М. С. Воронцов решил отказаться от эпизодических походов и стал, медленно продвигаясь вперед, закрепляться на каждом рубеже. Бакланов полностью повторял тактику Засса, считая ее единственно правильной. Помимо защиты своего участка Кавказской линии, он постоянно совершал самостоятельные набеги на горские аулы, разорял их, вытаптывал посевы и угонял скот. Стада овец и коров были особо ценной добычей. Сам Бакланов подсчитал, что за время его начальства в Куринском полк отбил 12 тысяч голов крупного рогатого скота и до 40 тысяч овец. Скрытность движения, внезапность и быстрота удара, доведенные им до совершенства, способствовали неизменному успеху всех его предприятий. Удары баклановских казаков существенно снизили активность мичиковцев, ближайших соседей Куринского. Суеверные горцы опять же стали приписывать удачу Бакланова связи со сверхъестественными силами.

Баклановский значок.

Надо сказать, что внешность казачьего «атамана» воистину была демонической. Академик А. В. Никитенко, увидев его уже в старости, заметил, что на лице героя *«как будто отпечатана такая программа, что если он хоть четвертую часть ее исполнил, то его десять раз стоило повесить».* Богатырского телосложения (рост 202 сантиметра), с синеватым лицом, изрытым оспой, с кустистыми бровями, огромнейшим носом и длиннейшими усами, переходившими в бакенбарды, Бакланов был страшен в бою. Выезжал он обычно одетым не по форме: летом — в красную, не стеснявшую движений кумачовую рубаху, зимой — в бурку или огромный тулуп с меховой шапкой. Но иногда случалось ему выскакивать по тревоге и в одном нательном белье. В этом отношении он сильно отличался от всегда аккуратного Засса.

По примеру своего учителя, Бакланов стремился всячески поддерживать суеверные представления горцев о своей персоне. Однажды он до смерти перепугал делегацию чеченских стариков, приняв их в тулупе, вывернутом мехом наружу, и с лицом, вымазанным сажей. Будучи много раз ранен, казачий офицер обыкновенно переносил болезненное состояние на ногах, отчего горцы считали его, как и Засса, неуязвимым. Слава Бакланова («шайтан Боклю», как называли его в горах) особенно возросла после дуэли с лучшим чеченским стрелком. Когда в ответ на неудачный выстрел чеченца Бакланов, не слезая с лошади, уложил его, горцы, следившие за поединком, взорвались одобрительными восклицаниями. После этого у чеченцев появилась поговорка, применяемая к безнадежным хвастунам: *«Не хочешь ли убить Бакланова?»*

Наконец, особенно сильно воздействовал на психику противника личный значок Бакланова — на нем было изображено черное знамя с черепом и скрещенными костями, с цитатой из «Символа веры» вокруг них: *«Чаю воскрешения мертвых и жизни будущего века. Аминь».* Один из очевидцев писал: *«Где бы неприятель ни узрел это страшное знамение, высоко развевающееся в руках великана-донца, как тень следующего за своим командиром, — там же являлась и чудовищная образина Бакланова, а нераздельно с нею неизбежное поражение и смерть всякому попавшему на пути».*

Кавказское начальство было в восторге от результатов, достигнутых полком Бакланова, и прощало казаку его партизанщину. Он был награжден орденом св. Анны 2-й степени, золотой шашкой с надписью «За храбрость», произведен за короткий срок в полковники. Летом 1849 года М. С. Воронцов объявил ему *«особую благодарность»* за заслуги на линии. Более того — когда в 1850 году закончился срок пребывания на Кавказе 20-го полка и должен был уйти на Дон и его командир, Воронцов лично обратился к императору с просьбой оставить последнего на второй срок. Николай I внял этому ходатайству, и полковник был назначен командиром пришедшего с Дона 17-го полка. Не желая расставаться с любимым начальником, многие офицеры и казаки добровольно перешли туда вслед за ним. Очень скоро Бакланов и этот полк превратил в образцовый.

В начале 1850-х годов роль Бакланова на Кавказе еще более возросла. Новый начальник левого фланга, будущий фельдмаршал А. И. Барятинский возродил практику крупных карательных экспедиций в глубь Чечни. «Дед», как называл он Бакланова, принимал деятельное участие в этих походах, доказав, что с успехом может командовать не только иррегулярной конницей, но и всеми другими родами войск. Полковник показал себя грамотным командиром, способным к новаторству. Так, в зимнем походе 1852 года он с блеском выполнил задачу по встрече утомленного сквозным переходом через всю Чечню отряда Барятинского. 17-й полк вместе с приданными ему 2,5 батальонами пехоты и 9 орудиями молодецким лобовым ударом взял чеченские завалы у реки Мечик, а затем оборонял переправу, прикрывая отход Барятинского. Здесь Бакланов применил тактическое новшество, введенное в русской армии много позже, под воздействием уроков русско-японской войны, — отступление пехоты бегом, а не медленным шагом, колоннами, как было тогда принято. Под прикрытием пехоты артиллерия Бакланова спокойно переправилась через реку и заняла позиции на другом берегу. По условному знаку пехота оставила позиции и бегом понеслась к переправе. Когда не ожидавшие этого горцы опомнились и поднялись на завалы, солдаты уже переправлялись, а пушки, прикрывая их, открыли картечный огонь. В этом бою отряд Бакланова не потерял ни одного человека. Сам полковник получил драгоценную награду — орден св. Георгия 4-й степени.

Бакланов был в зените славы. Рассказывали, что Шамиль однажды упрекнул горцев, испытавших на себе его набеги: «*Если бы вы боялись Аллаха так же, как Бакланова, давно были бы святыми*». За особенное отличие казачий полковник в 1852 году был произведен в генерал-майоры, с оставлением, однако, командиром полка.

В июне 1853 года Яков Петрович Бакланов был наконец назначен на генеральскую должность — начальника всей кавалерии левого фланга Кавказской линии. Вскоре началась Крымская война. Часть войск с Кавказа перебросили в горячие районы. Шамиль непрерывно беспокоил русские пределы, резонно полагая теперь добиться успеха. Но всякий раз Бакланов удачно противостоял набегам горцев и предпринимал ответные походы. Большой удар по престижу Шамиля он нанес в конце 1854 года, когда уничтожил более 20 чеченских поселений. За это Николай I выразил генералу свое *«Высочайшее благоволение»*.

В 1855 году Бакланова отправили в действующую армию, под Карс, и на этом его участие в кавказских событиях закончилось. Правда, в 1857—1859 годах он занимал чисто административную должность походного атамана донских полков на Кавказе, но очень тяготился ею. Его тянуло в горы, к настоящим боевым делам, но здоровье было уже не то. Последнее поручение генералу — участие в подавлении польского восстания 1863 года. Назначенный военным начальником Августовской губернии, он прославился неожиданным для кавказского героя гуманным обращением с населением, что стало причиной его столкновений с требовавшим жестокости диктатором Северо-Западного края М. Н. Муравьевым.

Памятник на могиле Я. П. Бакланова в Санкт-Петербурге.

Умер Бакланов в 1873 году в бедности и был похоронен за счет Войска Донского. Признательные донцы соорудили на его могиле в Петербурге выразительный памятник: на куске гранитной скалы брошены бурка, папаха, шашка и знаменитый баклановский значок из темной бронзы.

В истории Дона были генералы, занимавшие куда более высокие посты и участвовавшие в более грандиозных сражениях, нежели Бакланов. Однако именно он оставил такой яркий след в народном сознании, став любимым героем песен и рассказов. Объяснить это легко — донцы именно с Баклановым впервые почувствовали себя равными грозным доселе кавказским племенам. Простотой быта, щедрой душой, бесшабашной удалью он был как нельзя более близок своим подчиненным. Популярность Бакланова на Дону уступала только славе легендарного М. И. Платова. Не случайно в начале XX века прах героя Кавказа был торжественно перевезен в Новочеркасск и помещен рядом с могилой «вихря-атамана». Имелся в казачьей столице и Баклановский проспект, а родная станица генерала — Гугнинская — была названа его именем. 17-й Донской казачий генерала Бакланова полк имел своим значком известный черный флаг с черепом и костями...

Герои, подобные Зассу и Бакланову, не так давно оценивались у нас лишь негативно. Считали, что упоминание о царских генералах может повредить добрым отношениям с народами Кавказа. Но история неоднозначна. Независимо от политической оценки, воинская доблесть остается таковою, с чьей бы стороны она ни проявлялась. Это понимали, кстати, и сами горцы, с уважением относившиеся именно к самым решительным и опасным противникам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Атарщиков Г. Заметки старого кавказца о боевой и административной деятельности на Кавказе генерал-лейтенанта барона Г. Х. Засса//Военный сборник. 1870. Т. 74. № 8.
2. Баклановский сборник. Новочеркасск, 1909.
3. Иллюстрированная газета. 1873. Т. 31. № 4—8.
4. Ольшевский М. Я. Кавказ с 1841 по 1866 г. //Русская старина. 1893. № 3.
5. Полторацкий В. А. Воспоминания// Исторический вестник. 1893. № 3
6. Потто В. Яков Петрович Бакланов. СПб., 1885.
7. Розен А. Записки декабриста. СПб., 1907.

Песни гор

ФОТО АНАТОЛИЯ ЧЕРЕЯ

Если ты в поле не пел, если дело
Летом в руках у тебя не кипело,
То и зимой тебе песен не петь,
С жирной едою котлу не кипеть.

Чеченская песня

ЕВГЕНИЙ СОРОКИН

ДОРОГИ ПОЭТА

Перестрелка в горах Дагестана. М. Ю. Лермонтов. 1840—1841 гг.

Много разных дорог изъездил на Кавказе Лермонтов. Дотошные краеведы подсчитали, что в общей сложности поэт провел в пути 365 суток — целый год! — и проехал за это время свыше 40 тысяч километров. Иначе говоря, обогнул земной шар по экватору. Это в те-то времена — пешком и на лошади... Исследованы уже многие адреса, которые упоминаются в лермонтовских стихах и прозе. Но мало что известно о тех дорогах на Кавказ, что лежат в равнинной степи Кубани и Приазовья. Это так называемая кордонная линия, которая тянется от верховьев Терека и Кубани через армавирские и таманские степи, выходя к Приазовью.

Именно по этому маршруту я и хочу провести читателя вслед за Михаилом Лермонтовым.

Во времена поэта кавказская кордонная линия насчитывала 31 пост, между которыми располагалось более ста пикетов — сторожевых пунктов. Обычно это были легкие шалаши, обнесенные двойными высокими плетнями, промежуток между которыми засыпался землей. Это хоть и не очень надежное укрепление служило одновременно и обиталищем дежурившим здесь круглосуточно казакам. Оно уберегало как от жгучего солнца и проливного дождя, так и от случайных набегов черкесов и степных шакалов. Над каждым постовым шалашом возвышался длинный шест, обернутый соломой и облитый смолой. В случае тревоги, особенно в ночное время, смотровой казак зажигал факел и следом вспыхивали один за другим факелы по всей линии: посты приводились в повышенную готовность.

Чтобы добраться до Геленджика, Лермонтов должен был проехать почти всю прикубанскую степь — от Ставрополья до Тамани, где располагался опорный пункт линейного войска. Это больше двух десятков казачьих постов, поселения вокруг которых быстро разрастались, превращаясь в людные хутора, а то и линейные (прямо на границе) станицы. Одна из них — Прочноокопская. Укрепление Прочный Окоп было основано в 1794 году в верховьях реки Кубань. Здесь разместилась штаб-квартира Кубанского казачьего войска и находилась артиллерийская бригада.

От Прочного Окопа до войскового города Екатеринодара, столицы кубанских казаков, больше сотни верст. Дорога идет правобережьем, через редкие степные станицы — Кавказскую, Тифлисскую, Усть-Лабинскую, Пашковскую... Места для молодого корнета неведомые. Он хорошо знал предгорья Кавказа: уютные долины меж холмов, извилистые, с каменной подкладкой дороги, частые селения, платановые рощи, буковые леса. По левую руку широкая лента мутной Кубани, по правую — ровная степь с седым, выбеленным на солнце ковылем.

Места пустынно-унылые, но небезопасные: нет-нет да и раздастся из зарослей ружейный залп абреков. Поэтому путешественники редко отправлялись в дорогу в одиночку верхом или даже с почтовой тройкой без охраны. И в степи, бывало, шалили конные разъезды седоков в папахах и черкесках... Впрочем, Лермонтова все это мало беспокоило. По молодости и решительности характера он не обращал внимания на опасности и неудобства путешествия.

При хорошей, спорой езде, если выехать налегке из Прочноокопской станицы утречком пораньше, то к вечеру можно успеть в Екатеринодар. Мы не располагаем достоверными сведениями, когда именно выехал Лермонтов из опорной станицы и ночевал ли он с попутчиками в придорожных станицах (обычно это были Тифлисская или Усть-Лабинская), но в первой половине сентября его уже видели в Екатеринодаре. Предполагают, что задержался он в войсковом граде довольно долго: на 7—10 дней.

Лермонтову все было интересно в этом городе, названном в честь царицы, даровавшей казакам эти земли и повелевшей охранять южные пределы государства Российского. В разные времена искали здесь пристанища аланы, готы, гунны, печенеги, хозары: все они исчезли. И только россы уцелели: почти через десять веков они возвратились в места, освященные именем князя Мстислава и знаменитого летописца Никона.

«Екатеринодар есть столица черноморских казаков, где и Войсковая канцелярия; город обширный, и в нем не более трех тысяч обоего пола жителей», — свидетельствует в своих записках статский советник и литератор Гавриил Гераков, побывавший здесь чуть раньше Лермонтова. Город быстро рос, расширял свои границы.

Екатеринодар был замечателен тем, что при закладке его была сохранена планировка Запорожской сечи: по кругу построено 40 куреней для казаков, а в центре поставлена церковь: сначала переносная, походная (парусиновая палатка с алтарем). Ко времени же посещения Лермонтова на этом месте уже стоял Воскресенский собор, срубленный из сосновых брусьев «без помощи железа». Сосновый лес был привезен на 209 подводах с Волги. Мастера-умельцы сотворили его за два года.

Крепость опоясывал высокий земляной вал со сторожевыми наблюдательными вышками и пушками, захваченными казаками у турок. Прямо от крепости на север шла широкая улица — Красная, застроенная белыми хатами-мазанками. Рядом шли хозяйственные постройки — воловни, конюшни, амбары. Кое-где возвышались двухэтажные каменные дома с широкими верандами и мезонинами на европейский манер. Город тянулся вдоль быстрой Кубани, а крепость находилась в ее излучине, надежно защищенная с трех сторон водной преградой.

Она жива и сейчас — улица Красная. С тем же названием и по-прежнему центральная в городе.

По войсковым правилам того времени, каждый офицер, делавший остановку в Екатеринодаре, должен был отмечаться у кошевого атамана. Тот обязательно представлял его городничему, который знакомил приезжего с распорядком и местными традициями. Вот, к примеру, с какой «хартией» мог ознакомиться Михаил Лермонтов:

...Между жителями маловажные ссоры и драки разбирать и решать по справедливости, с доставлением обиженной стороне удовольствия.

...За промышленниками смотреть, дабы во всем были меры и весы справедливы и в продаже товары производили в самой точности, без малейшего примешательства и дороговизны.

...Наблюдая военную дисциплину, смотреть за жителями, дабы все на всякую мужеска пола взрослую душу имели пушкеты исправные и пики, были готовыми навсегда к отражению нечаянного нападения.

...Квартальные должны каждое утро обойтить свои кварталы и расспросить жителей о благополучии всякого, также и о приезжих со стороны разного звания людях.

...Приводить жителей ленивых к трудолюбию, шалунов к благонравию, непокоряющихся к должному повиновению. Воров же и мошенников брать под караул.

Из Екатеринодара в Геленджик можно было попасть разными путями. Через Абинское и Ольгинское укрепления, через Анапу... Места эти слыли «горячими точками». В послужном списке Лермонтова за 1837 год значится, что он участвовал в перестрелке на реке Кунипсе и близ Абинского укрепления, в Гулабайском лесу, в Боголокской долине, у перевала Вородобуй — все это на левобережье Кубани или в предгорьях, на подступах к Геленджику. А в конце июня он в составе экспедиции капитана первого ранга Серебрякова участвует в захвате турецкого судна с оружием для горцев, которое было сожжено в устье реки Шапсухо (это уже Черноморское побережье между Туапсе и Геленджиком).

Казалось бы, все ясно. «Одетый по-черкесски, с ружьем за плечами... ночевал в чистом поле, засыпал под крик шакалов», — делился своими дорожными впечатлениями Лермонтов в письме своему другу Раевскому. В другой раз он обратил внимание на такие детали: «Я снял на скорую руку виды всех примечательных мест, которые посещал, и везу с собой

порядочную коллекцию; одним словом, я вояжировал».

Восемь месяцев провел поручик Лермонтов в 1837 году в военных походах и разъездах по Кавказу. В некоторых станицах, городках и крепостях он был по нескольку раз. «От Кизляра до Тамани» — такова география этих путешествий, обозначенная им самим.

Копыл — так называлось военное поселение примерно в ста верстах от войсковой столицы, в полпути до крепости Тамань. Копыл занимал ключевое положение на кордонной линии, служил как бы пропускным пунктом на развилке дорог. Здесь от Кубани ответвлялся широкий рукав — Протока, который устремлялся вправо и перерезал наполовину Таманский полуостров. Здесь проходил рубеж: река Кубань — это военная дорога; река Протока — путь к мирным хуторам и станицам новых поселенцев.

В Копыле Лермонтов остановился на очередную ночевку. Не в поле, как обычно, а в казачьей хате.

Отсюда путь Лермонтова лежал в Ольгинское укрепление, а потом на Тамань — крайний форпост кордонной линии на западном берегу Черного моря. Судьба приводила Лермонтова на Тамань дважды: еще раз он заглядывал сюда в 1840 году.

В 1838 году на Тамани побывал М. Цейдлер — однополчанин и товарищ поэта. Он останавливался в доме, который был скрытым притоном контрабандистов. Вот что он писал: «Мне отвели с трудом квартиру, или, лучше сказать, мазанку, на высоком утесистом берегу, выходящем к морю мысом. Мазанка эта состояла из двух половин, в одной из которых я поместился. Мне суждено было жить в том же домике, где жил и Лермонтов: тот же слепой мальчик и загадочный татарин послужили сюжетом к его повести. Мне даже помнится, что когда я, возвратясь, рассказывал в кругу товарищей о моем увлечении соседкою, то Лермонтов пером начертал на клочке бумаги скалистый берег и домик, о котором я вел речь».

Рисунок этот, к счастью, сохранился и довольно часто публикуется в качестве иллюстрации к повести «Тамань» и роману «Герой нашего времени». Кстати, планшет с кистями и краской, разноцветными карандашами, а также записная книжка были постоянными спутниками походной жизни Лермонтова. «Главная его прелесть заключалась преимущественно в описании местностей, — свидетельствует его знакомая Е. П. Ростопчина.— Он сам, хороший пейзажист, дополнял поэта — живописцем». Друг юности С. Раевский вспоминал: «Соображения Лермонтова сменялись с необычайной быстротой. И как ни была бы глубока, как ни долговременно таилась в душе его мысль, он обнаруживал ее кистью или пером изумительно легко, и я был свидетелем, как во время размышлений противника его в шахматной игре Лермонтов писал драматические отрывки, замещая краткие отдыхи своего поэтического пера быстрыми очерками любимых его предметов...»

В конце прошлого века был предпринят розыск людей, которые встречались в Тамани с Лермонтовым. Удалось записать рассказ казачьего офицера, знавшего девицу, изображенную в повести. Интересны свидетельства местных жителей. Некоторые подробности позже выяснили с помощью архивных документов — послужных списков, метрических книг, купчих грамот и т. д.

Установлено, что дом, где останавливался в 1837 году Лермонтов, принадлежал казаку Черноморского войска Федору Миснику. Он держал скот в степи и промышлял рыбу в море. Но пронырливый казак часто прибегал еще к одному промыслу: за мзду перевозил из Крыма на Тамань контрабандистов. Жил он с дочерью и старухой-приживалкой по прозвищу Червоная. Старуха слыла гадалкой и помогала контрабандистам, к одному из которых благоволила красавица дочь Мисника. Часто прислуживал им слепой мальчик Янко.

«Что сталось с старухой и с бедным слепым — не знаю», — пишет Лермонтов в конце повести. Краеведы впоследствии доказали, что прототипом слепого мальчика послужил звонарь Яшка Рябушка, живший в Тамани. Он умер уже престарелым на рубеже прошлого и нынешнего веков. В детстве Яшка прислуживал приезжим, в том числе и Лермонтову. Старый Рябушка на Рождество и Пасху хаживал по станичным панам-казакам и читал им стихи поэта, которые знал наизусть.

Любопытные подробности удалось выяснить и о Миснике. Когда в Тамани прочли повесть и узнали о проделках его дочери с заезжим офицером, которого она ограбила и чуть не утопила, Мисника посадили в «тигулевку». Конечно, все это очень разозлило его. Как только Мисника освободили из-под стражи, он принял крутые меры: старуху Червоную прогнал со своего двора, а дочь свою — «ундину» — поторопился выдать замуж за пожилого казака в соседнюю станицу Петровскую, чтобы ее не видели в Тамани...

Во второй раз Лермонтов посетил Тамань в конце 1840 года. Сколько дней он здесь пробыл, как провел время? Есть свидетельство ссыльного декабриста Н. И. Лорера, служившего рядовым в крепости Фанагория (это в двух верстах от Тамани), что здесь его навестил Михаил Юрьевич. «В одно утро явился ко мне молодой человек в сюртуке нашего Тенгинского полка, рекомендовался поручиком Лермонтовым, переведенным из лейб-гусарского полка. Он привез мне из Петербурга от племянницы моей, Александры Осиповны Смирновой, письмо и книжку». Они обстоятельно побеседовали о новостях столичных и местных, много спорили, далеко не во всем сходясь во мнениях. Во всяком случае, расстались достаточно холодно.

Хата, в которой останавливался Лермонтов в Тамани, долго стояла на морском берегу. В 1879 году она была зарисована кубанским краеведом Е. Д. Фелицыным. Потом много раз перестраивалась. К сожалению, она не сохранилась до наших дней. И все-таки... Дом этот с пристройками можно видеть на берегу Таманского залива и сегодня.

Местные краеведы по страницам повести «Тамань», воспоминаниям друзей и знакомых поэта, рисункам самого Лермонтова сумели восстановить дом. Теперь в нем музей. Все как у Лермонтова: «Я взошел в хату: две лавки и стол, да огромный сундук возле печи составляли всю ее мебель».

ЮРИЙ НАЗАРОВ,
заслуженный артист России

ТОЛСТОЙ, ТИТО И Я...

Как мы работали над телефильмом «Кавказский пленник»

Артист Юрий Назаров в роли Жилина.

— Вы сейчас будете смотреть очень странный фильм, — заявил на презентации, или попросту, как говорили когда-то, в «дооккупационный» период, на премьере, фильма «Кавказский пленник» в Доме кино (не «кинематографистов») Андрей Тарковский, представлявший картину. — Обыкновенно у нас, кто бы ни брался за экранизацию Льва Толстого, все прикладывались мордой об стол (очевидцы клянутся, что именно эти слова и были произнесены). Здесь, как ни странно, — продолжал Тарковский, — этого не произошло. Хотя... Я очень люблю актера Юру Назарова, но никогда в жизни не взял бы его на роль Жилина. Жилин мне представлялся маленьким, вертким, жилистым... Но они меня убедили. Это — Толстой.

Не дословно, конечно, не стенографически, но что-то в этом духе. Да и все вроде решили, что фильм получился. Тем не менее для особого зазнайства я повода все равно не нахожу. Ну, было, говорили, что, мол, такой вот Жилин, такая Дина и другие герои прямо у Толстого и написаны... Но это, мне кажется, оттого, что «Кавказский пленник» все-таки не столь обворожительное произведение, как, скажем, «Война и мир», или «Анна Каренина», или «Тихий Дон» Шолохова... В отличие от Андрея Болконского, Анны Карениной, Гришки Мелехова или Аксиньи, Жилин все-таки никогда ни у кого из читавших бурных чувств не вызывал, ему гораздо проще было угодить зрителям, которые даже и не заметили, что внешне у Толстого Жилин совсем другой: «Жилин хоть невелик ростом, да удал». Один Тарковский это заметил.

Тут хитрая вещь произошла, на которую, говорили,

купился даже такой доскональный знаток Толстого, как В. Б. Шкловский. На каком-то семинаре он бурно ратовал за дословное следование классике при инсценировках и как пример удачи привел нашего «Кавказского пленника», чем очень рассмешил присутствовавшего на этом семинаре одного из наших сценаристов А. С. Макарова. Именно у нас точного следования тексту не было! Я помню даже, как меня покоробило при первом чтении сценария не дословное следование первоисточнику. Особенно в конце, когда Жилин с колодкой на ноге увидал вдали казаков, посчитал себя уже спасенным и вдруг, совсем близко заметив трех «татар», горцев, закричал что есть мочи. Никто у Толстого не собирался в Жилина стрелять: увидели татары, что не успеть им схватить беглеца, и ускакали. У Толстого это были какие-то три незнакомых татарина, а сценаристы вставили героев: рыжебородого Кази-Мугамеда, взявшего когда-то в плен Жилина и продавшего его Абдул-Мурату, и самого Абдула, хозяина. И Кази-Мугамед у сценаристов решил застрелить непокорного Жилина, чтоб никому он не достался, а хозяин Абдул, полюбивший Жилина за удаль, сбил рыжебородому плеткой прицел, ушла пуля в небо, и с криком: «Молодец, урус! Джигит, урус!» — ускакал Абдул-Мурат. Не было в рассказе у Льва Николаевича ничего похожего... Но без этого сбитого в небо выстрела я бы ничего не сыграл! Я и представить-то себе не могу, как можно было сыграть отчаяние при виде надвигающейся гибели и резкий переход к счастью от осознания своего спасения. А тут все оказалось просто: вот она, смерть — наведенный прямо на тебя глазок ружейного дула (а стрелять горцы умели!). И вот она — жизнь, спасение, когда подбитое плеткой ружье пальнуло в небо. И в крике Абдул-Мурата: «Молодец, урус! Джигит, урус!» была не только великолепная эмоциональная точка к этому эпизоду, в нем была великая и национальная, и историческая правда! Сколько знала наша литература тех времен примеров, когда военная судьба складывалась так, что враг становился кунаком, другом! И у Бестужева-Марлинского, и у Лермонтова, и у самого Толстого. И в этой расположенности к куначеству какая-то восхитительная молодость наций — и завоевываемых, и завоевателей! — и благородство, романтика, честь, достоинство... Не зря, ой, не зря у нас дружба народов была! Не на пустом месте. Имела она под собой и корни, и традиции, и сходство характеров национальных...

Счастливый я все-таки человек!

Как вот только поделиться этим счастьем? Хотя бы рассказать о нем? Чтобы поверили, ощутили...

Ну какое такое особое «счастье» можно найти в «пройденном» где-то в 4-м еще классе средней школы «Кавказском пленнике», от которого остались какие-то зарубки в памяти: Жилин да Костылин... А что еще? Да ничего.

Примерно с такими же внутренними ощущениями встретил и я впервые даже не предложение еще, а так... вопрос-завлекалочку: «А не согласился бы? Вот думаю подать заявку и тебя предложить на «Жилина»?» Да от кого! От человека, к которому я относился с колоссальным уважением, каким-то неиссякающим любопытством и трепетной нежностью, — от Георгия Михайловича Калатозишвили, ласково, по-домашнему именуемого всеми ближними «Тито». И тут, конечно, не могло быть речи не только об отказе с моей стороны, но даже ни о каком раздумывании: да, да, и только — да!

Слетал на пробы, прошли поиски, примерки грима, костюма (мундир выбрали поскромнее, попривычнее, Нижегородского полка, зеленый), выехали в экспедицию на Северный Кавказ в... уже и не вспомнишь, как он тогда назывался: Дзауджикау? Орджоникидзе? Нынче это вроде, как когда-то изначала, Владикавказ. Съемки были километров за 30, за 40, может, подальше: в ущелье Фиагдон, там, где старые башни, погосты древнего Иристона, а жили мы на окраине города в мотеле «Дарьял».

И вот подошла сцена, где «пленник» узнает непримиримого, стрелявшего в него жестокого старика горца. И рассказывает Костылину про этого старика, как он всех своих сыновей отдал: благословил на борьбу с захватчиками (с русскими), а один сын у него переметнулся к русским. Так старик сам перешел к русским, нашел сына, убил его и вернулся к своим. На что Костылин реагирует: «Боже! Какая дикость...» Только у Толстого хозяин Абдул Жилину про этого старика рассказывает, а у нас решили, что Жилин сам вспомнит, узнает старика и расскажет Костылину.

Как вот это было играть?

Тито Калатозишвили по профессии оператор, не режиссер, он даже языка нашего профессионального не знает. Тито очень хорошо видит, чувствует, понимает, что годится, что не годится, но как сделать (мне, актеру) то, что годится — он не знает. И — молчит.

Что делать? Ну, думаю, профессионально-то, с правильными знаками препинания я эту историю (про старика) изложу... Авось, сойдет? Излагаю. Вроде даже снимаем. Посматриваю на Тито. Он не обвиняет, не укоряет, но — мучается... Дрянь, ерунду я делаю... Хоть и с верными знаками препинания... Но что делать-то?

Ну, действительно, дикость же: сына-то родного убивать... Но — за что убил? За измену. А ведь Тарас Бульба тоже убил родного сына. И за то же самое! Возмущаемся мы его «дикостью»? Мы немеем перед ним, но о неприятии, об обвинении Тараса ни у кого никогда, мне кажется, мысли не возникало. А что, если удивиться? Как при встрече с живым Тарасом Бульбой? Много ли и часто ли мы в жизни с подобным встречаемся? И среди горцев тоже, наверное, не каждый Хаджи-Мурат, а перед тем и сам Лев Толстой удивлялся...

Пробую «удивиться» (рассказывая), где-то даже с примесью восторга... да нет, не восторга, потрясения... а может, и восхищения... с попыткой понять, постичь. Гляжу на Тито — доволен.

А дальше это «удивление», эта святая детская открытость Жилина, любопытство, интерес ко всему окружающему (как бы тяжело, как бы жестоко и несправедливо к нему оно ни было!) — стали стержнем моего Жилина.

Первый побег. Еще вместе с Костылиным. Стерты, сбиты ноги в опорках, потом босиком по камням; виснет веригами, гирями на ногах капризный, избалованный Костылин; смерть подстерегает за каждым углом (не смерть, так неволя. Которая, может, и хуже смерти...), а Жилин — радуется: оленя увидел! Живого! В природе, в натуре! На свободе! Ну чем не ребенок?.. Чем опять же вызывает раздражение трезвого и «взрослого» Костылина...

И ни Лев Николаевич не перечил мне в этой избранной мной трактовке образа Жилина, ни Тито не возражал... Мы вообще изумительно дружно жили: Толстой, Тито и я... Не знаю, как Тито и Толстому, но мне жутко нравилось! Я был в восторге. Вот это и было счастье.

Днем мы работали, можно даже сказать, вкалывали, вечера я проводил в номере у Тито (пили чай, разговаривали... О чем угодно: о жизни, о политике, об А. Д. Сахарове — очень животрепещущей тема была: его не то выслали уже тогда, не то только клевали, собирались... Только не о работе: ни о предстоящей назавтра съемке, ни об общей «концепции» фильма, роли...), а спать ложился я уже у себя в номере с неизменным томиком Толстого. Это были и первые кавказские повести, и «Детство. Отрочество. Юность», только не перечитывание «Кавказского пленника», которого я даже и не брал с собой в экспедицию. Книжки были замечательные, полные, 1929 года издания, с обширными комментариями, а не изуродованное, искромсанное почему-то издание 50-х годов.

В. Солодников — Костылин, Ю. Назаров — Жилин.

Где мне удобнее было сказать посвоему, я свободно менял и знак препинания, и даже букву — и ни Толстой, ни Тито не придирались к этому: удобней — и удобней, на здоровье! Тито тоже находил у Толстого какие-то неточности в изображении кавказского быта, но — не раздражающие неточности, допустимые. Это был 1975 или 1976 год, «перестройкой», переосмыслением еще и не пахло тогда, и мне абсолютно искренне и убежденно казалось, что Л. Н. Толстой на деле исповедует и проводит ленинскую, коммунистическую национальную политику: не навязывание своих великодержавных указаний и установлений, а самый искренний, самый жгучий интерес и уважение к местным законам и обычаям (ну прямо детское святое любопытство моего Жилина!). И ведь Кавказ до сего дня (ну или до времени, когда мы там работали) ненавидел завоевателя их А. П. Ермолова (хотя и героя 1812 года!) и обожал М. Ю. Лермонтова и Л. Н. Толстого...

Все как-то было очень складно и славно у нас... И казаки гребенские, местные, снимавшиеся на бричке в обозе (с которым Жилин отправлялся в отпуск, или даже в отставку, до пленения еще). Снимали «форсирование» этим обозом какой-то горной речушки, и я обеспокоился: может, здесь неудобно переходить, может, в другом месте попробовать?

— Да что мы? Не казаки, что ли?! Оп! Оп-оп!

И выехали!

Очень благотворным для картины оказалось, что снимали ее именно кавказцы, именно «Грузия-фильм», с их любовью и знанием кавказской стороны этой истории. Ну а уж русская сторона — это было наше со Львом Николаичем дело...

Воспоминания об этом бесконечны: разве можно когда-нибудь устать вспоминать счастье?

А лошади? Мой Звари!.. Хоть он мне и ребро сломал, уронив пару раз и раздробив в щепы деревянные ножны шашки, а саму шашку, правда бутафорскую, не стальную, но железную, исковеркав и изуродовав. Но эта скорость! Этот полет! Он был флайером, мой Звари, на длинную дистанцию его не хватало, но на коротком отрезке он развивал какие-то прямо-таки космические скорости.

А дружба народов!.. При «толстовско-ленинской» национальной политике... Вылечили и подняли меня врачи-осетины. Снимали — грузины, а уж снимались... И аварцы, и даргинцы, и азербайджанцы, и армяне, и евреи, и русские, и грузины, конечно же...

Толстой... Кавказ... взаимопонимание, симпатия... искренняя, верная... Хотите — верьте, хотите — нет. И хотя... кроме того, что мне сломали ребро, я вообще не чаял из этого дела выкрутиться, ей-богу. Во всяком случае, если бы физические силы (а вместе с ними и жизнь!) иссякли до окончания съемок — я не удивился бы... Я был готов к этому... Таких ощущений и предвкушений не «дарила» мне ни одна из моих работ за 30 с небольшим лет в кинематографе (а Звари мой... мне потом сказали, что он где-то сразу же после съемок... «скончался» о животных не говорят, а «издох» — язык не поворачивается... Не выдержал Звари напряжения...) И тем не менее! Большего счастья, чем два с лишком месяца в ущелье Фиагдон и мотеле «Дарьял», с Толстым, Тито Калатозишвили и «Грузия-фильмом», — большего счастья в своей не такой уж короткой киносудьбе я, пожалуй, не вспомню...

ВСЕВОЛОД САХАРОВ,
доктор филологических наук

Гвардейский Прометей,

или Кавказ А. А. Бестужева-Марлинского

Замечательная личность декабриста и талантливого писателя Александра Александровича Бестужева-Марлинского (1797—1837) появляется в бурных волнах двух великих исторических событий — войн наполеоновских, заменивших России события Французской революции, и войн кавказских, возродивших для русского человека кровавую романтику средних веков и крестовых походов. Соединило эти две волны еще одно страшное, трагическое происшествие — восстание декабристов, разрушившее многие либеральные иллюзии и благополучные дворянские судьбы и превратившее блистательного лейб-драгуна и адъютанта Александра Бестужева в героического рядового кавказских полков и знаменитого литератора Марлинского.

В феврале 1837 года Бестужев узнал о гибели Пушкина. Печальное известие застало писателя в Тифлисе. Он был потрясен смертью старинного знакомого, забыл все споры и взаимные неудовольствия, не спал ночь, утром поскакал на знаменитое горное кладбище, где уже покоился другой его друг и великий поэт — Грибоедов, плакал на его могиле, заказал панихиду по «убиенным боярам Александру и Александру». Жить самому Бестужеву оставалось менее полугода, кольцо обстоятельств сжималось, и в его письме к брату есть удивительные, вещие слова: «Да, я чувствую, что моя смерть также будет насильственной и необычайной, что она уже недалеко — во мне слишком много горячей крови, крови, которая кипит в моих жилах, слишком много, чтобы ее оледенила старость. Я молю только об одном — чтобы не погибнуть простертым на ложе страданий или в поединке, — а в остальном да свершится воля провидения!» Воля провидения вскоре свершилась: Кавказ даровал писателю-воину такую же участь, что и Грибоедову, о котором Пушкин сказал в «Путешествии в Арзрум»: «Не знаю ничего завиднее последних годов бурной его жизни. Самая смерть, постигшая его посреди смелого, неровного боя, не имела для Грибоедова ничего ужасного, ничего томительного. Она была мгновенна и прекрасна».

Мы воспринимаем Александра Бестужева по его сочинениям, и ныне часто переиздающимся. И в общем-то это верно. Но стоит вспомнить разговор между ним и Грибоедовым. Бестужев шутя пожаловался: «По несчастью, я не книга, Александр Сергеич». На что скептический и колкий автор «Горя от ума» сразу возразил: «И слава богу! Человек-книга никуда не годится». Бестужев был живым человеком с пылкими страстями, кипучей кровью, увлекающимся разумом; многое в его пестрой и бурной жизни осталось за пределами его книг и никак не может вместиться в официальную приглаженную биографию. Сюда в первую очередь относятся кавказские приключения писателя.

Легко заметить, что жизнь Александра Бестужева как бы распадается на две части — петербургскую и кавказскую. Первая известна хорошо: это обычная офицерская биография, куда примешались писательство и участие в военном заговоре и мятеже. Ссылка в далекий Якутск должна была «подморозить» пылкого декабриста на долгие десятилетия, как его брата Николая, как Кюхельбекера и других участников восстания. Но Бестужев вырвался из снегов тихого северного городка и попал на жаркий, коварный, опасный Восток, в пламя партизанской кавказской войны. Началась другая жизнь, и в ней разительно изменился человек, который стал писать совсем другие книги, нежели в холодной северной столице. Другой стала мера и цена бытия: «В Азии жизнь человека висит ежечасно на волоске».

Говоря словами поэта той эпохи, рядовой Александр Бестужев начал жить, а не дышать. Его петербургская жизнь гвардейца и литератора ограничивалась манежем, казармою, балом, светским волокитством, разговорами на дружеских сходках за русскою водкой и квашеной капустой о будущем России и о необходимых революционных переменах. Некоторые современники называли лейб-драгуна Бестужева фанфароном и фразером, бездумно бросившимся в водоворот военного бунта. Навряд ли это так, но идейным теоретиком декабризма этот веселый, энергичный жизнелюб не был, хотя и требовал истребления императорской семьи. На Кавказе ему каждый день

приходилось принимать жизненно важные решения, совершать не просто поступки, но маленькие подвиги, общаться с солдатами, офицерами, казаками, горцами, жителями Дербента, Кутаиса, Геленджика. Здесь любая ошибка, ложный жест, неверное слово могли стоить жизни или свободы.

Много говорили и писали о страданиях ссыльного декабриста, одетого в серую солдатскую шинель. Конечно же, армейские бурбоны и хрипуны изобретательно и жестоко издевались над бывшим адъютантом герцога Вюртембергского, гоняли его в парадировках гусиным шагом под полной солдатской выкладкой, заставили сбрить усы, угрожали дворянину телесными наказаниями, следили за ним, доносили, обходили при получении наград и первого офицерского чина, переводили с места на место. Бестужев жаловался на серость Дербента, грязные пустые горы, холодную саклю, лихорадку и прочие болезни. И все же писал в 1833 году журналисту Николаю Полевому из этого «самого печального места во всех отношениях»: «Конечно, для нашего брата очень невыгодно, что судьба мнет нас, будто волынку для извлечения звуков; но помиримся с ней за доброе намерение и примем в уплату убеждение совести, что наши страдания полезны человечеству, и то, что вам кажется писанным от боли, для забытья, становится наслаждением для других, лекарством душевным для многих».

Кавказская война развязала узлы этикета, освободила Бестужева от многих рутинных, пустых занятий для кипучей деятельности. Теперь он смело мог сказать о себе: «В судьбе моей столько чудесного, столько таинственного, что и без походу, без вымыслов она может поспорить с любым романом Виктора Гюго».

Александр Бестужев мало походил на Квазимодо или Гуинплена. Это была кипучая, страстная, несколько суетная натура, искавшая приключений, немного заносчивая и хвастливая, легко ставившая жизнь на карту. Этот разжалованный офицер чем-то неуловимо похож на иных литературных персонажей, от героев Гюго далеких, — на Грушницкого из романа Лермонтова и Митю Карамазова. Рослый, приятной наружности молодец с гвардейской выправкой и повадками записного танцора, говорун, весельчак, дамский любезник, он франтил и на Кавказе, его солдатская шинель сшита была у лучшего портного из тончайшего сукна. «Редко можно найти в одном человеке, как во мне, столько здравого разума и столько безумного воображения вместе», — признавался Бестужев.

Одним словом, это была натура романтическая, волею судеб брошенная в одно из красивейших и опаснейших мест, в дикий прекрасный край, воспетый Байроном и Пушкиным, населенный гуриями, пери, экзотическими героями-горцами. «Кавказ, на последней ступени которого живу я, богат предметами для поэта и романтика», — писал Бестужев. Конечно же, его Кавказ стал романтическим мифом, далеким от жестокой реальности. Писатель воображал себя новым Прометеем, прикованным к великолепным горам и жаждущим боя, движения: «Хоть бы дали мне подраться да поглядеть Кавказ — и того нет, я прикован к одной скале».

Война в горах дала этому Прометею желанную деятельность, свободу выбора. С кипучей энергией и бесшабашной, легкомысленной храбростью ссыльный декабрист начал обживать и завоевывать для России поэтический горный край. Он участвовал в опаснейших походах и набегах, первым врывался в завалы и на стены аулов, сначала действовал безотказным русским штыком, потом пристрастился к удобному в стремительных стычках оружию местных горцев — шашке, кинжалу, английскому пистолету, засунутому за спину в кожаный «кабур», метко и далеко бьющей винтовке. Став снова офицером, он сражался уже не в русской форме, а в папахе, черкеске, мягких сапогах-ноговицах; в снежных ущельях кутался в теплую бурку и суконный башлык. Бестужев собрал целую коллекцию драгоценного восточного оружия, берег и холил базалаевские клинки, украшенные чеканкой ружья и пистолеты. Но «горе обманутой надежды» гнало его в бой: «Видно, в могиле только успокоюсь я».

Шесть лет длился этот заоблачный поход романтического изгнанника. Солдат Бестужев знал реальную правду карательного «умиротворения», убивал, жег аулы мятежников, угонял стада, видел в лицо беспощадного врага-мстителя, говорил с горцами на их родном языке во время коротких перемирий. И вот его вывод: «Славная школа войны наш Кавказ. И надобно сказать, что закубанцы строгие блюстители нашего боевого порядка. Я видел много горцев в бою, но, признаться, лучше шапсугов не видал... Был я с ними не раз в рукопашной схватке; много, много пало подле меня храбрых: меня Бог миловал. Узнал я цену надежного оружия, узнал, что не худая вещь и телесная сила... МЫ дрались за каждую пядь земли... Люди потчевали нас шашками и свинцом. Правду сказать, и мы к ним не с добром пожаловали: мы жгли их села, истребляли хлеба, сено и прометали золу за собой...» Бестужев воспел в своей кавказской прозе грозного русского богатыря и хитрого «сардаря» Ермолова, вешавшего кабардинских князей-предателей вдоль дороги на оглоблях арб. Восток — дело тонкое... И требующее, увы, осмотрительности и беспощадной жестокости. Александр Бестужев был офицером и сыном офицера, знал прекрасно, что для России Кавказская война не какая-то «агрессия», дело несправедливое, блажь одного государя. Хотя и скорбел о взаимных обвинениях, обидах, зверствах, невосполнимых потерях лучших из лучших. Пушкин, отправившийся на кавказский театр военных действий, чтобы «воспеть геройские подвиги наших молодцов кавказцев», говорил, что война эта — «славная часть нашей родной эпопеи». Бестужев в «Письмах из Дагестана» и кавказских повестях показал себя как знаток истории русского движения на Восток, подмявшего под себя по дороге беспокойный горный улей племен. Он помнит все разведывательные походы наших войск, поиски казаков, в очерке «Кавказская стена» рассказывает о неожиданном, казалось бы, а на самом деле неизбежном появлении царя Петра под Дербентом: «...как много изменились с тех пор русские! С каким самосознанием нравственной и политической силы попирали мы Кавказ, на который первым наложил пяту Преобразователь России!»

Турецкие солдаты, английское оружие, мусульманские «добровольцы» и «волонтеры» из Европы — все это Бестужев видел и понимал, какой стратегический узел затягивается на южных границах Российской империи. Горские народы, их национальная судьба в очередной раз стали опасным орудием в беспощадной политической игре мировых сил. Солдат линейных батальонов Александр Бестужев удерживал и теснил эту буйную, живописную, зверино-жестокую и вероломную толпу прирожденных воинов; рядом с ним бились русские дворяне, крепостные крестьяне и казаки, мусульманские вспомогательные войска, немцы, прибалты, финны, грузины, поляки, осетины, евреи-кантонисты, армяне — и все это была Россия, утверждавшаяся в теснинах Кавказа.

Бестужев владел не только штыком и шашкой. На Кавказе его писательское мастерство расцвело и созрело. «Теперь кочевой солдат, я не знаю, когда удастся мне найти стол (на Кавказе это эпоха) и за столом вдохновение». Все отыскалось, и здесь написаны лучшие страницы бестужевской прозы. Бестужев стал певцом романтического Кавказа, рассказал русским читателям о его первозданной красоте: «Я по целым часам прислушиваюсь к ропоту горных речек и любуюсь игрой света на свежей зелени и яркой белизне снегов». Он описал гордых, велеречивых черкесов, прелестных черкешенок и, как сам признавался, сильно их приукрасил в духе Байрона и молодого Пушкина. Читатели ему верили, рвались на этот поэтический Кавказ. Юный гвардейский офицер фон дер Ховен как-то встретил Бестужева в боевой цепи. Декабрист, снявши холшовый китель и повесив на сучок шашку, остался в белой батистовой рубахе и сел завтракать, беззаботно пил красное вино под пулями, совсем как мушкетеры Дюма при осаде Ларошели. Приезжий ему сказал: «Благодаря вашим чудным описаниям природы Кавказа я и попал сюда». Какая отрада для авторского самолюбия! Но тут же Ховен признался в полном своем разочаровании: «Не хочу ни крестов, ни чинов — а только бы отпустили душу мою на покаяние, — предвидя такие труды, я никогда бы сюда не заглянул». Опытный Бестужев только улыбнулся вместо ответа, и егеря Ховена пошли цепью дальше. Кому нужна реальная правда, кто станет сражаться и умирать за нее?

Однако составляя свой романтический миф о Кавказе, писатель Бестужев помнил о суровой реальности, внимательно изучал местную историю и этнографию, народные предания, татарский, персидский и арабский языки, Коран и восточную поэзию. Дербент, где он жил, не зря именовали мусульманскими Афинами. Любознательный Искандер-бек, как называли там декабриста, снискал открытым характером, любезностью, доброжелательством любовь местных мудрецов, мулл, знатоков Корана и простонародья, защищавшего город от летучих полчищ очередного мятежного имама Кази-муллы. Постепенно он узнавал реальный Восток, подлинный Кавказ как отдельный, непроницаемый для постороннего взора мир, понял правоту Пушкина, говорившего: «Европеец, и в упоении восточной роскоши, должен сохранить вкус и взор европейца».

От мечты о романтическом мире восточной экзотики Бестужев отказаться не мог, но как писатель он волей-неволей вживлял в поэтическую картину гор реальные детали и наблюдения. Он быстро понял огромное значение религиозных различий между восточными народами, причины вечных раздоров между суннитами и шиитами и призывал использовать их, равно как и соперничество между Турцией и Ираном. Отражая «газават» мюридов Кази-муллы и набеги горских князей и ханов, штурмуя их укрепленные заоблачные гнезда, Бестужев вполне оценил свободолюбие черкесов, уважал их отчаянное самопожертвование при защите своего векового уклада и в то же время удивлялся первобытной жестокости местных маленьких сатрапов, коварству больших и малых мусульманских тиранов: «Азиатец всех стран — одна и та же песня... Штыки для них средство самосохранения, а не страсть к преобразованию народа: этой идее негде поместиться под чалмою или башлыком, и, право, смешно, когда бородачей ссужают подобными замыслами».

К этому миру европейские мерки гуманности и демократии, заветы христианства неприложимы (вспомним поэму Пушкина «Тазит»), здесь и российские приемы управления бесправным народом оказались недостаточными, опасной слабостью: «Делай со мною, что хочешь, но позволь мне делать с нижними, что я хочу», — вот азиатское управление, честолюбие и нравственность. От этого каждый, находясь между двумя врагами, привыкал прятать свои мысли, как свои деньги. От этого каждый старался лукавить перед сильным, чтобы добыть через него силу, и перед богатым, чтобы выжать из него взятку угнетением или доносом. От этого здешний татарин не скажет слова, не ступит шага даром, не подарит огурца без надежды получить за него отдарка. Грубый до дерзости с каждым, кто не облечен властию, он плашмя перед чином, перед «полным карманом». Да и потом, когда хитрые местные ханы стали называться губернаторами и секретарями обкомов, суть дела изменилась мало, проблемы остались...

Вглядываясь в лица грозных врагов, Бестужев понял, как легко толкнуть на восстание и насилие находящегося в столь сложном религиозном, традиционном, политическом и экономическом рабстве кавказца: «В каждом азиатце неугасим какой-то инстинкт разрушительности: для него нужнее враг, чем друг, и он повсюду ищет первых. Не то чтоб он ненавидел именно русских; он находит только, что русских выгоднее ему ненавидеть, чем соседа, а для этого все предлоги кажутся ему дельными. Разумеется, умные мятежники пользуются всегда такою наклонностию и умеют знаменем святыни покрывать и связывать мелочные страсти». И в то же время русский писатель вполне оценил простого горца-труженика, собирал драгоценные изделия умельцев мятежного аула Кубачи, уважал бережное отношение рядовых воинов Кавказа к плодам чужого труда: «Кабардинцы вторгались в домы, уносили, что поценнее или что второпях попадало под руку, но не жгли домов, не топтали умышленно нив, не ломали виноградников. «Зачем трогать дар божий и труд человека», — говорили они, и это правило горского разбойника, не ужасающегося никаким злодейством, есть доблесть, которою бы могли гордиться народы самые образованные, если бы они ее имели». Такова была подлинная диалектика Кавказской войны, равно далекая от официальных реляций обеих сторон.

А что же русский солдат? Рядовой Бестужев каждый день видел подле себя суворовского чудо-богатыря, победившего Наполеона, покорившего всю Европу и теперь пришедшего на Кавказскую линию, на границу Востока. Великий Ермолов своей военной реформой, стратегией и тактикой приучил нашего солдата к войне азиатской, коварной, партизанской, да и горцы были хорошие наставники. Солдатики научились всему — отражать бросающихся в шашки мюридов правильным оружием, ходить в набеги, карать и усмирять «немирные» аулы, жечь, грабить, менять золото и оружие на водку. Ангелы в казармах не живут.

Бестужев на собственном примере видел, что простым воинам нашим, поставленным в особое положение, приходилось выбирать: или стать «кавказскими пленниками» и обезглавленными трупами, или быть в огне до конца. «Солдат наш очень неохотно идет в огонь, но хорошо стоит в нем, и, как вы думаете, отчего? Он не умеет уйти и лезет на верную смерть оттого, что не смеет ослушаться. Впрочем, русский солдат доступен всем высоким чувствам, если б умели их возбуждать заранее». Солдат и горец были одинаково несвободны и потому в бою понимали и уважали друг друга. Поэтому кавказские очерки русского солдата Бестужева следует читать как ценнейшее свидетельство очевидца.

Занимательные военные очерки и кавказские повести принесли их автору-солдату всероссийскую славу. Его полюбили не только офицеры, женщины и чиновники, но и новое поколение демократической молодежи: «Оно жадно упивалось в «Телеграфе» повестями модного писателя Марлинского, окруженного в его глазах двойною ореолою — таланта и трагической участи». В этой характеристике, принадлежащей критику Аполлону Григорьеву, нет упоминания о вульгарных деньгах. Поэтому стоит напомнить, что кавказская проза обогатила Бестужева-Марлинского. Жил он не в казарме, а на прекрасной частной квартире, всегда держал великолепный стол, выписывал французские вина, духи, помаду, дорогие шведские перчатки, столовое серебро, батистовые голландские рубашки с кружевом, покупал персидские халаты, какие-то фантастические шапочки, хлыстики, модные мужские перстни с чеканкой — всего не перечесть. Власти отказали ему в награде солдатским Георгиевским крестом, считая, что этот солдат роскошно живет.

К тому же за всеми этими вещами угадывается одна пламенная страсть, всецело подчинявшая эту увлекающуюся натуру, — любовь к женщинам. Все повести Бестужева — о женщинах и любви. Ореол разжалованного гвардейца-мятежника, кавказского героя, знаменитого литератора, интересного мужчины, любезного и остроумного, готового ради прекрасных глаз на любые безумства — все это приносило декабристу победу за победой. Весь Кавказ и обе столицы полнились слухами и сплетнями о его любовных приключениях и соблазнительных скандалах, а сам Бестужев всюду появлялся в цветнике дам и девиц и признавался: «Я всегда был так счастлив с женщинами, что не постигаю, чем я это заслужил». Рискуя жизнью, он пробирался в гаремы ревнивых и кровожадных дербентских мусульман. А в квартиру Бестужева кралась юная прелестная Александра Ивановна Н., одетая в мундир мужа-поручика. Темным пятном в биографии декабриста остается смерть простой девушки Ольги Нестерцовой, убитой пистолетным выстрелом в его постели. Даже попав случайно в Керчь, Бестужев ухитрился завести бурный роман с Антуанеттой Булгари, скучающей женой такого же ссыльного декабриста, и потом сделал в письме поразительно простодушное признание: «Я хотел ее развести или увезти, но двое детей помешали: она осталась с мужем, но люблю ее до сих пор».

Последний яркий штрих в романтической биографии Александра Бестужева — его героическая и таинственная гибель при высадке нашего десанта в Абхазии, у мыса Адлер. Прикомандированный к Грузинскому гренадерскому полку, прапорщик Бестужев пытался вернуть далеко ушедших в лес стрелков, в завязавшейся схватке был ранен двумя пулями в грудь и изрублен набежавшей толпой горцев. Тело так и не нашли. Потом у горцев видели дорогое золотое кольцо писателя. К ним отправился на переговоры мирный черкес, майор русской службы Гассан-бей. «Знаете ли вы, кого вы убили? — сказал майор горцам. — Вы изрубили человека, который писал о вас, был поэт-сочинитель». Черкесы единодушно стали сожалеть: «Нам бы русский царь дал на выкуп своего сочинителя, своего поэта (человека святого, по понятиям мусульман) мешок золота, мешок в человеческий рост».

Сразу родились летучие мифы и слухи: Бестужев не убит, а унесен в горы, Бестужев перешел к черкесам, принял магометанство, стал советником Шамиля, да и сам Шамиль и есть Бестужев... Что тут сказать? Романтика порождает романтику, мифы множатся и ветвятся. Реально лишь то обстоятельство, что в бою Бестужев одет был в черкеску и имел полное кавказское вооружение. Он великолепно знал татарский язык и, конечно, мог крикнуть что-то налетевшим горцам, которые увидели раненого черкеса, а не русского офицера. Но все это предположения. Солдат и писатель Александр Бестужев-Марлинский бесследно исчез в субтропиках Кавказа, который он помогал завоевать вооруженной рукой русского воина и пером талантливого прозаика.

В минуту мучительных сомнений Бестужев говорил: «Мы не можем быть долговечны литературною жизнию — мы мыслим и говорим языком перелома». Да, романтическая эпоха, одним из ярчайших деятелей которой стал писатель Марлинский, была переходной. Но то был славный путь от «Кавказского пленника» Пушкина к «Герою нашего времени» Лермонтова и «Казакам» Л. Толстого. Авторами этих великих книг стали русские офицеры-кавказцы, и дорогу на живописный Кавказ прорубил и указал им старший сослуживец и собрат по творчеству Александр Бестужев-Марлинский.

ВЛАДИСЛАВ ЛИПАТОВ

«ВЗВЕЙТЕСЬ, СОКОЛЫ, ОРЛАМИ...»

Песни, рожденные в отрогах Кавказа

Помню, как не давала мне покоя, раздражала своей нелепостью, неразъясненностью эта строчка из старой солдатской песни. Зачем, спрашивал я себя,— зачем «орлами», чем они лучше соколов? Ведь «соколы» — это так по-русски: «Финист — ясный сокол», «вылетали два сокола, выезжали два молодца...», «сокол мой ненаглядный», «соболиные брови, соколиные очи»... А орел? Орлиный взор или нос — это что-то кавказское.

Если бы я знал тогда, как был близок к истине и в то же время как далек от нее! Близок, потому что произнес нужное слово, далек, оттого что не понял этого. Не хватило одного звена, «ключа», который бы все поставил на свое место.

«Ключ» нашел там, где он должен был лежать: в «Сборнике солдатских, казацких и матросских песен» (СПб., 1875).Там следом за песней с пометой «кавказская» шла приписка: «Поется на тот же мотив, что и «Взвейтесь, соколы, орлами...», то есть оба эти произведения оказались из одной «команды», песнями-однополчанами, только одна из них рассказывала о конкретном эпизоде, о том, как в 1849 году наши гренадеры и егеря под командованием генерала Челяева

...Ударили по-свойски —
Кто в лопатку, кто в ребро;
И сожгли аул дидойский —
Распроклятое Хупро[1],

а другая как бы призывала наших солдат сменить боевую стратегию: мол, веками русские бились соколами в чистом поле, но вот попали в горы и по-другому надо воевать, иначе не сносить нашим ребятам буйной головы, а потому:

Взвейтесь, соколы, орлами,
Полно горе горевать:
То ли дело под шатрами
В поле лагерем стоять...[2]

Почему же у двух в общем-то равнозначных по своим художественным достоинствам песен так по-разному сложилась судьба: отчего одна из них вряд ли пережила своих создателей, а другую пели на Шипкинском перевале и под Мукденом, в Карпатах и

сталинградских землянках, зачастую даже не задумываясь, зачем соколу превращаться в орла?

Чтобы получить ответ, надо обратиться к сущности народного творчества, его родовым отличиям от профессионального искусства. Сделать это можно на любом песенном материале, в том числе и «кавказском». Ведь интерес России к этой горной стране давний и достаточно устойчивый. Древние русичи называли эти горы Ясскими, а в конце XII века, то есть еще в домонгольскую пору, сын знаменитого суздальского князя Андрея Боголюбского Юрий покорил-таки сердце легендарной грузинской царицы Тамары и стал ее мужем, а его избранница явилась прообразом любимой в народе героини древнерусской «Повести о царице Динаре». В XV веке абхазец вместе с русским и греком уже в другой древнерусской «Повести о Вавилон-граде» добывают византийскому императору Льву знаки царского достоинства. В XVI веке уже не в сказке и не в повести, а наяву русский царь Иван Грозный женится вторым браком на дочери кабардинского князя Марии Темрюковне. В народе же по этому случаю слагается песня о Кострюке-Мастрюке — «молодом черкешине», удалом нахвальщике, что кричал во всю голову, чтобы слышал царь-государь:

А свет ты вольный царь,
Царь Иван Васильевич!
Что у тебя в Москве
За похвальные молодцы,
Поученные, славные?
На ладонь их посажу,
Другой рукою раздавлю!

Однако нашлись на него русские борцы-молодцы: не только победили, но еще и на весь свет ославили...

Так возник первый русско-кавказский конфликт. Масло в огонь еще не разгоревшейся войны подлило и легендарное решение все того же грозного царя подарить гребенских казаков

А быстрым Тереком со протоками
Ай до синя моря до Каспийского[3].

Но тогда, и при Иване IV, и после него, было не до Кавказа как зоны особых стратегических интересов России. Сначала двигались на восток, к Великому океану, потом на запад пробивали солдатскими сапогами и крестьянскими лаптями торную дорогу к Балтийскому морю, а затем как-то незаметно для самих себя оказались втянутыми в бесконечную Кавказскую войну, ставшую для многих чуть ли не «домашней», этаким постоянным атрибутом внутриполитической жизни России первой половины прошлого века.

Дух привычности и «естественности» этой войны затронул все общество, проник и в литературу, и в фольклор, добрался до медвежьих углов державы и там оставил свой след. Например, в одном из провинциальных уральских архивов я обнаружил рукописный песенник, составленный «от нечего делать» выпускником здешнего народного училища в 1853 году. Открывался он весьма знаменательным произведением, где, между прочим, были и такие строчки:

Не для меня придет весна,
Я поплыву по берегам абхазским,
Сражусь с народом закавказским,
Там пуля ждет давно меня[4].

Конечно, можно было бы назвать это случайностью, мечтами романтически настроенного юноши, если бы здесь же, в Каменск-Уральском, в том же 1993 году мы не записали вариант той же самой песни. И хотя место кавказцев там заняли немцы, согласитесь, как минимум полуторавековое бытование в одном городе песни, несущей в себе отголоски кавказских событий, — это кое-что.

Впрочем, цепочку преемственности можно протянуть и в противоположную сторону, хоть к тем же песням времен грозного царя, потому что народная поэзия XIX века переняла оттуда главное качество: отсутствие национальной и религиозной ненависти и, напротив, дух молодечества и уважительного отношения к горцам вне зависимости от того, кто оказывался победителем:

...Не ясен сокол вылетывал —
Молодой то черкес он выскакивал.
Он глядел себе поединщика,
Он глядел-то, смотрел себе по полку
Казачьему Астраханскому...
Убирайся, Шамиль, поскорее,
Круковского берегись!
Как схватил Шамиль свою винтовку,
Князю в грудь направил:
Пуль четыре отпустил,
Князя с лошади не сбил,
С пятой, братцы, как хватил,
На сыру землю его сбил.
Князь на сырой земле лежал,
Громким голосом кричал:
«Уж вы слуги мои, братцы,
Вы сунженцы-молодцы!
Не покиньте мое тело
На поругу подлецам,
Отнесите мое тело
Вы во крепость Мартанску,
Помяните вы, сунженцы,
Что я был ваш Крюковец,
Ровно ваш родной отец!»[5]

Ф. А. Круковский был наказным атаманом Кавказского линейного войска. Судя по тексту песни и воспоминаниям современников, казаки любили его. Когда в январе 1852 года Круковский был предательски застрелен, его ординарец сделал все, чтобы вывезти из завязавшейся с горцами стычки еще живого командира, однако вместе с атаманом был окружен и зарублен до смерти.

Думаю, не только я один ошибочно полагал, что борьба за обладание Кавказом велась исключительно на суше. Оказывается, были и морские операции. Так, в 1838—1839 годах десантными отрядами были в очень сжатые сроки возведены прибрежные форты, например, хорошо известный сегодняшним курортникам Лазаревский или совсем ныне забытый форт Вельяминовский, близ Туапсе. Тогда же, полтораста лет назад, все они должны были стать не только надежным прикрытием нашей армии на Черноморском побережье, но и серьезным препятствием для торговли

рабами и вооружением. К сожалению, судьба этих береговых крепостей в большинстве оказалась трагичной: построенные наспех, с гарнизонами, страдавшими от непривычного климата и болезней, они уже в следующем, 1840 году были уничтожены отрядами Шамиля, однако к концу года вновь отстроены, и так повторялось несколько раз на протяжении Кавказской войны.

Морская «кавказская» песня, по-видимому, навеяна этими событиями:

Как по морю, по волнам,
Да по бурливым водам
Корабли идут с полками
К диким берегам, к диким берегам.
К Туапсе они пришли,
Чинно рядышком все стали;
Их черкесы ожидали,
Разложив огни, разложив огни.
Горцы ждут своих гостей,
А на них-то наши пушки,
Черноглазые старушки
Смотрят с кораблей, смотрят с кораблей.
Скучно бабам мирно жить.
Вот они забормотали
И гостинчики послали
Горцев угостить, горцев угостить.
Их подарки ломят лес,
Скачут с визгом в беспорядке,
И, знать, с радости вприсядку
Заплясал черкес, заплясал черкес.
Сам матросский генерал
Из палат своих чудесных
Грудой яблоков железных
Горцев угощал, горцев угощал.
Вот вдруг двинулся отряд,
В барабаны нам забили,
С тульских ружей мы пустили
Русский виноград, русский виноград.
С нами нечего шутить.
Штык ведь дан не для потехи,
А свинцовые орехи
Спопробуй раскусить,
Спопробуй раскусить[6].

Опять, как и раньше, конкретный, ни на что не похожий эпизод войны видится создателям песни сквозь призму привычного фольклорного сюжета.

Впрочем, совсем не обязательно, чтобы удачная музыкально-поэтическая модель — основа новых народных песен — пришла к нам из глубокой древности. Одна из известных мне «кавказских» песен в качестве исходного материала взяла песню «Дело было под Полтавой...»

Дело было на Кавказе,
Дело славное, друзья!
Мы дрались там со Шамилем
И с мюридами его.*

Следом за ней появилась другая, очень похожая, которая начиналась словами:

Дело было за Кавказом,
Дело славное, друзья,
Мы дрались там со Мухтаром
И с дружиною его...[7]

Почти одновременно в совершенно другом уголке Европы, на Балканах, освободители болгар от пятисотлетнего турецкого ига тоже пели свою песню на старый родной мотив:

Было дело так под Плевной,
Дело славное, друзья!
Мы дрались тогда все с туркой
Под знаменами царя.
В бой водил нас всех кровавый
Наш ли Скобелев удалый,
Слава по веки ему!..[8]

Все эти песни объединили не только время и общая идея — прославление подвига русского солдата, роднили их и частности: как я уже сказал, все они рассказывали о кульминационных моментах разных кампаний, потому наряду с описанием конкретного эпизода пытались воссоздать и образ всей войны; кроме того, пик войны связан со штурмом или осадой крепости, занятой врагом (в «кавказской» песне это Гуниб, в «закавказской» — Эрзерум, в «балканской» — Плевна); все три песни рассказывают о войнах, которые Россия вела на юго-востоке Европы против мусульманских народов, но религиозная или национальная неприязнь в них отсутствует напрочь... Достаточно для того, чтобы признать: выбор исполнителями музыкально-поэтической основы для своих во многом оригинальных произведений был не случаен?

Я произнес слово «выбор» и подумал: вот ключ к нашему разговору о путях рождения народной песни. Ведь суть народного песнетворчества не в анкетных данных авторов, а в самом произведении, в том, чтобы оно идеально совпадало с сиюминутным настроением исполнителей: сменилось настроение — и песня стала другой; а потому чем она универсальнее, чем легче может быть соотнесена с меняющейся обстановкой, тем больше у нее шансов на народное признание. Песня про «проклятое Хупро», с которой мы начали наш разговор, была интересна сотням участников этой операции, но не более того; совет — вести себя сообразно обстоятельствам («взвейтесь, соколы, орлами!») наверняка спас жизнь не одному поколению солдат.

* Приводим только первый куплет песни. — *Ред.*

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Сборник солдатских, казацких и матросских песен. Вып. 1. Сост. Н. Х. Вессель. СПб., 1875. С. 8—9.
2. Солдатские народные песни и романсы. СПб., 1893. С. 18.
3. Там же. С. 98—99.
4. г. Каменск-Уральский Свердлов. обл. Архив Краеведческого музея, фонд И. Я. Стяжкина. «Песенник Матвея Деденкова. 1853, июнь».
5. Исторические песни XIX века. Л., 1973. С. 190—191.
6. Соколов А. Русские морские песни//Морской сборник. 1854. Т. 12 № 6. С. 128—129.
7. Новый военный песенник. М., 1878. С. 19—20.
8. Там же. С. 17—18; вариант: 1000 песен. С. 46—47

АЛЕКСАНДР ГУЛИН,
кандидат филологических наук

«Не перестаю думать о Хаджи-Мурате»

Как и всякие области мировой истории, освоенные и обжитые, «одушевленные» великими художниками слова, долгая эпопея войны прошлого века на Кавказе обрела в творчестве Пушкина, Лермонтова, Бестужева-Марлинского, Льва Толстого новое качество — стала фактом не одной только исторической памяти, но и духовной жизни наших современников. Одна из ее страниц — история Хаджи-Мурата, опального наиба Шамиля, — получила мировую известность благодаря одноименной повести Толстого.

Повесть эта принадлежит к числу наиболее совершенных произведений писателя. Созданная в последнее десятилетие его жизни (1896—1904), она отмечена тем почти беспредельным мастерством, для которого, кажется, нет ничего невозможного. История, воплощенная в искусстве, не есть история как таковая. Процесс ее «перехода» в иную, художественную реальность — одна из великих тайн творчества. И все же отдельные стороны этой сокровенной работы художника доступны нашему взгляду.

«...Когда я пишу историческое, — признавался Толстой, **— я люблю быть до малейших подробностей верным действительиости»*.** Эти слова были сказаны в годы создания «Хаджи-Мурата». И раньше Толстому приходилось изучать труды историков, мемуары, записки, встречаться с очевидцами тех или других исторических событий. Достаточно вспомнить его работу над «Войной и миром» в 1860-е годы, когда, по признанию писателя, у него **«образовалась целая библиотека книг»** (16, 13). Но изучение реальной первоосновы «Хаджи-Мурата» все же не имело себе равных. Толстой перечитал сотни трудов по истории, этнографии, археологии, географии Кавказа, переговорил со многими из тех людей, кто мог хранить воспоминания об интересующих его событиях. Он вступал в переписку с десятками лиц, добывал пространные выдержки из архивных документов. Подробный рассказ об этой работе требует специальной монографии[1].

Вот только один, очень показательный, фрагмент из письма Толстого к его помощнику, тифлисскому учителю и историку С. Н. Шульгину, отправленного в феврале 1903 года: **«Все, что было напечатано о Хаджи-Мурате, есть у меня. Есть также и 10-й том актов архивной комиссии, в котором есть кое-что новое о Хаджи-Мурате. Желательно мне теперь иметь все распоряжения о Хаджи-Мурате, если есть таковые, Николая Павловича: его личные пометки или приказания и замечания, передаваемые Чернышевым Воронцову. Желательно бы, кроме того, иметь распо-**

* Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. В 90 т. М., 1928—1958. Т. 73. С. 353. В дальнейшем все ссылки на это издание даются с указанием тома и страницы в скобках. Остальные примечания помещены в конце статьи.

ряжения Николая вообще о ведении кавказской войны во время наместничества Воронцова» (74, 49—50). Читая этот документ, можно подумать, что автор его — ученый-исследователь, но никак не писатель. Между тем отбор материалов, их изучение подчинялись у Толстого чисто художественным задачам.

Главным моментом в работе над всяким произведением искусства Толстой считал определение «фокуса», некоей центральной мысли, воплощенной в образах, того, «к чему сходятся все лучи и от чего исходят»[2]. Такой «фокус» в «Хаджи-Мурате» был найден одновременно с зарождением замысла повести. **«Вчера иду по передвоенному черноземному пару,** — пишет Толстой на страницах дневника 19 июля 1896 года. — **Пока глаз окинет, ничего, кроме черной земли — ни одной зеленой травки. И вот на краю пыльной, серой дороги куст татарина (репья), три отростка: один сломан, и белый, загрязненный цветок висит; другой сломан и забрызган грязью, черный, стебель надломлен и загрязнен; третий отросток торчит вбок, тоже черный от пыли, но все еще жив и в серединке краснеется. Напомнил Хаджи-Мурата. Хочется написать. Отстаивает жизнь до последнего, и один среди всего поля, хотя как-нибудь, да отстоял ее»** (53, 99—100). Эта короткая запись, почти стихотворение в прозе, позже неоднократно переработанная и расширенная Толстым, ставшая началом его повести, заключала в себе и тональность будущего произведения, и его центральную тему, и его нравственный, эмоциональный строй. **«...Все стоит и не сдается, и один торжествует...** — написал Толстой спустя месяц. — **И какое-то чувство бодрости, энергии, силы охватило меня. «Так и надо, так и надо»** (35, 286).

Финальный, драматический этап истории Хаджи-Мурата происходил если и не на глазах писателя, то во всяком случае где-то совсем рядом в то время, когда он, молодой человек, служил на Кавказе. Книга была поэтому также и глубоко личной, основанной на собственных воспоминаниях Толстого. **«Людям, не бывшим на Кавказе во время нашей войны с Шамилем,** — скажет он в одном из вариантов повести, — **трудно себе представить то значение, которое имел в это время Хаджи-Мурат в глазах всех кавказцев»** (35, 416).

Это был, по признанию многих современников, самый дерзкий, отважный, хитрый и удачливый полководец горских народов. В 1851 году, после двенадцати лет непрерывных подвигов, он оказался перед трудным выбором. Между ним и Шамилем произошел разлад — отчасти уходящий корнями в прошлое, ко времени борьбы за владение Аварским ханством, отчасти обусловленный новыми династическими планами всемогущего имама и его желанием найти виновного за ряд крупных поражений горцев в столкновениях с русскими войсками. Спасая себя, движимый чувством мести, Хаджи-Мурат перешел на сторону вчерашних врагов и предложил свои услуги в войне против Шамиля. Ему оказали почетный прием: сохранили оружие, выплачивали денежное содержание из казны; вместе с Хаджи-Муратом оставались его мюриды, бежавшие с ним. Во время встреч в Тифлисе с наместником царя на Кавказе М. С. Воронцовым он обсуждал возможные планы участия в военных действиях, но положение осложнялось тем, что семья Хаджи-Мурата осталась в руках Шамиля. В конце апреля 1852 года Хаджи-Мурат неожиданно предпринял попытку бежать обратно в горы, но был настигнут и после отчаянного сопротивления убит. Голову Хаджи-Мурата привезли в Тифлис как бесспорное свидетельство его смерти.

Трудно сказать, когда у Толстого сложилось то поэтическое представление о его герое, которое так определенно заявило о себе уже при замысле книги. Ясно, что это был процесс не одного дня, а, может быть, многих лет. Стихия «Хаджи-Мурата» имеет отчетливые признаки языческого отношения к миру. Толстой на рубеже XIX—XX веков, Толстой — публицист, философ, религиозный бунтарь, судя по всему, особенно дорожил в этом произведении своеобразной «философией природы», некоей божественной одушевленностью всех явлений: людей, растений, животных, о которых шла речь в повести. Хаджи-Мурат с его волей к жизни был для него воплощением этой философии. Изучая характер своего героя, обнаруживая, что тот — правоверный мусульманин, писатель сокрушался: **«Как он был бы хорош, если бы не этот обман** (веры. — *А. Г.*)**»** (53, 144).

Литература о Хаджи-Мурате была сравнительно немногочисленной. Прежде всего Толстой обратил внимание на обширный биографический очерк В. А. Потто в «Военном сборнике» за 1870 год, а также на подборку исторических документов (имевших прямое отношение к судьбе горского военачальника), опубликованную в 1881 году на страницах «Русской старины». Среди них — четыре письма о Хаджи-Мурате князя М. С. Воронцова, адресованные военному министру А. И. Чернышеву; записка ротмистра М. Т. Лорис-Меликова (будущего министра внутренних дел), излагавшая биографию знаменитого горца и составленная по его собственным словам; наконец, небольшой рассказ из записок М. Я. Ольшевского о молодости Хаджи-Мурата. Издатель этих материалов — историк Кавказской войны А. Л. Зиссерман с 1889 года жил всего в двенадцати километрах от Ясной Поляны, и Толстой с ним встречался. В его трудах, особенно в подаренной Толстому книге воспоминаний «Двадцать пять лет на Кавказе», тоже много раз заходила речь о Хаджи-Мурате.

Эти источники содержали массу фактических данных, и Толстой широко и по-разному пользовался ими: создавая на их основе ту или иную сцену, воспроизводя рассказы Хаджи-Мурата о его прошлом (записка Лорис-Меликова), а то и прямо помещая в тексте повести отдельные, наиболее колоритные исторические документы (первое из писем Воронцова). Но живой образ «человека Хаджи-Мурата», так занимавший писателя, все же прочитывался в этих материалах с большим трудом. Толстому требовался кроме них источник особого рода, где бы он нашел «психологический ключ» к характеру своего героя, взгляд на его судьбу не историка, не государственного мужа, а внимательного очевидца. Таким источником оказались воспоминания В. А. Полторацкого, храброго офицера, впоследствии генерал-майора, которого писатель знал по службе на Кавказе. В его записках Толстому встретился особенно дорогой для него «тон

правды», который он, когда заходила речь о прошлом, улавливал всегда безошибочно.

Полторацкий, ставший одним из действующих лиц «Хаджи-Мурата», видел знаменитого наиба и в самый момент его перехода на сторону русского правительства, и в первые часы пребывания среди бывших врагов. Хаджи-Мурат сдался сыну царского наместника, командиру Куринского полка князю С. М. Воронцову, с которым до этого несколько дней в глубокой тайне вел переговоры. Полторацкий, начальник отряда, назначенного в тот день на заготовку дров, оказался невольным свидетелем этой сцены. **«Только что подскакал я к 3-му взводу,** — вспоминал он, — **как из опушки леса показалось несколько всадников. Впереди всех ехал красивый, статный брюнет, в щегольской белого сукна черкеске, украшенный дорогим, в золотой оправе, оружием. Умное и энергическое лицо его, с блестящими черными глазами, выражало полное спокойствие и самонадеянность. Приятельски протянув мне руку, он развязно сказал мне на аварском языке приветствие и, вопросительно махнув рукою в сторону князя, вместе со мною направился к нему. Это был сам Хаджи-Мурат»**[3].

Основные подробности, сообщенные Полторацким, остались у Толстого неизменными. **«Впереди всех,** — пишет он, — **ехал на белогривом коне, в белой черкеске, в чалме на папахе и в отделанном золотом оружии человек внушительного вида. Человек этот был Хаджи-Мурат»** (35, 28). Но описывая встречу Полторацкого с Хаджи-Муратом, он произвел небольшую «реконструкцию» того, что происходило между ними. Она касалась трудно уловимых психологических нюансов, которые писатель различил в поведении действующих лиц. Для него всегда очень многое значили краткие мгновения живого человеческого общения, родства душ, вдруг неожиданно заявляющего о себе в натурах самых непохожих, даже враждебных. На этом строилась сцена «Войны и мира», где суровый маршал Даву и попавший к нему на допрос Пьер Безухов неожиданно встречались взглядами и на короткий миг понимали, «что оба они — дети человечества, что они братья» (12, 39). Намек на такую ситуацию слышался и в рассказе Полторацкого. Во всяком случае, Толстому она показалась такой. Он оставил без внимания слова мемуариста о «развязной» манере Хаджи-Мурата, не стал упоминать об их рукопожатии, но особо акцентировал слова о «приятельском» расположении беглеца к незнакомому офицеру. **«Он подъехал к Полторацкому,** — говорится в повести о Хаджи-Мурате, — **и сказал ему что-то по-татарски. Полторацкий, подняв брови, развел руками в знак того, что не понимает, и улыбнулся. Хаджи-Мурат ответил улыбкой на улыбку, и улыбка эта поразила Полторацкого своим детским добродушием. Полторацкий никак не ожидал видеть таким этого страшного горца. Он ожидал мрачного, сухого, чуждого человека, а перед ним был самый простой человек, улыбавшийся такой доброй улыбкой, что он казался не чужим, а давно знакомым приятелем»** (35, 28).

По отзывам современников, Толстому было известно, что Хаджи-Мурат **«производил невольное впечатление на всех»**[4]. Воспоминания Полторацкого позволяли судить, что это было не одно только впечатление от экзотической внешности и грозного имени прославленного сподвижника Шамиля. В Хаджи-Мурате поражало и нечто другое: большая, сильная натура человека осторожного, знающего себе цену, но чистого душой и этим невольно привлекающего к себе. **«Он производит большое влияние на окружающих,** — доносил М. С. Воронцову князь А. И. Барятинский. — **Он может легко воспользоваться своим обаянием»**[5]. Первая встреча Хаджи-Мурата с семейством Воронцова-младшего, как о ней рассказывал Полторацкий, была ярким тому свидетельством. **«Хаджи-Мурат сначала дичился в обществе женщины, но ловкость, ум и приветливость хозяйки скоро ободрили экс-аварского хана»**[6]. Особенно интересной была небольшая сценка, происшедшая между ним и шестилетним сыном красавицы княгини, которого мать называла Булькой. **«Булька, за несколько до того минут взиравший исподлобья и даже со страхом на страшного по молве наиба, почувствовал к нему симпатию, влез к нему на колени и с свойственной его возрасту любознательностью стал разглядывать блестящее его оружие. Хаджи-Мурат, строго придерживаясь коренного на востоке обычая относительно пешкешей** (подарков. — *А. Г.*), **поспешил снять с себя книжал, привлекший внимание балованного мальчика, и тут же любезно опоясал им Бульку. Словом, в какой-нибудь час времени знакомство и даже дружеские отношения между Хаджи-Муратом и Воронцовыми установились сами собой...»**[7]

Сцена была настолько яркой и единственной в своем роде, что Толстой сохранил всю канву происходящего в ней почти без изменений. Автор воспоминаний, относившийся к жене своего начальника с истинным обожанием, говорил, что **«глядеть на нее не восторгаясь человеку, в жилах которого течет не пресное молоко, а горячая, молодая кровь, было невозможно»**[8]. Для Хаджи-Мурата, истинного мусульманина, общество светской красавицы Марьи Васильевны было, мягко говоря, непривычным. Неудивительно, что он, как пишет Полторацкий, «дичился». Толстой скажет: **«И наружность и манеры Хаджи-Мурата понравились Марье Васильевне. То же, что он вспыхнул, покраснел, когда она подала ему свою большую белую руку, еще более расположило ее в его пользу»** (35, 30). В мемуарах было сказано, что знаменитый горец, немного освоившись, выпил чашку поднесенного ему кофе. Толстой решил, что это едва ли соответствовало действительности. **«Хаджи-Мурат...** — написал он, — **отказался от кофея, когда ему подали его»** (35, 30). Зато в рассказе о том, как протекала беседа (она велась через переводчика) Хаджи-Мурата с княгиней, писатель добавил один небольшой штрих: **«Он немного понимал по-русски, но не мог говорить, и когда не понимал, улыбался, и улыбка его понравилась Марье Васильевне так же, как и Полторацкому»** (35, 30).

Воспоминания Полторацкого были, может быть, единственным документом (не считая писем М. С. Воронцова), где рассказ о Хаджи-Мурате подкреплялся живыми впечатлениями очевидца. В остальном образ своего героя Толстому приходилось восстанавливать, отыскивая отдельные сведения о нем в самых разных

источниках. Так, в 1897 году он беседовал о знаменитом горце с генералом К. А. Дитерихсом, который помнил Хаджи-Мурата по времени его пребывания у русских. Позже Толстой обратился с письмами к сыну и вдове полковника И. К. Корганова — в его доме Хаджи-Мурат жил непосредственно перед своим побегом в горы. **«Всякая подробность о его жизни,** — объяснял писатель А. А. Коргановой, — **во время пребывания у вас, об его наружности и отношениях к вашему семейству и другим лицам, всякое кажущееся ничтожным обстоятельство, которое сохранилось у вас в памяти, будет для меня очень интересно и ценно»** (74, 10). Среди вопросов, занимавших писателя, были такие: **«Говорил ли он хоть немного по-русски?», «Заметно ли он хромал?», «Был ли он строг в исполнении магометанских обрядов, пятикратной молитвы?»** и др. (74, 10). Но кроме этих подробностей Толстого интересовал внутренний мир Хаджи-Мурата, слог его речи, манера поведения в кругу соплеменников.

Речь знаменитого наиба, какой она представилась Толстому, была краткой и афористичной, изобиловала характерными для горцев оборотами. Писатель, как правило, не приводил их дословно, а едва заметно перефразировал, добиваясь предельной естественности их звучания в живой речевой стихии. **«— Пиши: родился в Цельмесе, —** обращается Хаджи-Мурат к Лорис-Меликову, своему биографу, — **аул небольшой, с ослиную голову»** (35, 50). На страницах «Сборника сведений о кавказских горцах» упоминалось это выражение: «аул с ослиную голову — маленький, ничтожный аул»[9]. Хаджи-Мурат в повести однажды прерывает своего собеседника Бату: **«Веревка хороша длинная, а речь короткая»** (35, 10). Эти слова были заимствованы из того же источника; поговорка звучала в нем так: **«Хорошо слово короткое, а веревка длинная»**[10]. **«— Бог да воздаст вам!»** (35, 21) — прощается герой Толстого с хозяевами сакли, где он отдыхал перед своим выходом на русскую линию. Аварцы употребляли в подобных случаях слова: **«Бог да обрадует тебя»**[11].

Образ Хаджи-Мурата в повести вырисовывался как образ глубоко трагический. **«Для Воронцова, для петербургских властей, так же, как и для большинства русских людей, знавших историю Хаджи-Мурата,** — говорил писатель, — **история эта представлялась или счастливым оборотом в кавказской войне, или просто интересным случаем; для Хаджи-Мурата же это был, особенно в последнее время, страшный поворот в его жизни»** (35, 100). Толстой не принял одну из бытовавших версий о том, что переход его героя на сторону вчерашних неприятелей был хорошо продуманной разведывательной акцией, что Хаджи-Мурат, **«ознакомившись со всеми нашими военными порядками, по возвращении в горы... напомнил бы о себе отчаянными набегами»**[12]. По его мнению, знаменитый горец был вполне искренен в своих поступках. Но этот человек оказался между двух берегов: для русского правительства — сомнительный союзник, «обоюдоострая шпага», как отзывался о нем М. С. Воронцов[13]; для могущественного имама, предводителя воюющих горских племен, — смертельный враг.

Писатель знал о том, что Хаджи-Мурат, находясь среди русских, тосковал о своей семье, оказавшейся в полной власти Шамиля. Он пытался добиться у М. С. Воронцова возможности обменять своих родных на пленных горцев, однако, несмотря на обещания царского наместника, дело с обменом не продвигалось. Здесь и была, по мнению писателя, скрыта основная причина затеянного Хаджи-Муратом побега. Такая точка зрения разделялась некоторыми современниками. **«Хаджи-Мурат не устоял в борьбе между ненавистью к Шамилю, которая заставила его перейти к нам и должна была удерживать в среде нашей, и страстью к своим чадам, — и он погиб»**[14], — писал один из них. Для Толстого с его стремлением увидеть во всех поступках отважного наиба прежде всего человеческие мотивы подобный ответ на одну из исторических загадок выглядел самым убедительным. Образ Хаджи-Мурата, каким он сложился в воображении писателя, внутренняя логика его поступков подсказывали, что так оно и было на самом деле. **«Он решил,** — говорит Толстой, — **что надо бежать в горы и с преданными аварцами ворваться в Ведено и или умереть, или освободить семью»** (35, 102). Этот шаг стоил ему жизни.

О том, как Хаджи-Мурат бежал, как был настигнут и, сражаясь, погиб, можно было прочитать у Зиссермана, Потто, у М. С. Воронцова и в ряде других источников. Обращало на себя внимание, что все рассказчики воспринимали смерть Хаджи-Мурата словно бы со вздохом облегчения. Для Воронцова это была «гора с плеч». Для историков, которые видели все случившееся «в значении историческом», важнее всего было то, что Хаджи-Мурат не будет больше оказывать влияния на ход Кавказской войны. Кто из них мог с уверенностью сказать, что было на уме у бесстрашного наиба. События разворачивались в Нухе, городе у южного склона Кавказского хребта, где Хаджи-Мурат, по его просьбе, жил последнее время перед побегом. Выехав, как обычно, на прогулку в сопровождении своих мюридов и конвоя казаков, он с товарищами, удалившись от города, напал на конвой, перебил его и скрылся в направлении к Алазани, но, не сумев перейти до ночи через топкие рисовые поля у реки, заночевал посреди них в кустарнике. Только благодаря случайному обстоятельству беглецов обнаружила погоня.

Толстой рассказывал в повести о том же, обращаясь по ходу повествования то к одному, то к другому источнику. Например, в книге Зиссермана «Двадцать пять лет на Кавказе» говорилось, что уездный воинский начальник И. К. Корганов (тот самый, с женой и сыном которого Толстой позже состоял в переписке), совсем отчаявшись найти Хаджи-Мурата, вдруг неожиданно напал на его след, встретив на дороге проезжающего мимо татарина. **«...Татарин рассказал, что в сумерки, уже собираясь домой, он заметил каких-то пятерых вооруженных верховых людей, разъезжающих по полям...»**[15] Позже он видел, как эти верховые въехали в кусты. **«Карганов,** — говорит писатель, — **уже возвращался безнадежно домой, когда перед вечером ему встретился старик татарин. Карганов спросил у старика, не видал ли он шестерых конных? Старик отвечал, что видел. Он видел, как шесть конных кружились по рисовому полю и въехали в кусты, в которых он собирал**

дрова» (35, 114—115). Единственное расхождение с текстом источника состояло в том, что писатель указал иное число: шесть вместо пяти верховых, и внес небольшую поправку — назвал татарина стариком.

Не меньшую точность во всем, что касалось фактов, сохранил он и в рассказе о предсмертных часах Хаджи-Мурата, когда, окруженный со всех сторон, тот продолжал отбиваться до последнего. **«Хаджи-Мурат,** — писал М. С. Воронцов, — **умер отчаянным храбрецом, каковым и жил; оставив своих лошадей, он спрятался в какую-то яму, которую укреплял с товарищами, копая землю руками; он отвечал ругательствами на предложение сдаться; на его глазах умерли двое его товарищей, и он сам, раненный четырьмя пулями, слабый и истекающий кровью, в отчаянии бросился на атакующих, и тут-то его прикончили»**[16]. В источниках было много ярких деталей: в них упоминалось о том, что выстрелы Хаджи-Мурата и его мюридов отличались меткостью и ранили то одного, то другого из преследователей, что те сперва боялись выходить из-за укрытия и только с прибытием Гаджи-Аги, хана мехтулинского, и его отряда кавказской милиции отважились на прямую атаку, что Хаджи-Мурат затыкал полученные раны кусками ваты, вырванной из своего бешмета... Найденные в источниках подробности проецировались на внутренний мир Хаджи-Мурата, приобретая иной, более глубокий смысл.

Последний миг Хаджи-Мурата вызывал невольное восхищение у всех, кто писал о нем. Это было особенно ощутимо в рассказе Потто: **«Тогда с обнаженною головою, без шапки, Гаджи-Мурат, как тигр, выскочил из своей засады и, с шашкою в руке, один врезался в густые толпы милиционеров. Он был изрублен на месте...»**[17]. Для Толстого отчаянный бросок Хаджи-Мурата, уже смертельно раненного, на своих врагов был особенно важен, как порыв той неистребимой воли к жизни, которая так потрясла его при виде «репья-татарина». И сцена предстала в повести развернутой, рассказанной в мельчайших подробностях, дорисованных воображением писателя, и образ того самого репья единственный раз, в самый необходимый момент, возник прямо в рассказе о Хаджи-Мурате: **«Он собрал последние силы, поднялся из-за завала и выстрелил из пистолета в подбегавшего человека и попал в него. Человек упал. Потом он совсем вылез из ямы и с кинжалом пошел прямо, тяжело хромая, навстречу врагам. Раздалось несколько выстрелов, он зашатался и упал. Несколько человек милиционеров с торжествующим визгом бросились к упавшему телу. Но то, что казалось им мертвым телом, вдруг зашевелилось. Сначала поднялась окровавленная, без папахи, бритая голова, потом поднялось туловище, и, ухватившись за дерево, он поднялся весь. Он так казался страшен, что подбегавшие остановились. Но вдруг он дрогнул, отшатнулся от дерева и со всего роста, как подкошенный репей, упал на лицо и уже не двигался»** (35, 117).

Казалось бы, Толстому для решения этой сцены больше не нужны были никакие образы, так ярко и законченно выглядело все сказанное им о Хаджи-Мурате и о подкошенном репье. Но его повесть не могла завершиться только рассказом о смерти. Писателю требовался еще один штрих, и он был безошибочно найден. Вспоминая о том, как однажды побывал в Нухе, Зиссерман писал на страницах своих мемуаров: **«Вообще Нуха картинностью местоположения, относительною опрятностью, оживленностью, отсутствием удушливого жара, вечерним щелканьем и пересвистом множества соловьев по садам оставляет весьма приятное впечатление»**[18]. **«Соловьев в Нухе,** — скажет Толстой, — **было особенного много»** (35, 114). Их пение слышит Хаджи-Мурат и перед рассветом накануне своего побега; они поют и в тех кустах, где предстоит ему последний в его жизни бой; но и уже после смерти его, буквально через одно мгновение, раздается все та же их песня, бессмертная, как сама жизнь. **«Соловьи, смолкнувшие во время стрельбы, опять защелкали, сперва один близко и потом другие на дальнем конце»** (35, 118).

«...Не перестаю думать о Хаджи-Мурате» (53, 184), — написал однажды Толстой в дневнике. Создавая образ отважного горца, писатель осуществил свое давнее требование к любому рассказу о жизни человека: **«Нужно знание всех подробностей... нужно искусство — дар художественности, нужна любовь»** (48, 125). Но, задуманная как история одного героя, его повесть оказалась книгой «всечеловеческого» масштаба. Для Толстого были очень важны отголоски жизни Хаджи-Мурата, даже самые незначительные, в судьбах других людей. Воронцовы — отец и сын, Николай Первый и Шамиль, русские солдаты и офицеры, горцы, казаки, министры и придворные, крестьяне в далекой заснеженной деревне — все они так или иначе были участниками «давнишней кавказской истории» о бесстрашном наибе. Возникал некий почти безграничный поэтический космос, где все взаимосвязано и одно событие неизбежно отзывается в десятках других. В повести начинала звучать идея о двух полюсах абсолютной власти — в Петербурге и ауле Ведено, идея о страшной разобщенности людей, воюющих друг с другом, идея невольного сближения двух борющихся цивилизаций и неповторимой ценности каждой из них... И все это представало «в фокусе» трагической судьбы Хаджи-Мурата.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Наиболее полно процесс создания повести отражен в книге: Сергеенко А. П. «Хаджи-Мурат» Льва Толстого. М., 1983.
2. Гольденвейзер А. Б. Вблизи Толстого. М., 1922. Т. 1. С. 38.
3. Полторацкий В. А. Воспоминания//Исторический вестник. 1893. № 4. С. 85.
4. Потто В. А. Гаджи-Мурат: Биографический очерк//Военный сборник. 1870. № 11. С. 181.
5. Зиссерман А. Л. Генерал-фельдмаршал князь А. И. Барятинский. М., 1889. Т. 1. С. 136.
6. Полторацкий В. А. Указ. соч. С. 86.
7. Там же.
8. Там же. С. 78.
9. Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис. Вып. 1. 1868. Отд. IV. С. 14.
10. Там же. Отд. V. С. 7.
11. Там же. С. 6.
12. Зиссерман А. Л. Двадцать пять лет на Кавказе: 1842—1867. СПб., 1879. Ч. 2. С. 95.
13. Воронцов М. С. Письма к А. И. Чернышеву (с французского)//Русская старина. 1881. № 3. С. 666.
14. Русская старина. 1881. № 3. С. 679. Автор не указан.
15. Зиссерман А. Л. Двадцать пять лет на Кавказе... Ч. 2. С. 93.
16. Воронцов М. С. Указ. соч. С. 663.
17. Потто В. А. Указ. соч. С. 185.
18. Зиссерман А. Л. Двадцать пять лет на Кавказе... Ч. 1. С. 319.

«ПРОСТИТЕСЬ СО СНОМ И ПОКОЕМ»

Песни, созданные Шамилем на арабском языке, пели его мюриды, вступая в сражения. Первая из них — это обращение к «святым Тариката», вторая состоит из призывов имама к мюридам. Поскольку их русский перевод практически неизвестен, предлагаем читателю познакомиться с ним.

Рабы Аллаха, люди Аллаха!
Помогите нам, ради Аллаха![1]
Окажите нам помощь вашу,
Может успеем, милостью Аллаха

Для Аллаха, рабы Аллаха,
Помогите нам, ради Аллаха!

Вы, актабы, вы, аудаты,
Вы, абдали, Вы, ас, яды[2]
Помогите нам, помогите нам,
И заступитесь перед Аллахом.

Для Аллаха и т.д.
(этот припев повторяется после каждого куплета)

К кому пойдем мы, кроме вас?
У нас никого нет, кроме вас.
От вас одних мы ждем блага,
Святые вы, божьи люди.

Умоляем мы святых Аллаха,
Увеличивавших мучения врага,
Они истинная дверь пути,
И мы ищем эту дверь,

Аллах, ради святых твоих,
Устрой нашу желанную цель,
Чтобы нам счастье улыбнулось,
Чтобы нам покоиться в Аллахе[3].

О, Тахи, О, Ясин,
О, Химим, О, Тасын![4]

Мы несчастные рабы твои,
Тебе одному воссылаем славу.

Услышали, Аллах, твою волю,
Вот и желание, вот и цель.
Твое имя девиз наш,
Слава тебе, оружие наше.

О нуждах наших просили мы вас,
Теперь мы к вам за получением.
Умоляйте Аллаха, молите Аллаха,
Ради имен и атрибутов,
Ради существа высочайшего,
Ради святых, ради пречистых,
Ради пророков, ради их подвигов.

Ради Таха, миров владыки[5],
Ради Алия пресвятого,
Вы, свет очей истины,
Ведите нас к желанной цели.

Именем Господа, вас избравшего,
Святость вам даровавшего,
Идите, идите, помогите.
Для Аллаха, рабы Аллаха,
Помогите нам, ради Аллаха.

* * *

Обнажите меч, народ,
На помощь идите к нам,
Проститесь со сном и покоем,
Я зову вас именем Аллаха.

Ради Аллаха и т.д.

На помощь, сердечные,
Идите, покорите,
Покорите, други,
Покорите, избранники!

Зейнул-Абидин меж вами.
Вот он стоит у дверей,
Он дрожит от вашей нетвердости
И молится Аллаху единому.

Вот двери к Иегове,
Идите, спасайте, торопитесь,
Заблудшие отстали,
Отстали от людей Аллаха.

Не раз мы покоряли,
Не раз мы молились с друзьями[6],
Не раз ходили кругом меж нами
чаши[7],
Не раз мы пивали из них,
вспоминая имя Аллаха.

Мы делали обходы, мы успевали,
Мы обращались,
Мы спасали людей повсюду,
Мы находили божьих людей.

....

Зейнул-Абидин внушает вам,
Он стоит у дверей ваших,
Аллах, сохрани от отступления,
Ну, сподвижники, в деле божьем...

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Обращение к духам святым (аулия). В Тарикате у них много имен, а всех называют общим именем риджалюл-лах — божьи люди.
2. Актаб — полюсы, аудат — связи, звенья и т.п. Имя Абдали присваивается в Тарикате семидесяти «избранникам божьим из числа достигших совершенства».
3. Можно понимать двояко: или достигшие цели прославляли Аллаха в мире и тишине, или павшие в бою упокоились в лоне святых.
4. Главы Корана.
5. То есть ради пророка Мухаммеда.
6. То есть мы покорили отпавших братьев-мусульман, покорившихся «неверным», и молились с ними, и радовались их спасению.
7. Под чашей имеется в виду, как у Хафиза, по толкованию мистиков, любовь. Шамиль был ярым противником употребления вина.

Публикация и примечания
М. КОРКМАСОВА

БИТВА СРЕДИ УЩЕЛИЙ

Слово «панорама» — греческого происхождения. Оно образовалось от двух корней: pan — все и horama — вид, зрелище. В изобразительном искусстве это не только большое полотно, имеющее форму замкнутого круга, это особый вид синтетического творчества, включающий живопись на холсте, макет или предметный план, архитектурный объем и техническое оснащение, с помощью которого достигается освещение отраженным светом и определяется точка зрения.

Большие размеры полотна, наличие предметного плана, своеобразные движения больших масс людей как бы разрушают плоскостность, то есть «картинность», изображения — и зритель почти становится участником представленных событий.

...Огромный вклад в развитие панорамного искусства России внес Франц Рубо. На Всероссийской выставке в Нижнем Новгороде в 1896 году экспонировалась в специально сооруженном здании его первая панорама «Штурм аула Ахульго», высоко оцененная русским и зарубежным зрителем. Баварская Академия художеств присвоила баталисту за эту работу звание профессора, а немецкое правительство наградило орденом святого Михаила. В панораме, как и в одноименной картине Тифлисского музея, изображен штурм русскими войсками резиденции Шамиля около 11 часов 22 августа 1839 года.

Живописное полотно панорамы полностью не сохранилось. Уцелели лишь отдельные фрагменты и подготовительные работы. Это обстоятельство затрудняет изучение зрелого периода творчества Рубо, связанного с началом работы над панорамной формой. Возможно, поиски воспроизведений «Штурма аула Ахульго» и реставрация сохранившихся в Махачкале фрагментов полотна дадут возможность специалистам по достоинству оценить это произведение баталиста.

Павильон для экспонирования панорамы на Нижегородской выставке был одним из наиболее заметных зданий. Он располагался перед художественным отделом и представлял собой цилиндр, окружностью в сто метров, с высоким яйцевидным, наполовину стеклянным куполом. Над входом был помещен фронтон, увенчанный скульптурной группой, изображавшей схватку русского солдата с горцем.

В панорамный зал вела широкая удобная лестница. По ней зритель попадал как бы на крышу сторожевой башни, откуда разворачивалась бесконечная перспектива величественного пейзажа Кавказских гор. Быстро бегущая и пробивающаяся сквозь скалы река Койсу с почти отвесными берегами делит местность на две части. На высоких скалистых берегах реки расположились грозные, почти неприступные стены аула Ахульго — их штурмуют русские войска. С одного берега Койсу на другой переброшен зыбкий деревянный мостик, находящийся под башней.

Передовые твердыни врага на правом берегу уже взяты русскими солдатами. Там устроен перевязочный пункт. Артиллерийские батареи занимают господствующие высоты, чтобы в момент штурма обстреливать хорошо укрепленные аулы горцев. Там же, на возвышенном берегу Койсу, — главнокомандующий генерал П. Х. Граббе со своей свитой. Он наблюдает за отчаянным боем, разгоревшимся на узких улочках аула, на крышах жилищ, которые защищают не только вооруженные мужчины, но и женщины и дети. Они сбрасывают на головы штурмующих солдат огромные камни, выливают кипящую воду.

Рисуя баталию, Рубо сопоставляет действия противника в разных эпизодах. Одна из групп горцев в бурном движении пытается смять русскую пехоту, вступив с ней в рукопашную схватку. Отряд русских смельчаков проник почти в центр вражеской позиции и сражается под убийственным огнем. В узком переулке неожиданно появляется новая колонна штурмующих, и защитники Ахульго бросаются ей навстречу, мечутся, отступают и снова вступают в бой. Их экспрессивным движениям, хаотичным ритмам противостоят слаженные и энергичные действия русских солдат, вносящих рациональное начало в разбушевавшуюся стихию боя.

Предметный план, соединявший плоскость картины с основанием зрительной площадки, способствовал созданию иллюзии соучастия и усиливал эмоциональное воздействие панорамы. В натуральную величину выстроенные сакли, части моста через Койсу, фигуры людей были исполнены так тщательно, что переход от макета к изображению на холсте казался почти незаметным, вызывая ощущение реальности.

Судьба панорамы сложилась трагично. После выставки в Нижнем Новгороде она была приобретена русским правительством для Кавказского военного округа. Но в Тифлисе, где ее предполагалось установить, панорама так и не была показана. Почти тринадцать лет холст в скатанном виде хранился в «Храме Славы». И только в 1909 году, когда временно освободилось здание панорамы «Оборона Севастополя», «Штурм аула Ахульго» по разрешению Военного министерства разместили в Севастополе.

За короткий срок Рубо вместе с помощниками восстановил утраты холста и красочного слоя панорамы, и она более года экспонировалась в Севастополе. Затем ее вновь перевезли на Кавказ и больше не устанавливали. От плохого хранения живописное полотно сильно пострадало, и оставшиеся от него фрагменты теперь недоступны для осмотра...

* Фрагменты из книги О. Федоровой «Франц Рубо» (М., 1982).

КАК ВОССТАНОВИТЬ ШЕДЕВР?

О поиске и реставрации знаменитой панорамы Ф. А. Рубо «Штурм аула Ахульго» рассказывает директор Дагестанского художественного музея ПАТИМАТ ГАМЗАТОВА

Когда в 1964 году я пришла в краеведческий музей, это было еще маленькое здание с небольшой коллекцией. Мне стало известно, что у нас должны храниться остатки знаменитой панорамы Рубо «Штурм аула Ахульго». Директор музея категорически утверждал: ничего от панорамы не осталось. Да, она поступила в Дагестан в 30-х годах из Ленинграда, по просьбе министра просвещения Дагестана. Однако хранилась скатанной в рулон, в неприспособленных помещениях. Перед войной дирекция краеведческого музея и художники открыли холст, увидели, что он в плохом состоянии (сильно разрушен красочный слой), списали панораму, разрезали на куски — короче, от нее ничего не осталось.

Но мне уже было известно, что сохранились как минимум три фрагмента, которые еще можно спасти. Однако мои обращения к руководству музея отклика не нашли.

В семидесятых годах наш художественный музей занял помещение краеведческого. Когда мы во время капитального ремонта чистили хранилище, под свалкой мусора мы обнаружили три старых холста. Это и были те три фрагмента панорамы. Я собрала экспертизу, пригласила искусствоведа Петропавловского, двух известных московских реставраторов, восстанавливавших в свое время Бородинскую панораму. Мы расстелили фрагменты и попытались в них разобраться, затем составили смету для реставрации. Специалисты готовы были начать восстановление тотчас же, но у нас не было необходимых условий, надо было везти фрагменты в Москву, в центральные реставрационные мастерские. Я повезла документацию и смету.

В Министерстве культуры России я показала фотографии и фрагменты, на что последовал странный ответ: нам сейчас такая работа не нужна, это не в ногу с современными требованиями, нам нужна тема дружбы народов и так далее. Я стала настаивать, ведь эта война — трагедия, и не против горцев или русских написана панорама. Ответили: идите к министру и доказывайте там. Министр повторил то же, что говорили его замы. Но, видя мою настойчивость, попросил привезти рекомендацию областного комитета партии. Но и в обкоме мне отказали, приведя те же доводы, что и в министерстве.

В первой половине 80-х годов в Дагестан приехал заместитель предсовмина по вопросам культуры Кочимасов. Хорошо помню, как я провела его по всем залам нашего музея. У картины Рубо «Штурм аула Ахульго» (она была написана до панорамы) он начал выяснять подробности об этом полотне и его художнике. Я почувствовала, что именно сейчас нужно рассказать о панораме, ее истории и нынешнем плачевном положении. Кочимасов пообещал помочь. И действительно, вскоре Министерство культуры России распорядилось о реставрации фрагментов панорамы в Ленинграде, в «Росмонументискусстве», и даже решило оплатить работу над первым фрагментом. Увы, прошел год, два, а за реставрацию все не принимались.

И только в 1988 году мы получили наконец первый отреставрированный фрагмент. Самому этому факту мы были очень рады, но качеством художественной работы огорчены. Она совершенно не соответствовала ни манере письма Рубо, ни цветовой гамме самих Дагестанских гор. Художественный совет музея решил тогда ограничиться только технической реставрацией остальных фрагментов, что и было сделано. В таком состоянии панорама находится и поныне.

Уже несколько лет я веду переговоры о восстановлении самой панорамы. Нам помогли найти в Эрмитаже фотографию панорамы Рубо, в художественной студии имени Грекова согласились провести реставрационные работы. Они уже укомплектовали творческую группу, в которую по нашей просьбе ввели нескольких живописцев-дагестанцев. Нашлись и меценаты — «Дагэнерго», которые будут не только финансировать строительство павильона под панораму, но и строить! Фонд Шамиля (его возглавляет профессор Дибир Магомедов) и наш музей объявили конкурс на лучший проект панорамы, и сейчас мы ждем его результатов.

Верю: времена изменились, и не так уж далеко та пора, когда люди будут ездить в Махачкалу, чтобы увидеть знаменитую панораму художника Ф. Рубо «Штурм аула Ахульго».

МИХАИЛ ГЕФТЕР,

ПРИКОСНОВЕНИЕ К ПРАВДЕ

Эти отрывки — из дневника пятилетней давности. Сердечная катастрофа разъяснила мне, что выжить и возвратиться в жизнь далеко не одно и то же. Врачи исчерпали ресурс умения и доброты, когда на помощь пришел томик повестей Толстого. В душной палате я глотал горный воздух. Хаджи-Мурат раздвинул стены. Живые и мертвые еще раз вернули меня в Мир...

20.X.1987.
...От «Казаков» перехожу — скачком — к «Хаджи-Мурату», последнему слову и истинному завещанию Толстого. Восемь лет, десять редакций! «Хаджи-Муратом» Толстой расправился с Николаем Павловичем и всей николаевщиной в характерах и душах: с этим принуждением человека быть одним и тем же, ***не сметь меняться***.

26.X.
...«Хаджи-Мурат» зовет. Зверь-человек среди не-людей. То есть не вполне так. В последнем своем творении (в великом «кавказском» ряду русского слова и мысли) ни единой капли романтизма. Толстой не на стороне горцев как таковых. Они близки ему своей страшной, почти не задетой цивилизацией гармонией природы и человека, неотделимого от гор, — живых действующих лиц. В «Казаках», в сущности, нет горцев — они враги и жертвы. Они интересны ему лишь как неотъемлемость захватившего его казачьего строя жизни. Тут — иначе: горцы в центре. Все отражено светом их жизни, неизменяемой так же, как обманчивая близость и красота снежных вершин. Шамиль — зверь и Хаджи-Мурат, геройский и простодушный и вместе с тем умный и тонкий, — тоже зверь. Но их зверство оправдано. Не оправдано же все, что идет от николаевской России: сам владыка и холопы его «сверху донизу». Единственный просвет (и как это важно для Толстого!) — Авдеев, вырванный из своей естественной деревенской среды. Все остальное — ложь в широчайшем спектре от беспомощной доброты до исполнительского рвения убийц. Ложь, которой живет (сотворяя ее) Николай и которая поглощает, раньше или позже, все иное в людях, которые на поверку не-люди, «живорезы», как говорит кровная (смыслом и духом) Авдееву Марья Дмитриевна, сожительница добродушного пьяницы майора. Жесткая, жестокая, страшная, великая поэма — вызов «Кавказскому пленнику».

Одно место не могу не выписать. Это набег на аул Садо — типический по отсутствию здравой мысли и крупицы человечности. Толстой «передает» реакцию сокрушенных горцев: «О ненависти к русским никто не говорил. Чувство, которое испытывали все чеченцы от мала до велика, было сильнее ненависти. Это была не ненависть, а непризнание этих русских собак людьми и такое отвращение, гадливость и недоумение перед нелепой жестокостью этих существ, что желание истребления их, как желание истребления крыс, ядовитых пауков и волков, было таким же естественным чувством, как чувство самосохранения».

Не только умом, но и больным сердцем я почувствовал эти строки адресованными мне, ждущими от меня непременного ответа. Вспомнился давнийший (44-го г.) разговор с С. П. Т-вым, его уверенные слова: горцы были главной помехой главному делу — спасению христианских народов, вообще Закавказья, от чужестранного геноцида. Тогда меня это не то чтобы убедило, но заставило сильно колебнуться в сторону от инстинкта и привычного чувства. Не буду вспоминать дальнейшее. Я не настолько туп, чтобы считать себя «исправившимся». Напротив. Все сильнее вопрос (внутри): кто же я, кто — в конце жизни? Кто я — по отношению к России и русскому, к единственному, что знаю душой, глазами, телом, всем существом своим?

Кто же я?

Вопрос точит, не уходит, возвращаясь к ночи, — кто же я в конце концов? Русский космополит? Аутсайдер на собственный лад? А сыны? Понимают ли они меня? Мою трагедию самоискания, самонахождения, самоутраты?

28.X.
...Только что кончил «Хаджи-Мурата» — с неожиданно сильным чувством прикосновения к какой-то особой правде, которая не принадлежит никому в отдельности, никому вообще, а всем людям незаметно для них самих. Это правда жизни, концом которой является смерть. Разная и несмотря на все ее различия сближающая людей больше, чем все остальное на свете, соединяющая их поступки, успехи, подвиги и подлости, идеальное и скверное, собирающая в одно — жизнь. Эту тайну Толстой открывал с первых своих шагов и, открывши, не уставал открывать снова и снова. И десять редакций «Хаджи-Мурата» не от старости, а от этой неотвязности, неукротимой жажды и силы открывания, которой был он сам как человек, иначе утративший бы смысл собственного существования.

А как жить, доживать, узнавши, прикоснувшись к этому, мне? Как написать хоть что-то... проникнутое в отборе, в думании, в связях фрагментов этим толстовским чувством, которое теперь и мое, которое отныне и я?

ФОТО АНАТОЛИЯ ЧЕРЕЯ

Говорят, что деды были
Боевой народ —
Уксус пили и хвалили,
Говорили: «Мед!»

Пили, пели,
Аж кряхтели,
Портить пира не хотели.
Деды засевали мало,
А зато росло.

Кумыкская песня

ДМИТРИЙ ВЕДЕНЕЕВ

77 тысяч
человек потеряла Россия в Кавказских войнах

П. Грузинский. Штурм Гуниба. Дагестанский краеведческий музей

Изучая историю войн нашего Отечества, никогда нелишне помнить, какой большой кровью оплачивали российские воины успех боевых кампаний. В дореволюционной России всегда на должной высоте находилось благородное дело увековечения памяти павших на поле боя: это и возведение монументов, церквей, часовен на местах жарких битв, и памятники выдающимся защитникам России, и издание печатных трудов по истории отдельных частей и соединений, куда помещались синодики в память о погибших однополчанах.

Своеобразным памятником россиянам, погибшим в Кавказской войне 1801—1864 годов, стала книга «Сборник сведений о потерях Кавказских войск во время войн кавказско-горской, персидских, турецких и в Закаспийском крае 1801—1885», изданная в Тифлисе в 1901 году и ставшая библиографической редкостью.

Сборник был составлен сотрудниками военно-исторического отдела при штабе Кавказского военного округа под руководством А. Л. Гизетти и издан под редакцией известного знатока истории Кавказской войны генерал-майора Потто. Составители книги обработали огромный массив документов из кавказских военных архивов. О скрупулезности проделанной ими работы свидетельствует хотя бы тот факт, что невыясненными остались имена лишь погибших офицеров Кавказского корпуса (с 1854 года Кавказской армии).

По подсчетам составителей сборника, общие боевые потери российской армии за 64 года войн на Кавказе составили:

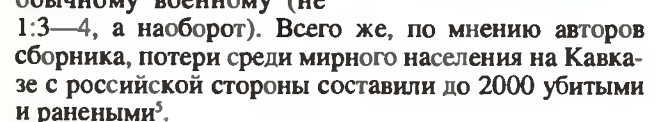
убитыми: 804 офицера и 24 143 нижних чина;
ранеными: 3154 офицера и 61 971 нижний чин;
пленными: 92 офицера и 5915 нижних чина[1].

В число безвозвратных потерь не включены военнослужащие, умершие от ран или погибшие в плену (нередкими бывали случаи расправ над пленными; например, в 1854 году Шамиль распорядился расстрелять группу пленных российских офицеров[2]). Кроме того, по мнению составителей, число умерших от болезней в местах с неблагоприятным для европейцев климатом в три раза превышает число погибших на поле боя[3].

Нельзя не вспомнить и о погибших при набегах горцев на населенные пункты Кавказской линии, Лезгинской кордонной линии, укрепления Черноморского побережья Кавказа мирных жителях, занимавшихся хозяйственным освоением новых земель империи, обеспечением войск.. При этом в отдельных случаях потери гражданского населения значительно превышали потери среди военных. Так, при набеге Кази-Муллы на город Кизляр 1 ноября 1831 года среди военнослужащих было убито 23 и ранено 9 человек, тогда как среди «некомбатантов» погибли 103 и получили ранения 29 человек[4]. Судя по цифрам, нападения совершались, как правило, тогда, когда рядом не было регулярных войск, отсутствовала должная вооруженная защита мирного населения, и отличались жестокостью, борьбой «на уничтожение» — иначе как объяснить, что соотношение между убитыми и ранеными в этих случаях было, скорее, противоположным обычному военному (не 1:3—4, а наоборот). Всего же, по мнению авторов сборника, потери среди мирного населения на Кавказе с российской стороны составили до 2000 убитыми и ранеными[5].

Неизвестный художник. Переноска раненых в горах. Дагестанский краеведческий музей.

Таким образом, можно предположить, что за время Кавказских войн безвозвратные потери военнослужащих и мирного населения Российской империи, понесенные в результате боевых действий, болезни, гибели в плену, достигают не менее 77 тысяч человек.

Основными видами боевых действий кавказских войск были: взятие укрепленных пунктов неприятеля (практически каждый горский аул представлял собой труднодоступную крепость в силу места расположения и особенностей «архитектурного стиля»), отражение нападений горцев на российские форты, походы (различались «набеги» и «экспедиции») в глубь территории противника, овладение мостами и переправами, борьба за коммуникации, жизненно важные для войск в условиях горно-лесистого театра военных действий, а также бесчисленные мелкие стычки с небольшими «партиями» черкесов. Боевыми столкновениями сопровождались даже строительные работы и заготовка дров.

Значительное количество потерь объяснялось почти непрерывным ходом боевых действий, крайне сложными условиями Кавказского театра военных действий, отдельными серьезными просчетами командования. Горцы обладали определенными преимуществами, поскольку воевали «у себя дома». Кроме того, сопротивлялись они ожесточенно. Как писал участник войны на Кавказе, они весьма редко сдаются в плен, оказывают отчаянное сопротивление, случалось, что даже женщины бросались в бой с пистолетами и кинжалами[6].

С 1801 по 1830 год боевые потери российской армии на Кавказе не превышали нескольких сот человек в год и были связаны преимущественно с отражением отдельных набегов и вооруженных выступлений горцев. Например, в 1829 году общие потери составили 299 человек убитыми и ранеными[7].

Ситуация резко изменилась к началу 30-х годов XIX столетия. В декабре 1828 года Гази-Мухаммед (Кази-Мулла) был провозглашен имамом Чечни и Дагестана. В 1829 году он объявил «священную войну» (газават) против русских. Боевые действия значительно активизировались. Войска имама заняли большую часть Аварии, захватили Тарки, Кизляр, Дербент — «ворота» в Закавказье со стороны Каспийского побережья. Лишь к концу 1831 года экспедиция генерала Г. Розена оттеснила Кази-Муллу в горный Дагестан. 17 октября 1832 года имам был заколот штыками в рукопашном бою при штурме аула Гимры.

В период боевых действий с Кази-Муллой возросли и потери в кавказских российских войсках: 1364 человека убитыми и ранеными в 1830 году, 2768 — в 1831 году, 1897 — в 1832 году[8]. Затем, до 1839 года, когда закончилось перемирие с горцами (1837—1839), наблюдается временный спад потерь.

К началу 40-х годов имаму Шамилю, ученику Кази-Муллы, удалось взять под контроль большую часть Чечни и Дагестана. Это позволило горцам развернуть активные боевые действия, успеху которых способствовал запрет военного министра России князя А. И. Чернышева на ведение наступательных кампа-

ний, ограничивавший пребывание войск гарнизонами прибрежного Дагестана.

Войска Шамиля вплоть до 1846 года удерживали стратегическую инициативу. В 1840—1846 годах российские войска понесли наибольшие потери. Одним из самых кровопролитных стал 1845 год, когда Кавказский корпус потерял убитыми 56 офицеров и 1525 нижних чинов, а ранеными соответственно 249 и 3791[9]. Именно на этот год пришлась и самая «дорогая», с точки зрения боевых потерь, операция российских войск — Даргинская экспедиция 6—21 июня. Ее ход как нельзя лучше показывает все те трудности, с которыми сталкивалась армия России при ведении войны на Кавказе.

Назначенный в 1845 году главкомом кавказских войск граф М. Воронцов принял решение о захвате главной базы снабжения войск имама Шамиля — аула Дарго. На подступах к Дарго колонна Воронцова в течение 7 часов продвигалась через леса под непрерывным огнем противника. Приходилось с боем брать каждый завал. Осадив аул, экспедиционный отряд вскоре сам оказался окруженным превосходящими силами горцев и, понеся значительные потери, едва сумел пробиться навстречу спешившей на подмогу колонне генерала Фрейтага. Экспедиция, прозванная участниками «сухарной», так и не достигнув основной цели, унесла жизни трех генералов (армейских — Фока, Пассека и начальника 6-го округа корпуса жандармов Викторова), 41 офицера, 1017 нижних чинов; ранено было 175 офицеров и 2576 солдат[10]. Потери в «деле» под Дарго на 1200 человек превысили общие потери российской армии за всю войну с Персией 1826—1828 годов!

То, что Шамиль временно овладел инициативой, поставило в затруднительное положение отдельные гарнизоны и части Кавказского корпуса. В августе 1843 года 10-тысячный отряд горцев осадил аул Унцукуль с российским гарнизоном в 140 штыков при трех орудиях. На выручку осажденным поспешил сводный отряд подполковника Веселицкого и Мингрельского егерского полка. Однако силы были явно не равны, и отряд Веселицкого был полностью истреблен, потеряв убитыми 11 офицеров и 477 солдат (в плен попал лишь один человек)[11].

Примером стойкости при исполнении воинского долга послужила оборона российскими гарнизонами фортов на Черноморском побережье Кавказа, возведенных для пресечения боевого снабжения Шамиля со стороны Турции и Англии и для предотвращения работорговли. Подвергшись нападению многократно превосходящих сил противника, гарнизоны фортов сражались буквально до последнего солдата и почти полностью полегли в бою. В плен попали лишь тяжелораненые воины. В 1840 году при защите форта Лазарева погибли 172 военнослужащих и попал в плен 21, форта Вельяминовского — 284 и 16, Михайловского — 429 и 80 человек[12].

Меньше боевых потерь было в 1853—1856 годах, когда основные силы русской армии были сосредоточены на Крымской войне.

С 1856 года главнокомандующий Кавказской армией и наместник на Кавказе генерал А. Барятинский развернул с трех сторон концентрическое наступление на Чечню и Дагестан. Он усилил блокаду непокорных местностей, произвел перегруппировку войск, изменил административное устройство края.

Рост боевого опыта, тактические усовершенствования, перевооружение на нарезное оружие позволили добиться существенного снижения потерь в войсках. Это хорошо прослеживается на примере операции по овладению главной резиденцией Шамиля аулом Ведено. Подступы к хорошо укрепленному аулу обороняли шесть редутов с гарнизоном в 500—600 человек в каждом. Применив интенсивный артогонь, войска Барятинского сломили сопротивление противника и смелым маневром захватили Ведено. Участь Шамиля была предрешена. Борьба за овладение Ведено с 1 января по 1 апреля 1859 года обошлась Кавказской армии всего в 36 убитых, причем непосредственно при штурме погибли два человека[13]. 25 августа 1859 года в ауле Гуниб сдался в плен сам Шамиль со своими мюридами. 21 мая 1864 года российские войска заняли последний очаг сопротивления — урочище Кбаада. Этот день считается днем окончания Кавказской войны.

Материалы сборника дают возможность выделить и главных участников боевых действий по родам войск. Наибольшие потери (на примере погибших офицеров) понесли пехотные и егерские полки (364 убитых офицера из 804 в целом), казачьи части, участники едва ли не всех войн, что вела Россия (126), милиционные формирования кавказских народов, сражавшиеся на стороне России (52), линейные батальоны (50); потери несли и кавалерийские части, полевая и гарнизонная артиллерия, гвардейские пехотные и гренадерские полки, саперные части[14].

Об интенсивности боев, их ожесточенном характере свидетельствует и то обстоятельство, что среди погибших было 13 генералов и 21 командир части[15]. Кавказская война уносила жизни лучших представителей российского общества, его интеллектуальной и творческой элиты — общеизвестно, сколько талантливых личностей, ставших в оппозицию к властям, было сослано на Кавказ в действующую армию.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Сборник сведений о потерях Кавказских войск во время войн кавказско-горской, персидских, турецких и в Закаспийском крае.Тифлис,1901. С. II.
2. Там же.
3. Там же. С. III.
4. Там же. С. 28.
5. Там же. С. III.
6. Романовский И. Кавказ и кавказские войны. СПб., 1860. С. 236.
7. Сборник сведений... С. 128.
8. Там же.
9. Там же. С. 80.
10. Там же. С. 77.
11. Романовский И. Указ. соч. С. 286.
12. Сборник сведений... С. 52—53.
13. Романовский И. Указ. соч. С. 438—440.
14. Сборник сведений... С. 129—130.
15. Там же. С. 123.

Бочка Данаид

Публикуемые письма Александра Васильевича Головнина (портрет справа) Дмитрию Алексеевичу Милютину очень интересны и значительны по своему сюжету, так же как и их автор и получатель, бывшие видными представителями либеральной бюрократии. Головнин, ближайший соратник великого князя Константина Николаевича, в 1861 году стал министром народного просвещения, а Милютин, в 1856—1860 годах начальник Главного штаба, в 1861—1881 годах возглавлял Военное министерство; оба провели либеральные преобразования в своих ведомствах.

Само время написания писем — особая эпоха в истории России: наступление оттепели, гласности, канун отмены крепостного права и Великих реформ. Поражение России в Крымской войне, Парижский мир 1856 года, лишивший страну ореола непобедимого колосса, всеобщее недовольство системой, несостоятельность которой стала очевидной, — все это ставило на повестку дня необходимость преобразований во всех сферах жизни. Известный историк М. П. Погодин писал в мае 1856 года: «Медлить нельзя, надо вдруг приниматься за все: за дороги, за заводы, за гимназии и университеты, за промыслы и торговлю, за крестьян, чиновников, дворян, духовенство, за финансы, за все, за все!»* Среди множества вопросов, которые предстояло решить правительству, Кавказ занимал существенное место.

Окончательное присоединение Кавказа имело для России большое политическое значение. Александр II и подавляющая часть высшей бюрократии стояли за решительные действия в этом регионе, не останавливаясь перед огромными затратами на содержание армии. Однако раздавались и голоса против такой политики, поглощавшей 17% общегосударственного бюджета в то время, когда правительство признало, что страна находится на грани финансового кризиса. Головнин был среди этих немногих. Он считал, что непомерные расходы на Кавказ разорительны для бюджета, для русского крестьянства, для исконно русских центральных губерний. Об этом он пишет Милютину убежденно и страстно.

Но блестящие успехи русского оружия в Дагестане и Чечне примирили Головнина с руководителями Кавказа, о чем свидетельствуют последние два письма. Милютин имел основания сказать в своих воспоминаниях по поводу этих писем: «...с трудом веришь, что они писаны тем же пером, которое еще так недавно систематически ратовало против излишества расходов на Кавказ, против расточительности и славолюбия его наместника (А. И. Барятинского. — *Л. З.*). Вообще в Петербурге — и в публике, и в правительственных сферах — заговорили о Кавказе совсем иначе, чем прежде»*. Воистину, победителей не судят.

И все же Головнин был человеком убеждений. Уже в июле 1860 года в его письме к наместнику Кавказа Барятинскому с новой силой зазвучит прежний мотив об оскудении русского центра и будет сделан пронзительно точный и трагический прогноз: победы на Кавказе, предстоящая отмена крепостного права, слава Царя-Освободителя еще не гарантируют процветания и благоденствия России; если правительство не остановится в

Публикация подготовлена по подлинникам, хранящимся в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (Ф. 169. Оп. 2. Карт. 61. Ед. хр. 25—26).

* Погодин М. П. Историко-политические письма и записки в продолжение Крымской войны. М., 1874. С. 260.

* ОР РГБ. Ф. 169. Оп. 1. Карт. 13. Ед. хр. 2. Л. 112—112об.

своей политике ограбления народа, внук Александра II увидит поднявшихся на борьбу русских крестьян, «которые теперь еще только грудные младенцы». Будущее России рисуется Головнину «крайне беспокойным», и мысли о ее судьбе даже в феврале 1861 года преследуют его «как кошмар»*.

1.

Дрезден. 2/14 октября 1856.

Почтеннейший Дмитрий Алексеевич. Сегодня узнал я из письма Д. П. Хрущева[1], что по просьбе кн. Барятинского[2] Вы назначены начальником штаба на Кавказ. Вот назначение, с которым от души поздравляю Вас и Кавказ. Как ни жаль, что придется оставить ученые исторические труды[3], но теперь Вам предстоит такое поприще полезной свободной деятельности, что нельзя не порадоваться. Вам следует теперь уже не описывать подвиги других, а самому подвизаться, предоставляя другим со временем описывать и изучать Ваши деяния. Этим одним назначением кн. Барят[инский] оказал уже услугу Кавказу и показал, что умеет выбирать людей. Вам конечно теперь хлопот будет и не до писем, а потому я немного напишу. Я провел очень приятно месяц в Париже и проживу теперь недели две в Дрездене, а 23 окт[ября] ст[арого] ст[иля] надеюсь выехать из Варшавы в почтовой карете в П[етер]бург и потому вероятно уже не застану Вас там. Искренно желаю Вам всего лучшего, здоровья, сил и успехов.

Предан[ный] В[ам]

Головнин.

2.

Стрельна. 23 июля [1857]

Почтеннейший Дмитрий Алексеевич. Прилагаю Вам записку по делу одной соседки, бедной помещицы, которая просит поторопить оное. Сделайте мне большое одолжение, постарайтесь устроить что можно и уведомите, пожалуйста. По возвращении из-за границы я захворал вследствие резкой усталости, а потом ездил в деревню уволить крестьян моих в обязанные[4]. Я отдавал им то же количество земли, за которое теперь они платят по 18 р. сер. с тягла оброк и назначил плату по 10 р., но они не согласились. Очень меня благодарили, но просили оставить крепостными, уверяя, что земская полиция в один год разорит их. Возвратясь сюда с полным неуспехом, я нашел, что здесь проснулось дело освобождения крестьян, и я решился представить в Комитет мой проект, отложив скромность в сторону.

Вел[икий] князь назначен членом Комитета[5]. Прилагаю Вам проект мой и прошу Вас возвратить с Вашими замечаниями, за которые буду очень благодарен. Нового впрочем ничего нет. Читаем реляции о Ваших победах и радуемся. Но еще бы лучше, если бы денег меньше требовали на Ваше Азиатское царство, или если б указали новые источники дохода, а то куда тяжело русскому мужику вырабатывать деньги на расходы и у Вас, и в Польше, и в Остзейском крае, и в Финляндии, и на завоевание Амура, и на Киргизские степи. Право тяжело приходится, особенно когда вспоминаешь, что дают нам все эти края?

Буду посылать Вам для прочтения разные любопытные бумаги по мере возможности, но скажите наперед, есть ли Вам время читать. Пишите мне в Мрамор[ный] Дворец[6]. Я поселился на всю осень в Стрельне[7], а путешествие на Кавказ отложено до будущего года, ибо осенью Государь[8] опять едет за границу, а Вел[икий] князь остается здесь правителем.

Поклонитесь, пожалуйста, весьма низко и усердно супруге Вашей.

Предан[ный] В[ам] *Головнин.*

3.

С.-Петербург. 14 марта 1858.

Почтеннейший Дмитрий Алексеевич. Сегодня получил я письмо Ваше от 24 февраля[9] и от души благодарю за то, что Вы не рассердились на меня окончательно и не раззнакомились вследствие моих скорбных писем к князю Барятинскому[10]. Я могу ошибаться, но я слишком уважаю Вас и его, чтоб скрывать мои убеждения. Я вовсе не враг Кавказа как края, края прекрасного, и сердечно радуюсь, что Вы пользуетесь лазурным небом, простором, чистым воздухом, что любуетесь чудными видами, чего мы конечно здесь лишены, но не могу не скорбеть о тех громадных средствах, которые Вы требуете от России, истощенной прежним управлением и последней войной. Скажите, какое государство в мире в состоянии держать постоянно 300 т. войск на военном положении и теперь в год постоянно 30 т. человек, не говоря о войсках, находящихся в Империи. Какое государство может уделить шестую часть всего дохода на одну область, ибо весь Кавказ только область России. И когда же требуются эти огромные пожертвования? Когда две ревизии доказали уменьшение населения Империи и когда мы не в состоянии справиться с финансами и в год мира занимаем 10 мил., чтобы покрыть текущие расходы, когда почти весь доход наш или главная часть его основаны на разврате народном, на растлении народа. Вы скажите, зачем продолжается такой порядок вещей. Да нельзя же вдруг переменить его, но не следует усиливать, требуя в такую эпоху необыкновенных пожертвований на отдельную область. И в какое время требуются пожертвования для Кавказа? Когда наместник и его главные помощники признаются общим мнением за людей гениальных, выходящих из ряда обыкновенных дюжинных администраторов. В чем же, наконец, задача гения, как не в том, чтоб малыми средствами достичь больших результатов. Что за премудрость с целой бригадой подавить один взвод, или, употребив огромные капиталы, получить небольшой доход. Воля Ваша, но грешно пользоваться своим влиянием и дружбой царя, чтоб доставить в пользу управляемого Вами края и в ущерб других краев, которыми Вы не управляете, огромные средства. Что же выходит: что гений и талант приносят пользу одной области и вредят всем остальным. Вот мое убеждение, извините, что выражаюсь так жестко, но это доказательство уважения.

На Каспийском море предполагается уменьшить донельзя военные морские силы, предоставив все перевозки частным компаниям и для этого поедет туда весной в[ице]-а[дмирал] Метлин[11]. На Морское ведомство все нападают, отнимают у него денежные средства, и оно не имеет здесь того веса, которым пользуется кавказское начальство, чтоб защищать свой бюджет. Генерал-адмирал заседает в Комитете Фин[ансовом], Совете Министров, Госуд[арственном] Совете, Комитете Минист[ров] и, следовательно, видит все части управления и как Вел[икий] князь любит равно все части России, и потому не настаивает в пользу одного морского, но часто защищает интересы других ведомств. А во флоте без денег нельзя сделать ни шагу. На восточный берег решено посылать Вам офицеров насилу, на время, ибо на вечную службу туда порядочный офицер не пойдет, а посылка на время доставит нам большое число офицеров, знакомых с местностью. Впрочем адм[ирал] Метлин будто и в Балт[ийском] и в Черном море, и потому Вы будете иметь случай устроить с ним многое.

В заключение я должен Вам сказать, что вел[икий] князь не разделяет [к сожалению] моих мыслей насчет преувеличенного требования людей и денег для Кавказа, т. е. несоразмеримо со средствами Империи, и полагает, что Империя должна жертвовать, чтоб дать Вам средства деятельности, но он ожидает за то больших результатов этой деятельности и надеется еще на своем веку увидеть их.

Искренно предан[ный] *Головнин*

4.

Царское Село, 21 сентября 1859.

Почтеннейший Дмитрий Алексеевич. Ваше письмо от 13 августа я получил здесь по возвращении моем из Англии и тем более благодарю Вас за него, что это письмо из лагеря, в походе, когда конечно и времени у Вас было немного, а утомления много. Искренно поздравляю Вас с блестящими успехами в восточной части Кавказа[12], которым порадовалась конечно вся Россия и на которые вся Европа обратила внимание. Вам как главному помощнику и сотруднику князя Александра Ивановича принадлежит и главная доля славы и нашей признательности. Жаль, что мы не имеем хорошего рассказа, как готовились эти результаты, которых Вы достигнули, что составило бы весьма поучительную страницу истории.

Шестинедельная поездка Вел[икого] князя в Англию была очень удачна. Морские купания принесли ему пользу, также и тихий, спокойный образ жизни. По пути в Англию на фрегате «Светлана», выстроенном во Франции, он в течение 8 дней мог хорошо узнать это судно, а на обратном пути также подробно узнал чудный фрегат «Генер[ал] Адм[ирал]», выстроенный в Америке. На острове Вайт он дважды обедал у Королевы[13] и был принят самым любезным образом и как там, так и в Лондоне удостоверился, что народ англ[ийский] не имеет к нам того недоброжелательства, о котором так уверяли дипломаты. Народ везде сбежался видеть его и везде оказывал большое почтение. Ни разу не было ни малейшего неприличного выражения. Пользуясь свободным временем, Вел[икий] князь окончил те работы, которые не мог сделать во время большого путешествия, а именно пересмотрел отчет свой за 3 года и отправил его и исправил окончательно новое учреждение Мор[ского] М[инистер]ства и портов, которые мы теперь вносим в Госуд[арственный] Совет. Сверх того он занимался серьезным чтением и прочел три тома знаменитой истории Англии Маколея[14]. В Лондоне он был на нескольких заводах, видел постройку блиндированного или окованного непроницаемою стальною бронею корабля, ему показали все устройство оного в подробностях. Теперь всю зиму Вел[икий] князь останется в Петерб[урге]. Вы может быть заметили в газетах, что 8 сент[ября] меня произвели в Тайн[ые] Сов[етники] с назначением статс-секретарем. Это настолько изменит мое положение к Великому князю, что я буду заниматься с ним только делами более приятными, а не множеством мелочей, которые отнимали у меня каждый день целое утро. Я думаю, что это будет очень полезно и для него и для меня.

Еще раз поздравляю Вас, любезнейший Дмитрий Алексеевич, и прошу передать мое уважение Наталье Михайловне[15].

Предан[ный] *Головнин.*

5.

П[етер]б[ург]. 19 дек. 1859 г.

Почтеннейший Дмитрий Алексеевич. Поздравляю Вас опять с успехами на Кавказе[16], известие о коих пришло вчера как нельзя более кстати к празднику Наследника. Надобно сказать правду, что у Вас исторические события быстро следуют одно за другим и что только Кавказ доставляет Государю радостные вести и утешения во многих огорчениях, которые ему приходится терпеть. Вы прежде писали историю, теперь Vous faites de l'histoire*. Я понимаю, что Вы предпочитаете последнее и понимаю, как я был неправ, когда при отъезде Вашем из Петербурга горевал, что Россия лишается лучшего военного историка своего.

Имея теперь несколько времени, я опишу Вам в самых кратких чертах наше теперешнее административное положение, полагая, что вдали от Петербурга, Вам перед концом года не лишнее получить подобный абрис. Я сообщил взгляд мой Вел[икому] Кн[я]зю К[онстантину] Н[иколаевичу] и он признал его совершенно верным. Преобладающее явление в администрации и в образованной части народа есть жизнь, которая заменила прежнее долгое усыпление и застой. Она является и в целом ряде правительственных распоряжений, и в литературе, и в акционерных обществах, и в громадных предприятиях, как например железные дороги, пароходные общества и т. п. Весьма естественно, что эта жизнь является в стремлении к улучшениям, к преобразованиям, к большей свободе действий, и весьма естественно, что следствием этого мы видим борьбу представителей старого поколения, прежних администраторов, и поколения нового, их будущих преемников. Первые слишком упорно отстаивают прежний порядок и недоброжелательствуют всему новому, вторые может быть слишком горячо требуют скорых перемен. Но в действиях и тех, и других, и в правительственных распоряжениях, и в деятельности литературы, в действиях цензуры, акционерных компаний, врагов их и защитников, замечаются беспрерывно грубые ошибки и упущения и очевидным становится, что эти ошибки происходят от общего всем недостатка — полуобразованности. Эта полуобразованность есть следствие всей системы воспитания последнего времени и следствие постоянного 30-летнего гнета всякой умственной деятельности. Главные вопросы, которые являются в администрации в нынешнее время, есть вопросы: финансовый, крестьянский и народного воспитания.

Финансовый вопрос самый настоятельный и не терпит никакого отлагательства. Кредит потрясен, денежная система расстроена, и в доходах предвидится только уменьшение. Грустное состояние кредита доказывается тем, что много облигаций прежних займов наших лежат в казне и не могут быть проданы; последний заем, внешний Томсона и Бонора, идет чрезвычайно дурно; из внутренних займов: 4% непрерывно доходный вовсе не удался; а в 5% надеются дойти до 150/м. вместо 400/м. необходимых для ликвидации. Расстройство денежной системы проявляется в невозможности размена бумажек. Мы трясли здесь 7% и 8% при размене и бумажный рубль стоит теперь уже не 100 к., а 92 к. металлом. Золото и серебро быстро уходят за гра-

* Зиссерман А. Л. Фельдмаршал князь Александр Иванович Барятинский. Т. 2. М., 1890. С. 362—363, 369.

* Вы делаете историю (*фр.*).

ницу. По сметам на 1860 г. предвидится дефицит в 20/м., а покрыть его решительно нечем. Дефицит у нас не новость. С 1845 года ежегодно правительство издерживало более, чем получало, а именно:

в 1845 г. передержало	14/м. руб. сер.
1846	21/м.
1847	45/м.
1848	45/м.
1849	54/м.
1850	83/м.
1851	39/м.
1852	22/м.
1853	52/м.
1854	112/м.
1855	240/м.
1856	307/м.
1857	48/м.

Для покрытия этих передержек сначала занимали деньги в банках и оттого банки пришли в полное расстройство, а потом выпускали бумажные деньги и потому они упали в цене. Теперь ни то, ни другое средство невозможно, а между тем правительство привыкло к расходам несоразмерным с доходом. Чтобы поправить нынешнее положение, только два средства: значительно сократить расходы на 1860 г. и продать разное государственное имущество, как-то: заводы, леса, земли и прежде всего Московскую железную дорогу и на вырученные деньги выкупить излишек бумажек, находящихся в обращении.

Крестьянский вопрос дает более времени действия, чем финансовый, но едва ли нынешнее натянутое положение может продолжаться долее года или двух. Притом оно тесно связано с финансовым вопросом, ибо мирное и безобидное разрешение его невозможно без целого ряда финансовых операций, а никакие операции невозможны без предварительного устройства финансов.

Наконец вопрос о воспитании дает более простора времени, но и его отлагать не следует и желательно по крайней мере в будущем поколении, которое теперь проходит курс среднего образования, получить людей основательно образованных. Но для этого нельзя оканчивать воспитание в 18 лет, т. е. в те годы, когда молодой человек только что становится способным к изучению законоведения, финансов, политической экономии, философии. Вообще в системе воспитания надобно много перемен, чтобы заменить нынешнее поверхностное только наружное образование основательным образованием.

Чтобы дополнить картину нашего теперешнего положения, представьте себе Государя, искренне желающего добра, умного, доброго, религиозного, доступного, выслушивающего внимательно, любящего Россию, и окруженного старыми и молодыми, в которых он видит или эгоизм и корыстолюбие, неблагонамеренность, апатию, привычку к беззаконию, или неопытность, непрактичность, неловкое усердие, излишнюю пылкость. Весьма естественно, что он должен чувствовать недоверчивость ко всем и презрение к весьма многим.

В таких-то обстоятельствах управление Кавказское, состоящее из блестящего князя-наместника и талантливого его помощника, радует Государя известиями о подвигах, о достигнутых результатах, которые обессмертят его царствование. Весьма понятно, что Государь должен быть искренно благодарен Вам.

Письмо мое вышло так длинно, что мне совестно посылать его. Покажите его, пожалуйста, бар[ону] Александру Павловичу Николаи[17]; также прежнее письмо мое и финансовую записку Рейтерна[18]. Ему, т. е. Николаи, хочется знать, что у нас делается, а мне решительно некогда писать ему особо.

Искр[енне] пред[анный] *Головнин.*

6.

Петербург, 20 янв[аря] [1860]

Почтеннейший Дмитрий Алексеевич. Сегодня был я у князя Александра Ивановича, имел случай поговорить с ним довольно долго и вышел от него с весьма приятным чувством, особенно потому, что видел как он Вас ценит, любит и уважает. Он сказал мне прямо, что имеет в Вас драгоценнейшего помощника и что обязан Вам половиной всех своих успехов. Подобные отзывы о своем сотруднике Вы здесь ни от кого не услышите, ибо все только себе приписывают то малое хорошее, которое удается сделать через других. После этого я еще больше уважаю нашего фельдмаршала. Жаль, очень жаль, что здоровье его плохо. В бытность свою здесь он беспрерывно страдал и для его блага надобно желать, чтобы он поскорее отсюда уехал. Дела, визиты, военные и всякие другие почести замучали его.

После того, что сделано на Кавказе и при тех мирных преобразованиях и устройствах, которые Вами предполагаются, Петербург не может более смотреть на Кавказ как на бочку Данаид, поглощающую деньги, собираемые с России с большим трудом. Кавказ представляется нам как плодородная почва, в которую должно сеять в уверенности получить богатую жатву, но для этого нужны деньги. Поэтому я решился сообщить наместнику две мысли, и если Вы почтите, Дмитрий Алексеевич, одобрить их, то прошу Вас поддержать оные. Первая состоит в том, что было бы вполне полезно учредить в Тифлисе свой отдельный банк. Вспоминаю, что подобное учреждение в Финляндии принесло величайшую пользу краю и что Финляндский государственный банк, независимый от Петербургских учреждений, занимал в Гамбурге деньги под 4%, когда наше здешнее М[инистерст]во Фин[ансов] должно было платить гораздо более. Вторая мысль состоит в необходимости настоять, чтоб М[инистерст]во Фин[ансов] послало способных чиновников, напр[имер] Рейтерна, в разные губернии с целью изучить финансовые источники (étudier les ressourses financieres de la Russie). Этим никто не занимается на местах, а в Петербурге в канцеляриях немного сделают. При нынешних крайне затруднительных финансовых обстоятельствах, это и другое весьма было бы полезно.

Последнее время я часто виделся с Николаем Алексеевичем[19]. По мере того, как круг его административной деятельности расширяется, необыкновенный ум его высказывается в большем и большем блеске. Самарин[20] говорил мне, что во время споров и рассуждений о подробностях сельского хозяйства, которое Николаю Алексеевичу не могло быть знакомо, он однако не сделал ни одной ошибки, ни одного промаха.

Обнимаю Вас и от души желаю всего лучшего.

Головнин.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Хрущев Дмитрий Петрович (1816—1864), сенатор, в 1856—1857 гг. товарищ министра государственных имуществ, близок к кругам либеральной бюрократии.
2. Барятинский Александр Иванович (1814—1879), князь, ген.-фельдмаршал, в 1856—1862 гг. наместник Кавказа и главнокомандующий Кавказской армией.
3. Милютин Дмитрий Алексеевич (1816—1912), генерал, военный историк, в 1852—1853 гг. опубликовал 5-томный труд «История войны России с Францией в царствование Павла I в 1799 г.», за который избран членом-корреспондентом Академии наук, в 1845—1856 гг. профессор Военной академии по кафедре военной географии и затем военной статистики.
4. Указ от 2 апреля 1842 г. «об обязанных крестьянах» носил рекомендательный характер и разрешал помещикам переводить крепостных при их согласии в обязанные, сохраняя полное право собственности на землю. Помещик определял величину надела, получаемого крестьянами в пользование, и размер повинностей.

Схватка нижегородских драгун с кабардинцами.

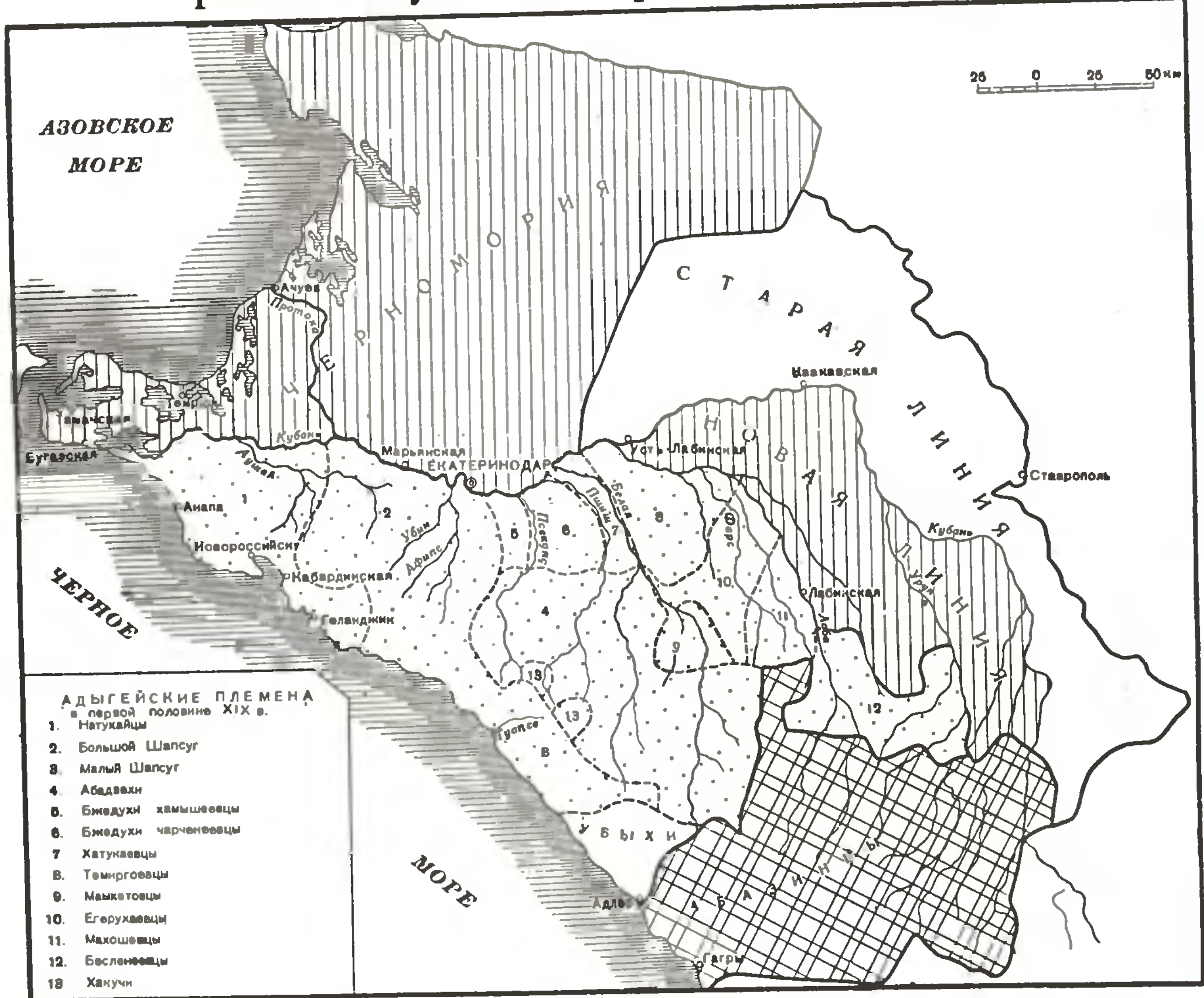
5. Константин Николаевич (1827—1892), великий князь, родной брат Александра II, ген.-адмирал, с 1853 г. и. о., с 1855 г. управляющий Морским министерством (до 1881).
6. Мраморный дворец — резиденция великого князя Константина Николаевича в Петербурге.
7. Стрельна — загородная летняя резиденция великого князя Константина Николаевича.
8. Александр II (1818—1881), император с 1855 г.
9. Черновики писем Д. Милютина Головнину с Кавказа хранятся в ОР РГБ (Ф. 169. Карт. 51. Ед. хр. 87).
10. Письма Головнина Барятинскому, в частности за 1857—1860 гг., опубликованы: Зиссерман А. Л. Указ. соч. Т. 2. Головнин не устает разъяснять «полновластному князю Кавказа», как он называл Барятинского, тяжелое положение финансов в стране и жесткую необходимость сокращения расходов по Военному министерству в целом, в особенности на потребности Кавказа. Он ставил в пример Морское министерство, которое в 1857 г. сократило свои расходы с 19 до 14 млн. руб.
11. Метлин Николай Федорович (1804—1884), вице-адмирал, в 1857 г. назначен временно исполняющим должность управляющего Морским министерством.
12. 26 августа 1859 г. Шамиль был взят в плен. 8 сентября (в день совершеннолетия наследника престола великого князя Николая Александровича) Александром II были пожалованы награды: Барятинскому — орден св. Андрея Первозванного с мечами; ближайшим его сотрудникам, в том числе и Д. Милютину, — орден св. Владимира 2-й степени; всем участникам этой операции поголовно объявлено высочайшее благоволение. По предложению Барятинского Восточного Кавказа.
13. Виктория I Александрина (1819—1901), с 1837 г. королева Великобритании и Ирландии.
14. Маколей Томас Бабингтон (1800—1859), лорд, английский историк и политический деятель.
15. Милютина (урожденная Понсэ) Наталья Михайловна (ум. 1912), жена Д. Милютина.
16. Успехи русских войск в восточной половине Кавказа, как отмечал сам Д. Милютин в своих воспоминаниях, отразились и на действиях в западной его части. Покорение абадзехов, личная присяга на верность русскому царю Магомет-Эмина, который считался наместником Шамиля среди закубанских племен, были последствиями падения самого Шамиля.
17. Николаи Александр Павлович (1821—1899), барон, сенатор, с 1862 г. товарищ министра народного просвещения, в 1881—1882 гг. министр.
18. Рейтерн Михаил Христианович (1820—1890), в 1857 г. чиновник для особых поручений при Морском министерстве, командирован в Европу и США для стажировки по финансовому делу, в декабре 1859 г. назначен секретарем и заведующим делами Комитета финансов, в 1862—1878 гг. министр финансов. Записку Рейтерна «О положении финансов России в конце 1859 г.» (копия), представленную великому князю Константину Николаевичу, см.: ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 936. Л. 314—332.
19. Милютин Николай Алексеевич (1818—1872), младший брат Д. А. Милютина, лидер либеральной бюрократии, один из главных участников подготовки отмены крепостного права. С 1835 г. служил в Министерстве внутренних дел, с 1852 г. директор Хозяйственного департамента МВД, с апреля 1859 по апрель 1861 г. временно исполняющий должность товарища министра внутренних дел.
20. Самарин Юрий Федорович (1819—1876), славянофил, общественный деятель, публицист, в 1859—1860 гг. член-эксперт Редакционных комиссий по крестьянскому делу, один из главных разработчиков «Положений 19 февраля 1861», соратник Н. Милютина.

Предисловие, публикация и примечания доктора исторических наук
ЛАРИСЫ ЗАХАРОВОЙ

РУСЛАН ГОЖБА

ОТ КУБАНИ ДО НИЛА

расселились уходящие от родных очагов горцы

Окончание Кавказской войны, покорение Восточного, а затем Западного Кавказа, упразднение Абхазского княжества и последующие неоднократные восстания в Абхазии, Чечне и других частях Кавказа, введение военно-административного управления, колонизация Кавказа, репрессии царской администрации по отношению к кавказским горцам вызвали у них массовую миграцию в страны зарубежного Востока, которая происходила в основном насильственным путем.

Одной из форм сопротивления царизму было абречество: на карательные экспедиции царских генералов, даже после покорения Кавказа, горцы отвечали стремительными и дерзкими акциями, приводившими в трепет военную администрацию Кавказа. А. Шерипов писал по этому поводу: «*Но особенную окраску абречество приняло после окончательного утверждения царской власти на Кавказе. Несоответствие русского суда и обычного права горцев, преступная администрация Кавказа и общая политика притеснения заставляли многих сильных личностей из чеченцев (и вообще из кавказцев) становиться на нелегальное положение... Их продолжали преследовать — и для успешной борьбы с вредным элементом ввели систему круговой поруки. От этого возмутительного акта страдали уже лица, имевшие несчастье быть родными или даже просто односельчанами «преступника»... Это создавало новые кадры озлобленных людей, решившихся на все... И вот начиналась месть начальству: абреки убивали административных лиц, грабили почту, казначейства и др. правительственные учреждения... а власть еще пуще наезжала на мирное население: штрафы, экзекуции, высылка в Сибирь, виселица и т. д. Власть терроризировала мирное население, абреки терроризировали эту власть. И, конечно, народ смотрел на абреков как на борцов против притеснений и зверств власти... Наиболее отважные и удачливые из абреков так поражали психологию чеченцев, что они считали их продолжателями дела Шамиля и его мюридов. В одно время ходили даже слухи, что Зелимхан объявит себя имамом и изгонит царскую власть... Вот этот характер политического протеста и борьбы с властью придавал абрекам в глазах народа ореол национальных героев, что в свою очередь отразилось в песнях*»[1]. По сей день у абхазов бытуют песни и предания о тех, кто бесстрашно сопротивлялся самодержавной политике царизма, — это Катмас-ипа Халыбей, Атрышба Ханаш, Ахьы Шабат Маршьан, Чызмаа Едыг, Адагуа-ипа Инадла, Адагуа-ипа Зекериа, Ажьгирей-ипа Кучук, Мыстаф Чалакуа, Аценба Хакыбей, Чкуаку Кяца и др.

Волны переселения то подымались, то затухали, в общей сложности кавказских горцев (адыгов, абхазов, убыхов, абазин, чеченцев, ингушей, аварцев, лезгин, осетин, карачаевцев, балкарцев) выселилось, по разным данным, от 1.800.000 до 3.097.949 человек[2]. На восточном (абхазо-убыхо-адыгском) побережье Черного моря тогда появилась новая поговорка: «*Теперь даже женщина может пройти от Сухум-кале до Анапы, не опасаясь встретить хоть одного живого мужчину*»[3].

После всех этих событий, по данным Элизе Реклю, «на огромном ныне пустом пространстве [Западного Кавказа], занимающем 10.000 кв.км насчитывалось всего лишь 15.000 жителей. Из их числа 4/5 составляют абхазы... 600 черкесов, остальные переселенцы различного происхождения»[4].

Полностью обезлюдели Малая Абхазия (область между реками Жуе-дзыхь и Соча-пста), горные и прибрежные абхазские общества... До единого человека ушла абхазская этнографическая группа, известная в литературе под именем садзов, которые, как сообщали очевидцы, в отчаяннейших схватках с царскими полками, не желая сдаваться в плен врагу, предпочитали кончить жизнь самоубийством; не осталось ни одного абхазского села между реками Псырдзха и Кудры, опустело большинство бзыбских и абжуйских сел; ушли тысячи семей абаза тапанта...

В общей сложности абхазов и абазин, которые известны на Востоке только под названием «абаза», было выселено до 400.000[5].

Проживавший в Абхазии в конце XIX века и оставивший ряд ценных статей о крае агроном Г. Рыбинский в описании своего путешествия по долине Кодора заметил следующее: «*Едущий со мной рядом абхазец-милиционер запел такую грустную, захватывающую за сердце песню, повторяя часто слово «Латы», что я невольно его спросил, о чем он поет. «Эта песня, — сказал он со слезами на глазах, — была сложена абхазцами, удалявшимися в Турцию. Пять тысяч душ Дальского урочища оплакивали свой родной уголок, каждое деревцо, выращенное ими». Абхазцы Дальского ущелья — эмигранты — славились в былые времена необычайной воинственностью и грабежами, они были грозой не только для врагов, но и для владетельного князя Абхазии. Это была отчаянная вольница, их недоступное ущелье было в своем роде Запорожье для Абхазии*»[6].

Насильственное выселение больших групп кавказского населения практиковалось завоевателями в еще более отдаленные времена. Так, по сообщению историка Табари при Хосрове, в середине VI века в Южный Азербайджан были переселены аланы и абхазы. При византийском дворе всегда было много абхазов и алан. В конце XIX века в Эрзерумском вилайете еще было 14 селений лезгов (лезгин), поселенных там около 1500 лет тому назад и «тщательно охранявших свою независимость».

После монгольского нашествия предводители монголов забрали с собой в Китай до 100.000 аланов-асов. Ханская гвардия была сформирована из тысячи аланских всадников, и служить в этой гвардии было исключительной честью. По сведениям католических миссионеров, еще в XVI веке аланы сохраняли христианскую веру и могли выставить до 30.000 отборных воинов. Несколько десятков тысяч ясов (асов) попало в Венгрию в XIII веке, где их потомки проживают по сей день в Ясшаге (численностью 100 тыс. человек) по соседству с кунами — потомками половцев.

В XVI—XVII веках в Польше служили так называемые «пятигорские хоругви» — это были выходцы из Западной Черкесии, где, несомненно, было немало и абазин.

В XVII веке в Иран была выселена большая колония черкесов, от которой, как сообщают в 1895 г. — Хасан Фас, в 1913 г. — Густав Демурни и в 1946 г. — Оливер Гаррод, осталась маленькая черкесская община Дезэ-курд к северо-западу от Асупана[7].

В XVII веке в двух наиболее известных кварталах Стамбула — Топханы и Касым-паша, а также в Каире проживало немало абхазов и черкесов с семьями; среди них было много искусных оружейников, ювелиров, мореходов и т. д.

Большой урон народам Кавказа нанесла работорговля. «*Можно смело сказать*, — писал французский путешественник Дюбуа де Монперэ, автор шеститомного труда «Путешествие вокруг Кавказа», — *что несколько миллионов обитателей этого края* (Черкесии, Убыхии, Абхазии. — *Р. Г.*) *было таким образом продано и увезено в другие страны. Если бы с большей смелостью мог бы судить о путях провидения, я подумал бы, что его намерением было бы воссоздать другие вырождающиеся расы смешением их с прекрасной черкесской* (в данном случае абхазо-убыхо-адыгской. — *Р. Г.*) *нацией*»[8].

Со второй половины XIX столетия сотни тысяч кавказских горцев с семьями оказались на чужбине, в совершенно новых климатических условиях, зачастую на непригодных безводных землях, без всяких средств к существованию. Определенная часть горцев попала в Турцию еще в первой трети XIX века: так, например, в 30-е годы XIX века в Турции проживало 20 тысяч абхазов. Кроме трех крупных волн переселения (1864, 1867, 1877) у абхазов было еще несколько этапов эмиграции, в частности в 1859 г. было выселено 2130 семей, в 1863 г. — 900 семей, в 1869 г. —

579 семей, в 1873 г. — 800 семей, в 1879 г. — 800 семей[9]. Турецкое правительство решило с помощью кавказцев укрепить свои позиции в стране. В это время в Османской империи национальные меньшинства составляли 45%. Организовать расселение махаджиров вначале было поручено генералу турецкой армии черкесу Нусрет-паше. Горцы Кавказа были расселены в Европейской Турции, Болгарии, Югославии, Албании между славянскими и греческими поселениями, вдоль больших дорог и важных горных проходов, образуя непрерывную цепь, чтобы в случае восстания силой удержать последних. Черкесов и абхазов тогда было расселено свыше 120.000. Махаджиры были поселены на худших землях.

В то время конвой и личная охрана султана были сформированы из кавказцев. Был также создан черкесский полк, но после убийства турецких офицеров в этом полку власти вынуждены были расформировать его.

В пути на чужбину и особенно на новых местах переселенцы гибли тысячами. В Ислахане (древний Никополис) в 1880 году было поселено около 1000 черкесских семей, а через 25 лет осталось лишь 7, тысячи людей умерли от лихорадки[10].

Приблизительно в те же годы в Сирию для охраны строящейся там железной дороги (правительство этой страны приняло решение создать вдоль нее поселения из кавказцев) были направлены черкесы и абхазы. Абхазов поселилось 3000 человек. На новом месте, в районе Голанских высот, в течение незначительного времени основная часть абхазов погибла от лихорадки (в день иногда умирало 30—40 человек), и осталось их здесь всего 225 человек. После этой трагедии они переселились в другое место и основали абхазское село Момсие, которое существовало до 1967 года. (Сообщение Шарафа Абаза (Марщан) — жителя Дамаска. — Записано в г. Сухум в августе 1987 г.)

В районе Самсуна и Трапезунда от голода и болезней также погибли десятки тысяч черкесов и абхазов.

В северо-западной части Анатолии, в местности Кефкен, в 1877 г. была высажена большая партия сухумских абхазов. В первый же день от голода умерло 400 человек. Оставшиеся в живых, перенося неимоверные страдания, почти каждый день хоронили умиравших от истощения людей. Уцелевшая часть по распоряжению султана была переселена на другие земли и обеспечена работой. Лишь одна женщина — Кецпха Елыф — не покинула могилы людей близких и родных. На личное приглашение султана о переезде она ответила ему: «*Кто уже не может улыбаться, пусть имеет право плакать*»[11]. По сей день абхазы в Турции помнят ее плач, а местность, где похоронены сотни переселенцев, носит название «Абхазская могила».

Из переселившихся в Аравию чеченцев и ингушей за 18 месяцев от непривычного климата и жары умерло около половины, то есть 30.000 душ.

После Крымской войны около 20.000 семей ногайцев покинули Кавказ и поселились в районе Аданы, к началу XX века их осталось 2 тысячи семейств[12].

Большая часть изгнанников была разбросана по обширной азиатской части Турции, между Сивасом и Токатом, вблизи Амазии и Самсуна, в Киликии, Месопотамии, на полуострове Чаршамба, по побережью Эгейского моря в Турецкой Армении, Адапазаре, Дюздже, Ески-Шеире, Балыкесире.

Первоначально, не имея никаких средств к существованию, горцы вынуждены были отдавать молодых соплеменниц в гаремы турецкой знати и султана.

С другой стороны, махаджиры, доведенные до отчаяния, чтобы хоть как-то прокормить семью и близких, вынуждены были вступать в конфликт с местным населением. Мы приведем лишь один пример, записанный нами от абхазов, проживающих в Сирии: «*Часть абхазов, привезенных на корабле, была поселена в Восточной Анатолии на безводных каменистых землях, абсолютно без всяких средств к существованию. Голод ожесточил их, и махаджиры стали нападать на караваны с шелком, которые шли из Персии в Турцию. Караваны сопровождала хорошо вооруженная стража, но ничто не могло остановить отчаявшихся изгнанников, которые вначале буквально голыми руками захватывали караваны. Было взято так много товара, что гривы и хвосты коней абхазов были пышно разукрашены знаменитым персидским шелком. Тегеран потребовал от Порты прекратить нападения, и все эти абхазы по одному, два семейства были насильственно рассеяны властями в пустынных местах Турции*». (Сообщение Ахмата Куджба и его супруги Ларисы Званба из Сирии. — Записано в г. Сухум 21 июля 1984 г. Р. Гожба).

Все эти факты подтверждает Гарегин Сврандзтянц (80-е годы XIX в.), путешествовавший в тех местах, где проходила большая Багдадская дорога: «*Абазинские и черкесские поселенцы составляют тяжелое бремя для народа: не только на дорогах от них нет спокойствия, но и в самом городе воровство, грабежи, убийства стали обыкновенным делом.*

В окрестностях рассеяны черкесские селения... С большой опасностью проходят через них караваны».

Правительство, пытаясь как-то стабилизировать обстановку на местах, стало привлекать горскую молодежь к воинской повинности: из кавказских горцев был сформирован кавалерийский корпус. «*Черкесские полки были повсюду на линии огня. Они мужественно сражались, но дорого заплатили за свою победу*»[13], — писал Ж. Дюмезиль. Часто из десяти мобилизованных домой возвращался лишь один.

Но выходцы с Кавказа не оставили своих привычек даже после кемалистской революции (1923). В. Аболтин, работавший в те годы в Турции, сообщает о них следующее: «*Отличаясь предприимчивостью вообще, горцы не покидают и своих старых привычек: угон скота, воровство лошадей, грабеж при удобном случае практикуется и поныне. Горцы чрезвычайно храбры, их боятся даже дерзкие курды*»[14].

Но вместе с тем ряд авторов отмечают, что «*черкесы... наиболее трудолюбивые, хотя наиболее трудноуправляемые*». Английский консул полковник Чарльз Уильсон подчеркивал, что горцы — красивое племя; они сильнее, мужественнее, смышленее местных крестьян и способны к образованию. Черкесы ввели в крае лучшие телеги, стали строить более удобные дома и лучше возделывать землю. Вообще они могли бы сделать много для развития края, если бы турецкое правительство более заботилось о них[15].

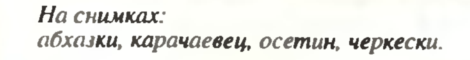
Некоторые кавказцы играли большую роль в политической и социальной жизни Османской империи.

На снимках:
абхазки, карачаевец, осетин, черкески.

ФОТО
ДМИТРИЯ ЕРМАКОВА

Инициаторами создания первой младотурецкой организации в 1889 году были военные врачи: албанец Ибрагим Темо, турок Исхад Сюкути, курд Абдуллах Джевдет и черкес Мехмед Рашид. Лидером одного из трех направлений младотурецкой революции был Принц Сабахаттин из абхазского рода Куадзба — предки его попали в Турцию еще в XVIII веке (отец его был зятем султана). Ближайшим сподвижником его был убых Хусейн Тосун-бей.

Именно в этот период из кавказских горцев выдвигается ряд крупных военачальников турецкой армии. Это отмечал в 1910 году и Магомед Ечерух: «*Кто не знает, что лучшие и способнейшие военачальники исключительно черкесы*»[16].

В этот период было создано «Черкесское культурно-просветительное общество», которое функционировало с 1908 по 1923 год. Появляется и горская интеллигенция: профессор Азиз Мкер-ипа, журналист Зия Барцыц, композитор, автор многих оперетт Мухлис Сабахаттин (Быжьнау), известная пианистка Нevессер Кукдеш (Быжьнауцха). Одно из произведений Мухлиса Сабахаттина — «*Осиротели черкесские очаги и не вьется больше дым над ними*» — посвящено трагедии горцев-изгнанников, в нем автор выразил свою боль и тоску по родному Кавказу. Кстати, племянница Мухлиса, тоже из рода Быжьнау, Кереман Халис Едже в 1932 году в Брюсселе была признана первой красавицей мира, и поныне в честь этого события представители рода Быжьнау в Турции прибавляют к своей фамилии титул «Едже».

Во времена кемалистской революции, когда решалась судьба Турции, весьма важную роль сыграли кавказские партизанские отряды, которые первыми поднялись на борьбу с интервентами. Главой движения и его организатором был шапсуг Иатым-бей. Активное участие в борьбе за независимость принимали отряды, возглавляемые Папа (Папба) Иатымом и Исмаилом Ахба. Большую роль в национально-освободительном движении сыграл Рущтубей Кобащ Абганба; ближайшим сподвижником Кемаля Ататюрка был абхаз Рауф Орбай Ашхаруа, бывший в то время (1922—1923) главой правительства Турции. С другой стороны, многие представители кавказской аристократии, занимавшие при дворе султана и в военном командовании видные места и пользовавшиеся большими привилегиями, с недовольством встретили революцию. Их настроение использовала Антанта и греческое командование — в результате весной 1920 года вспыхнул крупный мятеж, в ходе которого восставшие захватили большую территорию. После подавления выступления часть абхазов вынуждена была уйти в Грецию, другая часть скрывалась в лесах.

Абхазов и черкесов стали преследовать, подвергать арестам, уничтожению, в городах запрещалось говорить на родном языке, так как власти даже в этом видели попытку заговора, и были случаи, когда переходили горцы границу с целью организации покушения на правительство Турции. В связи с этим правительство стало выдвигать проекты выселения «черкесов» в Восточную Анатолию и распыления их по 2—3 семейства по турецким деревням. Только вмешательство таких видных деятелей и лидеров кавказской диаспоры, как Райфа Орбай, Хундж Али Сант-паша, и публицистические статьи и обращения в меджлис Феткери Ашванба приостановили действия властей.

На сегодняшний день в Турции у горцев нет ни школ, ни учебников, у большинства из них другие фамилии, даже топонимы с этнонимами «черкес», «абаза» (например, типа «Черкес кёй» — «Черкесское село») заменены чисто турецкими названиями. Конституция Турции 1961 года (ст. 54) считает всех граждан страны турками, хотя в Турции, по одним данным, свыше 750 сел, где проживают выходцы с Кавказа, а по другим — 830. Вообще, по некоторым статистическим данным, в Турции проживает свыше миллиона потомков кавказских горцев. Как говорят сами потомки махаджиров, в Турции нет города, где не встретишь абаза или черкеса.

Сейчас за рубежом проживает свыше 1,5 миллиона кавказских горцев, некоторые источники доводят их число до 3 миллионов[17].

В заключение хотелось бы отметить, что в мире не так уж много народов, большая часть которых находится вне пределов своей исконной родины. Незавидна была участь народов Западного Кавказа в прошлом суровом XIX веке. По сей день все горские народы Кавказа чувствуют эту трагедию. Свыше 3 миллионов горцев вынуждены были покинуть пределы родного Кавказа, чтобы найти приют на чужбине. Это было самое настоящее изгнание...

Я хочу поставить вопрос перед всеми народами Кавказа — абхазами, адыгейцами, кабардинцами, черкесами, абазинами, чеченцами, осетинами, карачаевцами, ногайцами, лезгинами, аварцами, лакцами, кумыками, перед всей мыслящей интеллигенцией Кавказа, чьи соотечественники не по своей воле оказались за пределами родины и ныне разбросаны по всему миру: почему до сих пор выселенные горцы Кавказа не получили статус изгнанников?! Первоочередная цель — постоянно ставить этот вопрос перед соответствующими организациями и добиться признания факта. Горцы Кавказа, более 125 лет скитающиеся по свету, вновь должны обрести свою родину.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Эшба Е. Аслаибек Шерипов. Грозный, 1927. С. 20—22.
2. Аболтин В. А. Национальный состав Турции// Новый Восток. М., 1925. № 1(7). С. 21.
3. Дзидзария А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухум, 1975. С. 413.
4. Элизе Реклю. Человек и Земля. Т. V. СПб., 1908. С. 479.
5. М. Д. (...) Трагическая страница истории. (Абхазцы — переселенцы)//Трудовая Абхазия. Сухум-кале, 1926. № 123.
6. См.: Рыбинский Г. А. Абхазские письма// «Кавказ». 1894. № 12.
7. Studia Caucasica. — Mouton, 1963.№ 1. С. 163.
8. Дюбуа де Монперэ. Путешествие вокруг Кавказа. Сухум, 1937. С. 48.
9. Izzet Aydemir. Gjc Kuzey Kafkasya Lilarin Goc tarihi. Ankara, 1988. Sh. 113.
10. Лушан Ф. Народы, расы и языки. Л., 1925. С. 62.
11. B. Omer Buyuka. Kafkas Kaynaklarina Gore lek Yaratilislar — Iek Insanlik — Kafkas Gercekleri. Cilt II. Istanbul, 1986. Sh. 296—298.
12. Томилов П. Отчет о поездке по Азиатской Турции. Ч. II. СПб., 1907. С. 31.
13. Абгосмузей. Ф. 4. Д. 177. С. 33.
14. Аболтин В. А. Национальный состав Турции// Новый Восток. М., 1925. № 1(7). С. 121—122.
15. Заметки по физической и исторической географии Малой Азии, сделанные полковником Чарльзом Уильсоном во время его путешествий в 1879—1882 гг.// ИКОИРГО. Тифлис, 1885. Т. VIII. № 2. С. 62—63.
16. Ечерух М. Роль кавказских горцев в политической и социальной жизни Турции// Мусульманин. Париж, 1910. С. 143.
17. «Adyghe», 1986, № 24 (New York), p. 2.

«Эхо Кавказа». 1993. № 2.

ЕЛЕНА ЗУЙКИНА

«В наших специфических условиях»

В прошлом столетии Северный Кавказ полыхал войною более пятидесяти лет. Установившаяся было относительная тишина вновь разорвалась в годы «красного Октября», и древняя земля не знала покоя еще минимум лет пять. Более или менее стабильная обстановка второй половины 20—30-х годов периодически нарушалась мелкими межэтническими стычками.

Затем сороковые — с массовыми депортациями.

И, наконец, современные нам 90-е.

Есть ли связь между этими событиями? Что это? Может быть, эхо того, что историки называют Кавказской войной?

Поручик Гребенского казачьего полка Федюшкин и его жена.
Альбом акварелей князя Гагарина.
Дагестанский музей изобразительных искусств.

Ко времени установления на Северном Кавказе российской системы управления данный регион представлял собой сложный полиэтнический конгломерат. Наряду с чеченцами, ингушами, кабардинцами, балкарцами здесь проживали греки, персы, русские, евреи и другие народы. На их численность, территорию расселения определенное влияние оказали походы крымско-османских войск, Кавказская война, переселение части горцев в Турцию, частые эпидемии... Документы свидетельствуют, что уже с XVI века русские беглые крестьяне основывали свои поселения в Предкавказье. В 70—80-е годы XVIII века на Северном Кавказе начинает формироваться Кавказская кордонная линия. В 1818 году возникли крепости Грозная и Нальчик, в 1819-м — Внезапная, немного позже — Кисловодская.

Аграрная реформа 1861 года и окончание Кавказской войны вызвали новую волну массового переселения на Северный Кавказ. Русские малоземельные крестьяне надеялись получить там участки плодородной земли. Царское правительство, заинтересованное в усилении казачества и гражданском заселении Кавказа, не чинило им особых препятствий. Попытки придать стихийному переселению организованный характер ни к чему не привели. В 1868-го по 1889 год население региона увеличилось более чем на миллион человек.

Третья волна миграции русских из центральных губерний России на Кавказ началась уже в советское время. Процесс носил опять же в основном стихийный характер, несмотря на усилия нового режима придать ему какую-либо планомерность.

По данным за 1923 год, национальный состав автономий Северного Кавказа был следующим:

Горская республика: осетин — 42%, русских — 29,6%, прочих — 6,7%;

Кабардино-Балкарская автономная область: кабардинцев — 65,11%, балкарцев — 15,3%, русских — 13,3%, кумыков — 1,4%, осетин — 1,5%, прочих национальностей — 3,3%;

Карачаево-Черкесская автономная область: карачаевцев — 45%, черкесов — 25%, русских — 13%, ногайцев — 6%;

Чеченская автономная область: чеченцев — 97,8%, русских казаков — 2,2%.

Границы расселения соседних народов — чеченцев, ногайцев, русских — не были точно очерчены. Поэтому в местах их соприкосновения образовывались аулы с многонациональным населением. Например, в селе Лопатин жили русские, румыны, мордва, татары, поляки, персы, аварцы, даргинцы, ногайцы; в селе Костек — кумыки, евреи, аварцы, чеченцы, русские, даргинцы, немцы, украинцы.

С начавшимся в 20-е годы национально-территориальным размежеванием, созданием автономий и формированием местных властных структур тесно переплелись национальные, территориальные, политические и местные проблемы. В процессе суверенизации встал вопрос о границах, решить который было весьма непросто, если учитывать отсутствие четкого территориального деления. Безусловно, проблема размежевания затрагивала интересы почти всех горских народов. Но не в меньшей, а может быть и в большей, степени она волновала русское население, в частности казаков, чьи земли располагались, как правило, чересполосно с землями горских народов.

Вот эти-то казачьи земли часто включались без согласия казачества в состав различных автономных образований. Так, например, в 1921 году, в процессе оформления Горской республики, к ней присоединили 17 казачьих станиц и ряд хуторов, где проживало более 65 тысяч русских: станицы Архонскую и Ардонскую приписали к Осетинскому округу, Пришибскую и Котляровскую — к Кабарде, остальные станицы были объединены в Сунженский округ. Часто казачьи станицы и крестьянские хутора подвергались нападениям, которые заканчивались стихийными переделами казачьих земель в пользу горских народов.

Еще более осложняли отношения газеты «Горская правда» и «Трудовая Чечня», помещавшие статьи с призывами к поголовному выселению русских за пределы республики. Все это происходило с молчаливого согласия местных властных структур. Земли выселенных и изгнанных казаков отдавались местному населению, дабы повернуть его таким образом лицом к Советам и настроить в поддержку нового режима. Данные меры, возможно, имели бы успех, если бы горцы действительно испытывали острую нужду в земельных наделах. На самом деле большая часть оставленных казаками земель так и не была использована.

Долгое время считалось, что с инициативой самоопределения выступали низы горского общества. Это вроде бы подтверждали многочисленные письма жителей горных аулов. Но при чтении их замечаешь одну любопытную деталь: все они подозрительно похожи друг на друга, отличаясь порой только названиями населенных пунктов.

«Мы, ногайцы аула Ураковского Баталпашинского отдела Кубанской области (ногайцы аула Верхне-Мансуровского, абазинцы аулов Ключевского, кабардинцы аула Касаевского, черкесы аула Докшуковского, и вновь, ногайцы аулов..., абазинцы, черкесы и т. д.), собрались на общее собрание, при участии местного ревкома (! — Е. З.). *Обсуждали вопрос о необходимости создания для Зеленчукских горских народов новой формы административного управления, аппарат которого был бы приспособлен к наилучшему советскому строительству среди этих нардов, согласно их экономическому и духовному быту, особому укладу их жизни, обрядам их религии и принципам адатов. ...Причем в состав этой новой Карачаево-*

Казачка станицы Червленой.
Альбом князя Гагарина.
Дагестанский музей изобразительных искусств

Эльбурганской области должны войти карачаевцы, ногайцы и черкесы Большого и Малого Зеленчуков, равно как и русские, населяющие чересполосные станицы: Исправную, Зеленчукскую, Кардоникскую, Красногорскую, Усть-Джегутинскую, Георгиевско-Осетинскую и Баталпашинскую».

Населяющие же «чересполосные станицы» русские присоединились в этой кампании самыми последними, причем далеко не все станицы разделили «восторг» по поводу суверенизации. Однако они согласились поддержать стремления горских народов к обретению государственности, выдвинув, впрочем, следующие условия:

«1) прекратить самовольный захват юртовых земель, кошение сена, распашку земли, перегон скота;

2) разоружить горцев или же вооружить население станиц;

3) покончить с бандитизмом, грабежом, воровством, ското- и конокрадством в области;

4) обеспечить равные права и одинаковые условия для удовлетворения экономических, политических и культурных потребностей без различия национальностей;

5) оставить за станицами право свободного выхода из состава автономной области».

Местные власти проявили чудеса гибкости и маневренности, пообещали, уговорили, добились согласия и... ничего не выполнили.

Начавшаяся ломка хозяйственного уклада в деревне, гражданская война, закрытие заводов и фабрик, повлекшие за собой массовую безработицу, неурожаи 1920—1921 годов, охватившие огромную территорию, голод, эпидемии «испанки» и сыпного тифа — все это вызвало в 20-е годы массовые миграции населения, причем примерно 70 процентов общей массы переселенцев дали центральные губернии России. Переселенцам передавались земли, уже готовые для использования — в основном помещичьи, земли казачества или отрезанные куски старожильческих земель, так называемые «излишки». Замечу, что самим старожилам эти земли «излишками» не казались. Вселение русских в старожильческую среду не вызывало восторга у коренного населения, воспринимавшего их как чужеродный и враждебный элемент. И если в 1925—1926 годах миграционный процесс был достаточно мощным, то последующие годы характеризуются спадом. Так, из общей массы переселенцев в 1925—1926 годах на Северный Кавказ, по официальным данным, приходилось 10,7%, в 1926—1927 годах — 3,3%, 1927—1928 — 1,3%, 1928—1929 — 0,5%.

На 1-м Всероссийском совещании работников по переселенческому делу (март 1927) было принято решение запретить переселение на Северный Кавказ до тех пор, пока с мест не поступят данные о свободных землях. Это решение на некоторое время стабилизировало обстановку на Северном Кавказе.

Но не всегда действия центральных и местных властных структур были скоординированы. К примеру, Центр потребовал от Северного Кавказа выделения 200 тысяч земельных долей колонизационного фонда. В ответ на это представитель Северного Кавказа Ковалев, сославшись на остроту земельной проблемы, заявил, что та земля, которая числится за переселенческим фондом, просто непригодна для передачи, а кроме того, местным органам «*неизвестно мнение Центра, который может иногда изменить все то, что мы в наших специфических условиях построим*». В свою очередь Центр считал, что «*планы внутриокружного расселения разрабатывались с тенденциозным уклоном в сторону сохранения большего количества земли для нужд старожилов*».

Тех же, кто все-таки решил попытать счастья на новом месте, трудности поджидали уже в начале пути.

Не хватало вагонов, к поездам прицеплялись теплушки без отопления и освещения. Железнодорожные работники взимали незаконные поборы за лишнюю кладь. Семьи селились в наскоро выстроенных бараках, без необходимых удобств. Привозной скот нередко погибал от болезней, инвентарь оказывался непригоден к использованию в новых условиях. Многие из прибывших артелей оказались на грани распада.

Но все же люди ехали на Кавказ: из Воронежской, Тамбовской, Брянской губерний, Московского, Ставропольского, Армавирского, Донского, Кубанского округов. Кроме того, прибывали ходоки, чтобы все посмотреть на месте и, доложив своим, решить, стоит ли переселяться.

Многие семьи, желающие переселиться на Северный Кавказ, организовывались в специализированные артели. Так, например, в Сочинский, Геленджикский и Туапсинский районы за 1927—1928 годы прибыли артели садово-огороднического профиля: «Молодой ленинец» (сформирована в Армавирском округе), «Культура» (образована в Смоленске и в Москве из 53 семей), «Дружба» (18 семей), сельскохозяйственная коммуна им. И. В. Сталина из Ставрополя (39 семей), киевская артель «Новая Бессарабия», воронежское товарищество «Черносошенское» и другие.

Несмотря на все трудности, 20-е годы характеризовались дальнейшим проникновением в регион иноэтнического элемента — русских, которые активно участвовали во всех сферах общественной жизни края. Однако в процессе расселения и проживания русский этнос постоянно сталкивался с определенными трудностями экономического, политического и этнического порядка. Неправильная же постановка национального вопроса придала русскому населению статус «имперской», то есть «виноватой» нации, выступавшей проводником политики Центра. Ошибки же центральных и местных властных структур создавали почву для межнационального недоверия, от чего в одинаковой степени страдали все народы.

ПРОТИВОСТОЯНИЕ

В фонде Наркома хранится письмо, повествующее о событиях, сопровождавших образование на территории Северного Кавказа национально-территориальных единиц. Оно относится к 1921 году, когда в Горскую республику были включены 17 станиц и ряд хуторов с проживающим в них 65-тысячным казачьим и русским крестьянским иаселением.

«...Жизнь русского населения всех станиц, кроме находящихся в Кабарде, стала невыносима и идет к поголовному разорению и выживанию из пределов Горской республики:

1) Полное экономическое разорение края иесут постоянные и ежедневные грабежи и насилия над русским населением со стороны чеченцев, ингушей и даже осетин. Выезд на полевые работы даже за 2—3 версты от станиц сопряжеи с опасностью лишиться лошадей с упряжью, фургонами и хозяйственным инвентарем, быть раздетым донага и ограбленным, а зачастую и убитым или угнанным в плен и обращения в рабов. Выпас скота невозможен на предгорьях, где пустуют лучшие пастбища, и скот должен топтаться на выгоне близ станиц, отнимая от земледелия плодородную землю. Оросительные работы, увеличение площади обработанных и заселенных земель невозможно, ибо если и удалось бы посеять, то нельзя будет собрать и посевы будут потоптаны горскими табунами и скотом. Как пример: в станице Ассанской за 1920 год убито на полевых работах 10 человек, из них 2 женщины, ранеио 4 человека и 1 женщина, пленено 5 чел. Угнано рогатого скота 378 штук, лошадей 130 шт., баранов 955. Увезено и потравлено посевов на 180 десятинах, захвачено самовольно чеченцами земли и обработано ими 2340 дес., осталось необработанной земли из-за опасности работы 6820 дес. Кроме этого отняты фургоны, сбруя, одежда, разбиты улья и т. п.

Можно собрать и подсчитать данные о грабежах по всем станицам и картина будет еще более мрачная, но уже из этого примера ясно, что нельзя жить мирной трудовой жизнью и вести правильиое хозяйство при таких условиях. В текущем году пропадает не менее 1/3 посевной площади, в дальнейшем она еще больше сократится, ибо уже начинаются выселения на Кубань и в другие места.

2) Причиной такого положения служит якобы национальная и религиозная вражда горцев к русским и малоземелье, заставляющее вытеснять русское население, но обе эти причины не являются основными. При старом правительстве были примеры мирного сожительства и совместной работы русских и горцев, нет такой непримиримости, которую нельзя преодолеть при Советском строе, как вредный пережиток. Дело также не в малоземелье, это явствует из того, что до сих пор, начиная с 1918 г., разорено чеченцами и ингушами, выселено при Советской власти 11 станиц, имевших в общем 6661 дворов с надворными постройками, обсаженными усадьбами, разным инвентарем, садами и посевами на полях. Вселилось же чеченцев и ингушей за все время 750 хозяйств, а именно:

1) Ильинская,	151 двор, а	вселилось —	0
2) Аки-Юртовская,	180,	вселилось —	0
3) Фельдмаршалская	258,	вселилось —	0
4) Тарская с хутором,	537 дворов,	вселилось —	160
5) Самашкинская,	651,	вселилось —	160
6) Накан-Юртовская,	697,	вселилось —	120
7) Михайловская,	706,	вселилось —	80
8) Ермоловская,	768,	вселилось —	0
9) Сунженская,	890,	вселилось —	160
10) Калиновская,	1382,	вселилось —	0
Итого		6661 —	750

Даже такое ничтожное вселение нельзя считать прочным, ибо хозяйство не поддерживается и ие разводится, а наоборот, разрушаются здания, инвентарь, рамы, стекла и проч. увозятся в аулы, портятся фруктовые деревья. Сельскохозяйственный инвентарь разбросан, изломан, ржавеет и гниет. В одной только станице Михайловской на площади против исполкома кладбище развалин локомобилей, сеялок и прочих машин. Земля не распахана и не обрабатывается, и даже те посевы, которые остались от выселенных казаков не использованы, частью собраны кое-как, частью потравлены скотом, а частью остаются в полях для птиц. При малоземелье и нужде в ней для производства хлеба таких явлений не может быть.

3) Русское население обезоружено и к физическому отпору и самосохранению бессильно. Аулы, наоборот, переполнены оружием, каждый житель, даже подростки лет 12—13 вооружены с ног до головы, имея и револьверы, и винтовки...

Таким образом получается, что в Советской России две части населения поставлены в разные условия в ущерб одна другой, что явно несправедливо для общих интересов.

4) Местные власти вплоть до окружных национальных исполкомов в ГорЦИК, зная все это ненормальиое положение, не принимают никаких мер против этого. Наоборот, такое положение усугубляется еще открытой пропагандой поголовного выселения русских из пределов Горской республики, как это неоднократно (звучало. — *Е. З.*) на съездах, например, Учредительном Гор. республики, чеченском и др. Это печатается в газетах, таких, как «Горская правда», «Трудовая Чечня». Таким образом, практика жизни подкрепляется принципиальным бездействием власти, уверенностью в безиаказанности и официальным признанием неравенства разных групп населения. Станицы, причисленные к национальным округам, находятся в состоянии завоеванных и порабощенных местностей и совершенно непропорционально с горским населением обременены повинностями — продовольственной, подворной и прочими.

Всякие обращения и жалобы русских властей Сунженского округа, кипы протоколов об убийствах и ограблениях остаются без последствий, как будто их и не бывало.

5) Отношение местной власти и даже ГорЦИК к постановлениям высшей власти — ВЦИК недопустимое, ибо постановления остаются на бумаге, на деле же царит описанный выше произвол.

Ввиду всего выше изложенного ходатайствуем:

1) Объединить все русское населеиие 15 станиц по их желанию в одном Сунжеиском округе, причем указанные выше 7 станиц, не входящих ныне в организацию, могут быть объединены в районный исполком, подчиненный окружному. Ввиду наличности железных дорог и близости путей сообщения такая конструкция не вызовет никаких неудобств в управлении и проведении экономических мероприятий.

2) Разрешить заселение пустующих выселенных станиц как возвращающимися выселенцами, так особенно нахлынувшими с Волги беженцами — немцами из волжских колоний и крестьянами из Самарских, Саратовских и Симбирских сел с причислением их к Сунженскому окружному исполкому. Эти бежеицы с семьями, оставаясь без труда, ложатся тяжелым бременем на общество и способствуют развитию бандитизма, тогда как, поселенные на пустующих землях и в разрушающихся зданиях, они создадут и восстановят культурные ценности, а также послужат примером и для туземцев, желающих жить вместе с русскими. Сунженский окружной исполком оказал бы всю возможную помощь всем поселенцам, чтобы ими мог быть произведеи полный засев полей.

3)... разъяснить правительству автономной ГССР, что Советский строй может укрепляться только на дружиом и мирном сожитии народов и никоим образом ие совместим с национальным насилием.

4) Для избежания в будущем трения между отдельными национальными группами населения на почве административной организации, ие соответствующей экономическим задачам края, провести организацию этой части республики на экоиомической основе, создав из Грозненского промыслового и Сунжеиского земледельческого округов единый промышленный район, как самостоятельный административный округ или губернию. Таким образом были бы обеспечены интересы промысловых и железнодорожных рабочих в отношении продовольственном, а с другой стороны, культурное и экономическое развитие Сунженской долины вдоль всей линии Владикавказской железной дороги имело бы прочную поддержку и связь с крепкой рабочей организацией, обеспечивая для государства транзитный железнодорожный коридор Баку—Ростов».

ГА РФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 51. Л. 182—184.

МИХАИЛ ГЛОБАЧЕВ

КОЛХИДА ДЕВЯНОСТЫХ

Сегодняшний абхазский узел — не просто одна из «горячих точек» на карте бывшего СССР, но и плотное сплетение исторических, идеологических и геополитических мифов массового сознания. В нем сошлись, как в фокусе, жгучие комплексы бывшего многонационального советского общества. Но очень многое здесь поддается рациональному объяснению...

ФОТОГРАФИИ ГРИГОРИЯ ТАМБУЛОВА

ФОТО ЮРИЯ КОЗЫРЕВА

ПОЛУМЕСЯЦ ПРОТИВ КРЕСТА?

В декабре 1992 года, через четыре месяца с начала грузино-абхазской войны, публицист В. Жуков, анализируя политические пристрастия «патриотического блока» в тогдашнем Верховном Совете России, писал в журнале «Столица»:

«...В Абхазии православные сцепились с мусульманами — точь-в-точь как в Югославии и, в общем-то, по тем же причинам. Кто из них наши «братья»? Оказывается, мусульмане».

Далее, однако, выяснилось, что под мусульманами автор имел в виду вовсе не союзников абхазского правительства из Конфедерации народов Кавказа (КНК), известных российской или грузинской публике под общим названием «чеченских боевиков» (хотя в действительности самое активное участие в войне приняли как раз не чеченцы, а южные осетины — христиане). К этой организации парламентарии из блока «Российское единство» всегда относились по меньшей мере настороженно, подозревая ее в сепаратистских устремлениях (на самом деле, опять-таки, КНК далеко не однородна в этом смысле, но делится на «крайние» и «умеренные» национальные фракции). Нет, под мусульманскими антагонистами грузинских христиан В. Жуков подразумевал самих абхазов.

Такой стереотип сознания распространен за пределами Абхазии не только у русских, но и в близлежащих картвельских областях. Недаром на митинге у Дома правительства в Тбилиси в начале апреля 1989 года, незадолго до памятного «кровавого воскресенья», Партия национальной независимости Грузии (лидер Ираклий Церетели) выдвигала среди прочих и такой лозунг: «Не допустить образования в Абхазии мусульманской республики». Существование же в составе ГССР реальной «мусульманской республики» — Аджарской автономии, судя по всему, тогда нисколько не беспокоило национал-демократов Грузии.

Действительно, среди абхазов есть правоверные мусульмане, как, кстати, есть до сих пор и христиане (в III—IV веках Колхида еще раньше, чем Картли, стала одним из центров распространения христианства на Кавказе). Но именно в этом регионе влияние ислама еще в прошлом веке было слабым.

Не только у абхазов, но и у адыгов, абазинов, убыхов и других родственных народов Северо-Западного Кавказа ислам привился в основном лишь в родоплеменной верхушке — вместе с протурецкой политической ориентацией, в противовес усиливавшемуся давлению России, которая всю первую половину XIX столетия вела войну за овладение Кавказом. Верования большинства общинников представляли собой причудливую смесь исламской обрядности и традиционного язычества.

Присоединив основную часть Кавказа в середине XIX века, российское правительство принялось осваивать новые территории, принуждая горцев переселяться на равнину, игнорируя их традиционные особенности ведения хозяйства, границы племенных территорий и навязывая аборигенам непривычный образ жизни. Парадоксальным образом эта практика во многих своих проявлениях напоминала реалии советской эпохи — от сталинской волны кавказских и крымских репрессий до брежневской кампании по ликвидации «неперспективных деревень».

В результате основная волна переселенцев из северо-западной части Кавказа, не найдя подходящего приюта вблизи родных мест, выплеснулась на турецкий берег — не только и не столько даже в результате военных действий самих по себе, сколько на основании политического соглашения между Россией и Турцией. Одна сторона таким образом избавлялась от беспокойного элемента, освобождая земли для колонистов и пожалований; другая получала тех же крестьян для своих неосвоенных территорий и одновременно рекрутов для периодически возобновляемых войн с северным соседом.

Первыми покидали родину исламизированные князья с челядью и домочадцами. Что касается собственно абхазских поселений, то с зимы 1864 года, когда произошло первоначальное «очищение» Черноморского побережья, до конца века они потеряли, по некоторым данным, до двух третей жителей. Точное число беженцев — «махаджиров» — невозможно установить; однако число потомков абхазов в странах Ближнего и Среднего Востока, бывших владениях Османской империи, оценивается приблизительно в 400 тысяч. На территории бывшего СССР их сейчас насчитывается вчетверо меньше. (Стоит вспомнить, что древний абхазо-адыгский эпос о богатыре Сасрыкве и его братьях гласит: «Реки их были — Кубань и Бзыбь...». Равно как и то, что грузинские националисты ставят абхазам в упрек именно их претензии на «коренное представительство» в сочетании с нынешней малочисленностью абхазского народа.) Между тем после периода относительного «затишья» на смену русификации в 40 — 60-е годы века нынешнего пришла картвелизация Абхазии...

Политика советского государства еще более ослабила исламские (как и любые другие религиозные) настроения среди абхазов. Их нынешнее мироощущение представляет собой весьма распространенный, например, в странах Дальнего Востока, но редкий в кавказском регионе феномен — безрелигиозный фундаментализм. Абхазские бытовые традиции во многих отношениях близки и к шариату, и к обычаям христианских фундаменталистов — протестантов и старообрядцев. Но прочная близость между ними и сторонниками «исламского возрождения» из КНК вряд ли возможна. После военных потрясений прошлого полуязыческая абхазская община гораздо легче уживалась со славянами, лишенными кланово-родовых связей, а следовательно, менее притязательными в общежитии.

К ВОПРОСУ О ЭНДУРСТВЕ ЧЕГЕМЦЕВ

Осенью прошлого года некоторые аналитики в средствах массовой информации объявляли Республику Абхазию последним бастионом реакционного Верховного Совета РФ. Такой взгляд высказал, в частности, либеральный публицист Михаил Леонтьев в статье «Абхазия — непобежденная территория российского парламента. Сепаратистские банды в Грузии ведут наступление на Россию» («Сегодня», 30 сентября 1993). По его словам, «...генералы, очумевшие от ненависти к Шеварднадзе, могут и не понимать, что вместе с объединенными формированиями северокавказских экстремистов они воюют сегодня именно против России», подрывая позиции «пророссийских сил на Кавказе, в первую очередь в Грузии(?)».

Еще примечательнее в этом отношении труд С. М. Червонной под названием «Абхазия-1992 — посткоммунистическая грузинская Вандея», выпущенный в прошлом году в Москве. Он практически дословно повторяет все пропагандистские тезисы картвельских национал-демократов, активно развивавшиеся ими с конца 1988 года и своеобразно преломляющиеся в сознании многих либерально настроенных русских интеллектуалов. «Абхазы — реакционные совки, люто ненавидящие молодую демократию независимой Грузии и рвущиеся восстановить коммунистическую империю. Они поголовно зачитываются газетой «День», а их вождь Ардзинба — друг Лукьянова и Бабурина». Такой «политвинегрет» сплошь и рядом сервируют даже люди, в иных случаях не склонные к поспешным обобщениям.

Действительно, многое как будто свидетельствует в пользу такой точки зрения. Еще со времен хрущев-

ской оттепели во всех республиканских этноконфликтах независимо от их масштаба и конкретного «спускового механизма» (1957, 1967, 1978, 1988 и последующие годы) неизменно возникал мотив отделения Абхазии от Грузии — но не ее присоедиинения к РСФСР, как внушает грузинская пропаганда (хотя такие идеи муссировались на бытовом, не политическом уровне), а восстановления утраченного в 20-е годы статуса союзной республики. В 1991 году, когда решалась судьба Советского Союза, подавляющее большинство негрузинского населения республики проголосовало на референдуме 17 марта за его сохранение, а председатель Верховного Совета Абхазии коммунист Владислав Ардзинба активно работал в депутатской группе «Союз» ВС СССР. Он же с ходу включился в новоогаревский процесс и подхватил тезис Горбачева о предоставлении равноправного статуса не только союзным, но и автономным республикам. В. Ардзинба был единственным из руководителей автономий за пределами России, подписавшим соответствующее «антиельцинское» соглашение в июне 1991 года. После распада СССР и роспуска его властных органов контакты лидеров республики с «державно» настроенными представителями российского государственного истэблишмента продолжались.

Однако несомненный вывод отсюда можно сделать лишь один: у абхазских национальных интересов просто не нашлось в Москве лучшего лобби, нежели группа «Союз», а затем Фронт национального спасения. Российские демократы, рыночники и западники, заведомо отвергали всякого, кто осмелился пойти против их соратников по борьбе с коммунистической империей в 1989—1991 годах.

При первом же беспристрастном взгляде на абхазское «имперство» бросается в глаза его нетипичный для постсоветского пространства характер. Здесь отсутствует великорусский националистический компонент, столь характерный для Крыма, Приднестровья или Нарвы. Аналоги следовало бы искать скорее на таджикском Памире или в Нагорном Карабахе, где население также в основном настроено пророссийски — и «проимперски». Разумеется, искать этот компонент у самих абхазов было бы столь же странно, как у карабахских армян или бадахшанцев. Но и у местных славян он до последнего времени был выражен очень слабо.

Дело в том, что в курортно-аграрной Абхазии на памяти ныне живущих поколений русские практически не выступали в роли «культуртрегеров» или «цивилизаторов», поскольку не являлись и активными носителями «передового социалистического» — по сути, люмпенизированного индустриально-барачного — сознания. Некоторым исключением можно считать единственный промышленный район республики — угледобывающий Ткуарчал (Ткварчели), где ситуация, по крайней мере до последнего времени, во многом повторяла характерную для русскоязычных анклавов Балтики и СНГ. Хотя автору статьи не удалось лично убедиться, имела ли там массовое хождение национал-коммунистическая пресса, но в беседах в сентябре 1992 года многие беженцы с шахт повторяли ее агитки, вплоть до проклятий «сионисту Эльцину» и «фашисту Шеварднадзе». Абхазы же, с их точки зрения, были «хорошим народом»; естественно, ткварчельские славяне стали их идейными союзниками.

В советское время миграция в Абхазию с севера оказалась по преимуществу «элитной». Во время гражданской войны и сразу после нее туда бежали русские дворяне и мещанская интеллиген-

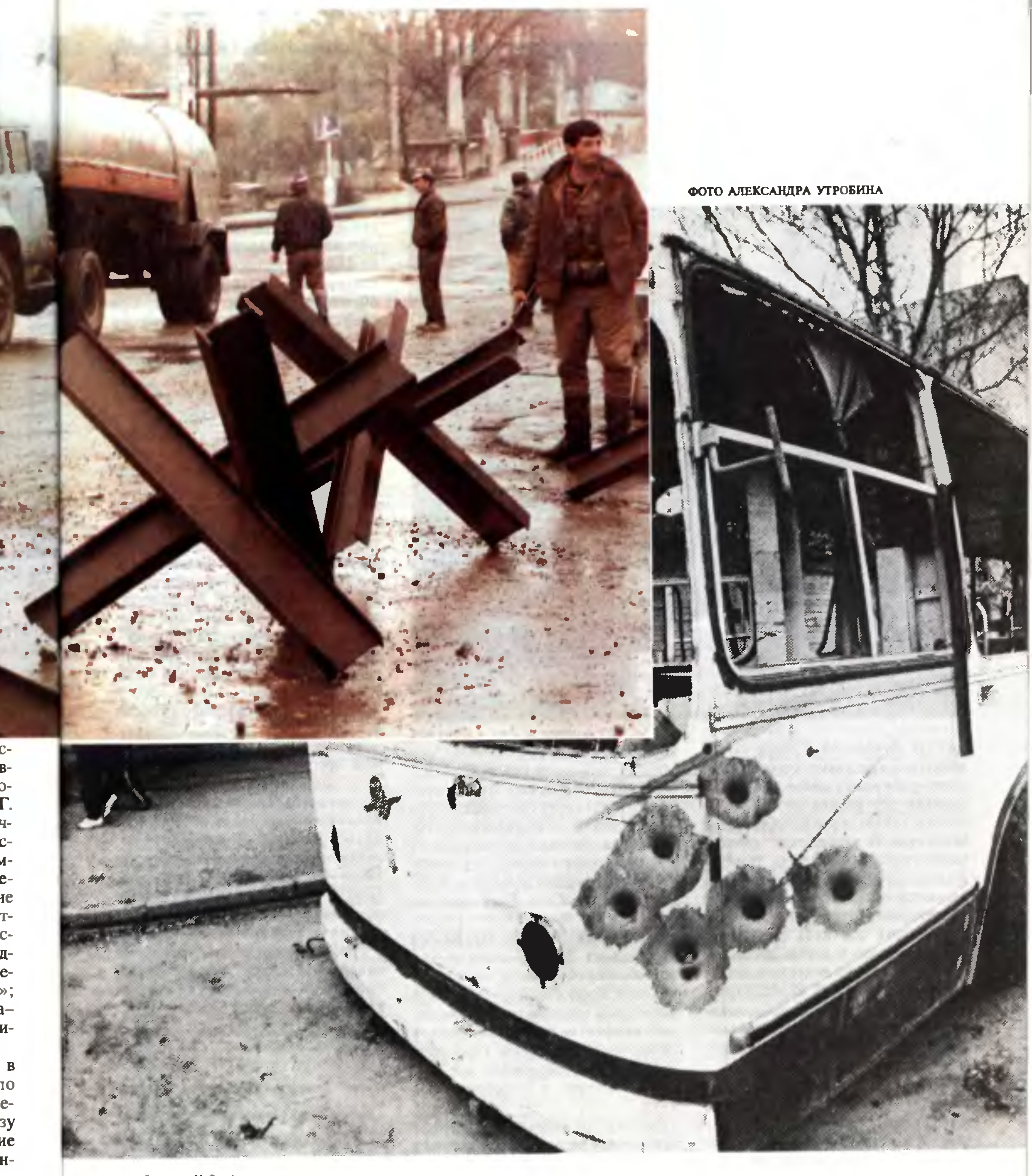

ФОТО АЛЕКСАНДРА УТРОБИНА

ФОТО АЛЕКСАНДРА УТРОБИНА

ция. В начале 30-х годов — зажиточные крестьяне, которым грозило раскулачивание. Еще несколько лет спустя до нее добирались самые жизнестойкие южнорусские и украинские колхозники, спасаясь от голода. В социальном плане эти люди характеризуются высокой терпимостью и умеренными притязаниями. Многих из них настигла следующая волна террора в конце десятилетия, которая, однако, как и всюду в зонах этнической чересполосицы, волей-неволей сосредоточилась не столько на «классовом», сколько на «национально-кадровом» вопросе.

Что касается тяги абхазов к России в 60 — 80-е годы, то известно, что для любого малого народа дальний «третейский судья» всегда желанней ближнего, промежуточного сюзерена, более склонного злоупотреблять своей властью.

Ошибка же русских интеллигентов — в их потугах размежевать на «демократов» и «коммунистов» сообщества, реально делящиеся на племена, роды и кланы. Эту ошибку они неизменно повторяли в отношении Карабаха, Таджикистана и Грузии.

...В романе Фазиля Искандера «Сандро из Чегема» жители горной абхазской деревни — по сути, родовой корпорации — относили некоторых несимпатичных им людей неясного происхождения к загадочному племени эндурцев. Это идеально объясняло все «неправильности» в поведении чужака.

Похоже, подобную универсальную методу берут на вооружение в отношении Абхазии многие российские политики и интеллектуалы, искренне считающие себя людьми передовых убеждений.

* * *

Подводя итог заметок, резонно обратиться к наблюдению, ставшему в наши дни почти трюизмом: предпосылки, заложенные в ленинско-сталинской модели «национальной государственности» бывших советских республик (которая, как принято считать, во многом и обусловила распад СССР), при всей своей внешней развернутости оказались явно недостаточными для полноценного существования наций.

Только к этому следует добавить еще одно: все новые суверенитеты волей-неволей воспроизводят прежние — «по последней памяти». Так, Российская Федерация, вопреки всем усилиям ее прозападных властей, никак не может избавиться от «имперского» бремени; Балтия, особенно Литва, чьи демографические черты сравнительно мало исказились в советский период, чем дальше, тем больше напоминает этот же регион до 1940 года; среднеазиатские государства с большим или меньшим успехом стремятся возродить в новых условиях политическую матрицу Хивинского и Бухарского протекторатов России и т. д.

Это, в общем, отдельный обширный предмет для обсуждения. Замечу лишь, что Кавказ в целом, и Грузия с Абхазией в частности, закономерно унаследовали ту же «память последней независимости»: непрочный суверенитет образца 1918—1921 годов, времен гражданской войны и разрухи. Столь же обманчивым в смысле оптимистических ожиданий и безошибочным в суровой реальности неминуемо окажется и возврат в более давнее прошлое, к фантомному существованию феодальных микрогосударств до Георгиевского трактата и Кавказской войны.

Автор благодарит за помощь в подготовке материала кандидата исторических наук О.П.БИБИКОВУ и политолога О.В.ВАСИЛЬЕВУ.

СМЕРТЬ ГЕРОЯ

ЕГО ОСТАНКИ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ПРЕДАНЫ РОДНОЙ ЗЕМЛЕ

В коллекции черепов людей разных эпох, собиравшейся в Кунсткамере с середины XVIII века, есть один необычный экспонат. В отличие от других он именной, на нем имеется надпись на арабском и русском языках: «Наиб Хаджи-Мурад Аварский». Каким образом череп Хаджи-Мурата стал музейным экспонатом? Ведь русские не рубили головы своим пленникам, по крайней мере в XIX столетии.

В знаменитой повести Л. Н. Толстого о кавказском герое подробно описаио бегство Хаджи-Мурата из плеиа и последнее сражение, окончившееся смертью и отсечеиием головы от тела. Но можно ли здесь доверять писателю как историку?

В предисловии к повести Лев Николаевич пишет: *«И мне вспомнилась одна давнишняя кавказская история, часть которой я видел, часть слышал от очевидцев, а часть вообразил себе»*. Понятно, что мы заинтересованы в том, чтобы отделить реальные исторические события и биографические сведения о Хаджи-Мурате от литературного воплощения образа. И мне представляется, что автору повести можно и нужно доверять как историку. На это указывает и сам затянувшийся процесс работы над повестью. Вероятно, немногие знают, что, начав работу в 1896 году, он неоднократно возвращался к ней вплоть до 1904 года, так и не опубликовав повесть при жизни. Впервые она увидела свет лишь в 1912 году и издана Александрой Львовной Толстой, которая в примечании сообщает, что Лев Николаевич мучительно искал недостающие ему сведения и факты.

По повести, выйдя к русским, Хаджи-Мурат сам рассказывает свою историю. Он аварец, родился в маленьком ауле недалеко от Хунзаха, центра Аварии, где жили ханы. Родители служили хунзахским ханам. Мать была кормилицей, и один из ханских детей стал Хаджи-Мурату молочным братом. Хунзахские ханы не хотели принимать газават — священную войну против «неверных» (русских) и были уничтожены мюридами. Хаджи-Мурат отомстил за зверское убийство ханов Хунзаха, но был схвачен. Ему удалось бежать — во время перехода в другое место ои прыгиул в пропасть со связанными руками и сильно разбился. Его подобрали и выходили пастухи. *«Ребра, голову, руки, ноги, все поломал»*, — рассказывает Хаджи-Мурат в повести. *«Ребра, голова зажили, зажила и нога, только стала коротка»*, — продолжает он.

Этот рассказ крайне интересен, ибо содержит сведеиия, позволяющие при наличии скелетных останков проверить их достоверность. К сожалению, в иашем распоряжении только череп.

Череп Хаджи-Мурата был передан в наш музей в 1959 году из Военно-медицинской академии Ленинграда (до Октябрьской революции — Императорская Военно-Медицинская Академия). Никаких докумеитов и сведений о том, как он попал в Академию, не имеется. Таким образом, единственным указанием на паспортную принадлежность черепа Хаджи-Мурату является уже упомянутая надпись на нем.

На поверхности черепной коробки имеются следы прижизненных, но совершенно заживших повреждений. В левой части лобной кости острым режущим орудием (сабля, кинжал) косым скользящим ударом была срублена наружная пластина. Срез образовал овал вдоль продольной оси черепа длиной 4 и шириной 3 сантиметра. Сходное повреждение имеется и на правой теменной кости в области теменного бугра. Мне представляется, однако, что это повреждение могло произойти и от сильного удара о твердую поверхность (камни). Повреждения на черепе свидетельствуют в пользу прааднвости описанного эпизода о побеге из плена Хаджи-Мурата от кровного врага — Ахмет-Хана.

Хаджи-Мурат примкнул к газавату, и этот период его жизни наполнен ратными подвигами. Слава о них прокатилась по всему Кавказу, дошла и до Петербурга. Но зыбко положение удачливого военачальника при «дворе» восточного правителя. Ревность к популярности нового героя или неосторожно брошенное слово — много ли надо, чтобы потерять доверие в глазах владыки. Шамиль упорно требует прибытия Хаджи-Мурата в свою ставку, но тот уже не верит ему. Он отбивается от отряда, посланного Шамилем, чтобы взять его силой. После этого ему уже ничего не оставалось, как пойти к русским и предложить свои услуги в борьбе с Шамилем. Такова версня Л. Н. Толстого. На мой взгляд, она вполне правдоподобна.

Хаджи-Мурат просил войско. Но непременное предварительное условие его участия в борьбе на стороне России — спасение семьи. Мать, жена и дети Хаджи-Мурата остались в лагере Шамиля.

В русской ставке к Хаджи-Мурату отнеслись с интересом и сочувствием. Ему и его слугам было выделено приличное содержание. Ои пользовался относительной свободой — разрешались прогулки иа лошадях. Но дело неимоверно затянулось. Переговоры о дальнейшей судьбе Хаджи-Мурата велись на высшем правительственном уровне и дошли до царя. Конечно, в ставке многие не доверяли Хаджи-Мурату, да и семью его практически иевозможно было вывезти от Шамиля.

Хаджи-Мурат понял безысходность положения. Он решился на побег. В одной из конных прогулок в сопровождении всех своих мюридов он решительно повернул коня в сторону гор. Казачья охрана, ие ожидавшая побега, не смогла ему воспрепятствовать и погибла в короткой кровавой схватке.

Весть о побеге быстро дошла до гаризона. В погоню был послан отряд милиции, который догнал и окружил Хаджи-Мурата на месте ночевки. Но не ои решил дело. К утру к этому месту подоспели отряды Хаджи-Ага и сыиа старого врага Хаджи-Мурата Ахмет-Хана. Они с энтузиазмом ввязались в бой. Согласно описанию Льва Николаевича, Хаджи-Ага первый подбежал к распростертому телу Хаджи-Мурата и «*...ударил его большим кинжалом по голове...*». И далее: *«Хаджи-Ага, наступив ногой на спину тела, с двух ударов отсек голову...»* Правда, следа удара кинжалом по голове, как следует из приведенного выше описания, не обнаружено.

Голову Хаджи-Мурата доставили в русский стан. Там она, вероятно, попала к военному лекарю. Впоследствии тот, скорее всего, и переслал череп в Военно-медицинскую академию, где, как и в Кунсткамере, была начата работа по сбору краниологической коллекции (cranium по-латииски — череп).

В настоящее время отдел культуры Дагестана проводит работу по подготовке воссоединения черепа с другими останками Хаджи-Мурата, покоящимися в могиле иа территории республики. Руководство нашего музея готово содействовать этой акции. Необходимо только одновременно провести изучение останков остального (посткраниального) скелета, что будет способствовать идентификации остаиков национального героя Дагестана.

ИЛЬЯ ГОХМАН,
заведующий отделом музея антропологии и этнографии им. Петра Великого
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

СЕМЕНА ДОБРА И СЕМЕНА ЗЛА

О том, как покоряли Кавказ и что об этом помнят горцы, рассказывает в беседе с нашим корреспондентом заведующий отделом народов Кавказа Института этнографии Российской Академии наук, член-корреспондент РАН Сергей Александрович Арутюнов.

— Сергей Александрович, в какой степени, на ваш взгляд, драматические конфликты, охватившие в последние годы Кавказ, могут быть рассмотрены как отдаленные последствия событий более чем столетней давности?

— В буддийском вероучении считается, что любое деяние, благое или злое, не пропадает бесследно. Сегодня или в будущем, но оно непременно будет иметь какой-то результат, даже вне зависимости от религиозных понятий греха и воздаяния. Грехи первооткрывателей Америки, совершенные пятьсот лет назад, в какой-то мере сказываются на современных белых жителях США, живущих там уже три столетия.

Это в Америке. Что же говорить о Кавказе, где с начала аналогичных событий прошло не пятьсот лет, а всего двести, где коренные народы и численностью побольше, чем американские индейцы, и процентная доля их несоизмеримо выше, и уровень культуры совершенно иной, и уровень военно-патриотического сознания — формационно иной, я бы сказал, и иная глубина памяти. Если индейцы помнят в основном предания и мифы, то у кавказских народов требуется, чтобы мужчина, если он хочет быть уважаемым и уважать самого себя, знал семь поколений своих предков, и не только их имена, но и обстоятельства их жизни и смерти, и где их могильные камни. А семь поколений — это как раз время, прошедшее с начала Кавказской войны. И для современного чеченца, кабардинца, адыгейца или шапсуга даже начало XIX века — не что-то абстрактно-историческое, а совершенно конкретные судьбы членов его семьи. Он знает, куда делись его родственники и где они живут. Он знает, как погибали и пропадали люди его рода в конце XVIII века, и в середине XIX, и в 1918 году, и в 1944-м. Все это зафиксировано в исторической памяти. Кавказцы вообще обладают хорошей памятью и не забывают ни зла, ни добра. Зла не прощают, как правило, но за добро остаются по гроб жизни благодарны. Помнят и имена генералов и солдат, от чьей руки погибли их родные.

— И даже солдат?

— Даже солдат. Для увековечения памяти участников Кавказской войны многое сделало царское правительство. Поселок Архипо-Осиповка, например, назван в честь героя-солдата Архипа Осипова, который взорвал себя и вместе с собой несколько десятков черкесов. Поселок Лазаревское назван в честь адмирала Лазарева, который был героем российского флота и одновременно завоевателем. Такие вещи для кавказцев — все равно что заноза.

— Можно вспомнить еще и памятники Ермолову, мозолившие глаза местным жителям...

— Ну, Ермолова-то уже убрали. И не его одного. Были и курьезы: с год назад в Грозном мне показали постаменты снесенных памятников, и среди них — постамент памятника Чехову. Я удивился: его-то за что? Ответили: у нас ребята не очень грамотные, приняли его за Дзержинского...

Но помнят на Кавказе и добро. Карачаевцы, при всех несчастьях, которые обрушились на них и при царе, и при Сталине, хранят добрую память о полковнике Петрусевиче — деятеле местной администрации, очень много сделавшем для просвещения и здравоохранения в крае и ставшем там своего рода героем на ниве культуры. И когда те же карачаевцы и чеченцы жили в ссылке, то среди русских и казахов у них были друзья и побратимы, образовалось и много семейных связей. А при возвращении из ссылки в 1957 году русские друзья и побратимы помогли обжиться на пустом месте, дали семена и молодняк скота на обзаведение. В долгой истории наших взаимоотношений сеялись и семена зла, и семена добра. Какие всходы будут расти лучше — это зависит от того, какие семена будут поливать и удобрять современные политики. Но, к сожалению, они оказываются не на высоте.

Я вовсе не хочу подвергать сомнению их добрые намерения. Но действуют они без должного понимания, без знания предмета. Раньше мы писали докладные записки, сейчас просто публикуем малым тиражом выпуски по неотложной этнологии. Все это поступает в Госкомфедерации и в другие структуры, но я не замечаю, чтобы этими материалами пользовались. И в ингушском, и в чеченском вопросе допущено очень много ошибок, обусловленных непоследовательностью и некомпетентностью, и есть тенденции, которые вызывают у меня опасения. Особенно опасны любые попытки силового давления на Чечню — это все равно что прежние попытки силового давления на Афганистан. Результат будет точно такой же.

— Как вы думаете, возможна ли по отношению к Чечне какая-то планомерная и целенаправленная политика со стороны Центра, и какой должна быть эта политика? Или, может быть, лучше просто оставить Чечню в покое?

— Мне кажется, предоставленная самой себе, чеченская проблема не разрешится или будет очень долго нагнаиваться. Нужна добрая воля — хотя бы по отношению к тому же Дудаеву. Пока у него есть какая-то власть в Чечне, надо относиться к нему с элементарным уважением. Я что-то не помню, чтобы так, как Дудаева, у нас третировали Мобуту или аятоллу Хаменеи, хотя в моральном плане они ему, я думаю, существенно уступают.

— Но там действуют нормы дипломатического этикета, принятые между суверенными государствами...

— Но Чечня сегодня де-факто — независимое государство. И это не личная позиция Дудаева, это позиция буквально каждого чеченца. Возможно, Чечня останется в составе России и будет нормальным членом федерации, но к этому надо идти путем переговоров, признания равноправия другой стороны. Что произошло, когда балтийские республики, и первой из них Литва, объявили о своей независимости? Горбачев тогда сказал: переговоры возможны с иностранным государством, а целое со своей частью переговоров вести не может. Но, во-первых, этот тезис неправилен: и с членом федерации Центр должен вести переговоры. А во-вторых, надо смотреть на вещи реалистически и считаться с тем положением, которое существует де-факто, а не только де-юре. Боюсь, сейчас повторяется та же ошибка. Российско-литовской войны, даст Бог, не возникнет, российско-латвийская чуть было не началась в январе, но все это сущие семечки по сравнению с тем, что нас ждет, если вдруг разразится российско-чеченская война.

— Она просто охватит весь Кавказ.

— И не только Кавказ: террористические акты выйдут далеко за его пределы. По уровню жестокости эта война будет несравненно хуже, чем, скажем, партизанская война в Литве, хотя и там творились вещи далеко не ангельские. А о том, что ожидает в этом случае русское население всего Кавказа, и думать страшно. Ответственные политики должны это понимать и не подталкивать к такому повороту событий — но в ряде заявлений проскальзывают угрожающие нотки. Я с ужасом думаю, что кто-нибудь решит, будто можно, например, ввести в Чечню войска для охраны железной дороги, и жизнь в республике будет при этом идти прежним чередом. Подобная тактика уже была опробована Грузией в Абхазии, но в Чечне масштабы кровопролития будут не абхазские и даже не таджикистанские.

— Кстати, точно так же первоначально собирались действовать советские войска в Афганистане — надеялись просто встать гарнизонами и нести охрану коммуникаций...

— Да. Но при этом в Афганистане все же не было русских сел...

— Какова ваша точка зрения на влияние исламского фактора в северокавказском регионе — во время Кавказской войны и теперь? Существует ли здесь опасность исламского фундаментализма — или это надуманные страхи? В печати сталкиваются самые различные суждения по этому вопросу, небезразличному, надо полагать, для выбора общей кавказской стратегии России...

— Я думаю, исламский фактор не нужно ни преувеличивать, ни преуменьшать. Сейчас, в отличие от прошлого века, ведущую роль играет не религиозная идея, а национальная. Религиозный же фактор скорее факультативен. Действует он географически неравномерно: чем дальше с запада на восток, тем больше влияние ислама. В Адыгее, в Северной Осетии роль ислама невелика. В Дагестане и Чечне ислам всегда был традиционно силен. На Западном же Кавказе позиции ислама несильны, зато сильны связи с диаспорой — с абхазами и чеченцами, живущими в Турции, и среди этой диаспоры ислам, в том числе фундаменталистский, достаточно влиятелен. Воздействие диаспоры на российских соплеменников будет возрастать — быстрее или медленнее. И противопоставить исламскому фундаментализму можно только ислам же — но ислам либеральный, просвещенный, экуменический, лояльный по отношению к иноверцам, во всяком случае к другим людям Писания — христианам и иудеям. К сожалению, систематической опоры на ценности либерального и просвещенного ислама в политике наших властей я пока не вижу — разве что случайные действия в этом направлении. Вовсю идет государственная поддержка казачества и православия. Само по себе это неплохо, и после длившихся десятилетиями гонений на православную веру, на казачество справедливость должна торжествовать. Но ведь таким же, если не худшим, гонениям подвергался и ислам, горцы Кавказа, в особенности репрессированные народы. И если казаки могут создавать военизированные формирования в составе российской армии, то надо признать это право и за горцами. (Горские дивизии, кстати, существовали и при царизме, и во время Великой Отечественной войны.) Если Рождество Христово объявляется государственным праздником, то и Курбан-байрам должен быть официально признан в мусульманских регионах и должен широко освещаться средствами массовой информации.

— В этой связи я хотел бы спросить: играет ли здесь какую-то роль память об участии казачества в Кавказской войне? И действительно ли казаки представляют собой этнографическую или субэтническую группу — или это всего лишь сословие?

— Роль казачества в Кавказской войне все же не была первостепенной — война эта велась прежде всего силами регулярной армии. Какая-то память об этих событиях у казаков, конечно, существует, но, в отличие от горских народов, это скорее псевдопамять, она насаждается искусственно. Революция заслонила в глазах казаков всю их предшествующую историю и разделила ее на более или менее нормальную жизнь при царе и историю страданий после 1917 года. А у горцев, во-первых, глубина памяти больше, а во-вторых, они помнят много этапов своих бедствий.

Что же касается природы казачества, то, видимо, надо считать его этнографической группой в составе русского народа. Сейчас многие этнографические группы стремятся провозгласить себя народами: некоторые группы татар, мегрелы и сваны в Грузии, две части мордовского народа — эрьзя и мокша и т. д. И следует, мне кажется, определенный статус если не народов, то особых групп за ними признать — игнорировать такие декларации нельзя. Ни с прагматической точки зрения, ни с моральной. Все эти люди имеют право на свою самобытность и самоуправление — но, разумеется, не за счет других. Поэтому подобные акты должны быть симметризированы.

— Сейчас много говорится о порочности национально-территориального деления и о том, что от него надо каким-то образом избавляться. Хотя как быть при этом с границами — никто не знает...

— Менять территориальное деление России мы не вправе. Хельсинкский принцип нерушимости границ относится не только к границам между членами СБСЕ, но и к границам между членами федераций. Независимо от того, хороши или плохи эти границы, — а чаще всего они, кстати, не столь уж и произвольны. Границы районов — да, их, возможно, следует уточнять. Могут создаваться национальные районы, но очень осторожно и, я думаю, по швейцарскому кантональному принципу, чтобы это были не просто административные единицы, а реальные единицы локального самоуправления. А границы между членами федерации должны быть неприкосновенны. Хотя возникают проблемы, например с Пригородным районом Северной Осетии. Но и они могут быть решены путем создания ингушского кантона (по примеру итальянского кантона в Швейцарии). В принципе во всех этих спорах беспристрастным арбитром должен быть президент — коль скоро Конституция дает ему столь значительные полномочия — и, может быть, Конституционный суд. При этом суверенность членов федерации не должна ущемляться; но если происходит нарушение прав человека, законности, доходит до погромов, этнических чисток, поджогов сел — тут центральная власть должна вмешиваться. И надо, чтобы в такие моменты приглашались международные наблюдатели. Мы же приглашали к себе наблюдателей на парламентские выборы, хотя мы там всего лишь вычеркивали слова на бумажке и никого не вычеркивали из жизни. А когда пытаются вычеркнуть из жизни целый народ, неужели не должен присутствовать международный контроль?

Я надеюсь, что печальный опыт Ингушетии, как трагически это ни звучит, все-таки подействовал отрезвляюще на националистические горячие головы в других районах Северного Кавказа. Люди поняли, что если они развяжут конфликт, то сами же могут в нем погибнуть и их дома могут сгореть. Думаю, что в республиках народ сам разберется в своих проблемах. Центральная же власть должна ограничивать стремление местных президентов и премьеров к превращению этих районов в удельные княжества, — но не путем подмены их власти властью эмиссаров или резидентов из Центра, а, как я уже сказал, кантональным путем — с помощью власти снизу, всячески расширяя права самоуправляющихся общин и районов.

Беседу вел **ПАВЕЛ СПИРИН**

САМАЯ НЕИЗВЕСТНАЯ?

ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ЖУРНАЛА «РОДИНА»

Центр новой социологии и изучения практической политики «Феникс» по заказу журнала «Родина» провел опрос, целью которого было составить представление об информированности студентов и интеллигентов-гуманитариев относительно Кавказской войны. Из числа опрашиваемых были исключены историки, так как предполагалось, что они, как профессионалы, должны иметь более или менее четкое представление о Кавказской войне. Респонденты были разбиты на две большие группы: на молодежь (в основном студенты и аспиранты) и на гуманитарную интеллигенцию старше 35 лет (в основном преподаватели). Всего планировалось опросить 500 респондентов.

Самый первый результат социологического обследования выявился уже на стадии проведения опроса. Студенты-гуманитарии проявили исключительную индифферентность и даже нежелание участвовать в опросе. Большинство из тех, кто отказался отвечать на вопросы анкеты, мотивировали свой отказ причинами материального характера (*«Мне за это не платят»*, *«Я бесплатно ничего делать не буду»*), а также отсутствием интереса к данной теме (*«Мне это неинтересно»*; *«Мне это не нужно»*). Третьей по распространенности причиной отказа было откровенное недоверие к социологии вообще (*«Все ваши опросы — обман»*; *«Вся эта социология —вранье; что вам начальство прикажет —то и напишете»*).

Все это привело к тому, что вместо 300 респондентов — студентов и молодых аспирантов — было опрошено лишь 200. Значительно недопредставлены в выборке оказались студенты —экономисты и финансисты, особенно упорно отказывавшиеся принимать участие в опросе.

Основным результатом обследования можно считать то, что опрос выявил, мягко выражаясь, крайне низкий уровень знаний о Кавказской войне. Уже на первый вопрос («С какого по какой год длилась Кавказская война?») точно не смог ответить ни один респондент. Причем чрезвычайно велико было число тех, кто вообще не мог ответить на этот вопрос (у молодежи —72%, старше 35 лет —61%). Остальные в основном ответили: «XIX век» без дальнейших уточнений (6% ответили: «XVIII—XIX века»). Лишь незначительное число респондентов —преимущественно филологов — указали 20—30-е годы, 20—40-е или 20—60-е годы XIX века, опираясь, как нетрудно выяснить из анализа их анкет, на свои знания биографий русских писателей — участников Кавказской войны.

Не лучше оказались и ответы на вопрос «На какой территории проходили боевые действия?» 28% молодежи и 2% респондентов старше 35 лет вообще не смогли сказать, где проходила Кавказская война! 45% в первой группе и 28% во второй рискнули предположить, что Кавказская война шла на Кавказе. Соответственно 12% и 51% указали Северный Кавказ. Буквально считанные единицы смогли далее детализировать свой ответ. В основном эти респонденты ответили: «Чечня» или «Чечня и Дагестан» (3% у молодежи, т. е. 6 человек, и 5,5% старше 35 лет, т. е. 11 человек). Лишь несколько человек из второй группы оказались в состоянии достаточно точно очертить территорию боевых действий в Кавказской войне. Все они оказались старше 55 лет, мужчинами, преподавателями.

На вопрос «Какие стороны были вовлечены в конфликт?» целых 25% молодежи и 6% старше 35 лет не смогли ответить вообще. 22% в первой группе и 8% во второй сочли воюющей стороной неких анонимных «*кавказцев*», а 71% и 91% —Россию, соответственно 24% и 77% —«*горцев*» («*горцев-мусульман*»), 12% и 38% —Турцию, 4% и 8% —Персию (Иран), 3% и 8% —Англию. Менее 3% от общего числа респондентов указали другие стороны, вовлеченные в конфликт (в их числе Франция, Болгария, Румыния, Грузия, Армения, Азербайджан, Австро-Венгрия, а также «*большевики*» и «*мировой империализм*»).

На вопрос о результатах войны не смогли ответить 30% молодежи и 4% респондентов старше 35 лет. Соответственно 50% в первой группе и 86% во второй уверенно сказали, что результатом войны было присоединение к России (завоевание, колонизация) Кавказа.

На вопрос об исторических лицах, участвовавших в боевых действиях, не смогли ответить вообще 32% молодежи и 12% респондентов старше 35 лет. Лишь 24% в первой группе и целых 68% во второй назвали Шамиля, соответственно 12% и 62% — А. П. Ермолова. Дальше —статистический «провал». Лишь 3% и 6% смогли назвать Гази-Мухаммеда, 0% и 2% — И. С. Паскевича, 0,5% и 3% —Н. Н. Муравьева. Свыше 5% в первой группе и около 12% во второй (преимущественно филологи и журналисты) включили в число исторических лиц писателей: Лермонтова (5,5% и 12%), Льва Толстого (6% и 12,5%), Бестужева-Марлинского (5% и 11,5%), Грибоедова (6% и 1,5%). Две студентки назвали Печорина, полагая его, видимо, лицом историческим.

Интересно, что никем не был назван Хаджи-Мурат, сочтенный, видимо, плодом литературного вымысла А. Н. Толстого. Впрочем, один из респондентов назвал Мюрата, но имелся ли в виду Иоахим Мюрат, король Неаполитанский, или Хаджи-Мурат, или же таким причудливым образом в сознании респондента преломилось воспоминание о мюридах, уточнить не представляется возможным.

На вопрос о характере Кавказской войны затруднились ответить в первой группе 48% и во второй 32% респондентов. Соответственно 12% и 28% сочли войну справедливой со стороны горцев (защита своей независимости), 6,5% и 16%, напротив, — справедливой со стороны России (защита южных рубежей, защита от турецкой агрессии, помощь христианским народам в Закавказье, цивилизаторская миссия России на Кавказе). 20,5% и 32% охарактеризовали войну как колониальную со стороны России, а 12% и 3,5% выразили мнение, что Кавказская война для всех

сторон носила характер несправедливый, захватнический, корыстный. Причем 8,5% респондентов-молодежи специально подчеркнули, что справедливых войн вообще не бывает. Кроме того, 6% в первой группе и 24,5% во второй охарактеризовали Кавказскую войну как религиозную. Таким образом, в выборке оказались представлены все основные точки зрения на Кавказскую войну, известные из литературы.

Обращает на себя внимание явная неуверенность в ответах молодежи —особенно по сравнению со второй группой респондентов, а также явное падение у молодежи престижа внешней политики Российской империи. Опрос также свидетельствует о существовании в молодежной среде выраженных пацифистских настроений, вполне значимых статистически (интересно, что 75% респондентов, утверждавших, что справедливых войн не бывает вообще, были юношами, а не девушками, вопреки ожидаемому). Наконец, то, что достаточно высокое число респондентов старше 35 лет охарактеризовало Кавказскую войну как религиозный конфликт, может быть как свидетельством лучшего знания темы, так и следствием «осовременивания» Кавказской войны в связи с расцветом религиозных конфликтов в наше время.

На вопрос «Сказываются ли последствия этой войны сегодня и если да, то как?» не смогли ответить 28% респондентов из первой группы и 8% из второй. Соответственно 2% и 0,5% ответили «не сказываются», а 18% и 12,5% сочли, что сказываются, хотя и не смогли сказать как. Это отражает, безусловно, воспринятое еще в школе и перешедшее на уровень массового сознания убеждение, что ничто в истории не проходит бесследно. Остальные респонденты смогли назвать значительное число сегодняшних последствий Кавказской войны, которые удалось свести в пять групп: Россия вынуждена сегодня решать запутанные национально-территориально-религиозные проблемы на Кавказе (8% и 26,5%); к русским на Кавказе и в Закавказье относятся неприязненно или с ненавистью (12% и 32,5%); на Кавказе возобновилась война (16,5% и 40,5%); на Кавказе возникли проблемы с казачеством (8,5% и 12,5%); «*лица кавказской национальности*» не считаются официально в России иностранцами, «*заполонили Россию*» и вносят весомый вклад в рост преступности (26,5% и 8%).

Нетрудно заметить, что практически никаких положительных последствий для сегодняшнего дня в результатах Кавказской войны респонденты не видят. Особенно мрачно настроены респонденты старше 35 лет. В то же время опрос показал гораздо более высокий уровень неприязни к выходцам с Кавказа среди молодежи, чем среди респондентов старше 35 лет. С одной стороны, это явно следствие исчезновения целенаправленной пропаганды интернационализма, с другой —молодежь (и, вероятно, обоснованно) ощущает себя менее защищенной от криминального элемента (78,5% респондентов, боящихся «лиц кавказской национальности», —девушки). Наконец, один респондент (18 лет, студент-журналист) поделился мнением, что если бы не Кавказская война, то Россия избежала бы сталинизма, «*потому что Сталин и Берия были грузинами*».

Просто в тупик поставил многих респондентов вопрос «Отразилась ли Кавказская война на культурном развитии России и если да, то как?». 40% молодежи и 27,5% респондентов старше 35 лет не смогли ответить на этот вопрос. Соответственно 5% и 2% сочли, что «не отразилась», а 16% и 11,5% ответили, что отразилась, но не смогли конкретизировать как. Объяснение здесь аналогично объяснению соответствующих ответов на предыдущий вопрос. Но и те, кто смог что-то сказать о влиянии Кавказской войны на культурное развитие России, оказались в состоянии назвать лишь незначительное число последствий: отражение Кавказской войны в русской литературе (в творчестве Пушкина, Лермонтова, Л. Толстого и др.) —21% и 41,5%; воздействие на костюм («*черкеска*») и образ жизни казачества —8,5% и 21,5%; воздействие на музыку («*лезгинка*») —3% и 18%. И это —все.

Наконец, надо сказать еще об одной категории респондентов. Несмотря на то что в тексте опроса дважды ясно говорилось о Кавказской войне, 18% молодежи и 8% респондентов старше 35 лет перепутали ее с другими войнами —в основном с Крымской, реже — с какой-либо из русско-турецких или с другими. Соответственно они давали более или менее верные ответы о времени, месте, исторических персонажах, последствиях и т. д. этих войн. Таким образом, последствиями Кавказской войны становились освобождение Болгарии от османского ига, реформа 1861 года и т. д. Один респондент (студент-юрист, 22 года) дал просто блестящие и полные ответы на все вопросы, но, к сожалению, счел, что Кавказская война —это боевые действия на Кавказском фронте в ходе первой мировой войны.

В какой-то степени скудные знания о Кавказской войне разъясняют ответы на вопрос «Интересовала ли вас когда-либо эта тема?». Лишь 4% респондентов старше 35 лет ответили «да», а среди молодежи таких не было вовсе!

Суммируя результаты опроса, можно сделать два основных вывода: во-первых, уровень исторических знаний у гуманитариев-неисториков прогрессивно падает с уменьшением их возраста, а у студентов, получивших школьное образование в основном уже после начала «перестройки», просто стремится к нулю. Это засвидетельствовано стратификацией данных опроса по точному возрасту респондентов. У молодежи также чем дальше, тем больше наблюдается сближение уровня исторических знаний по признаку пола. Отчасти, конечно, такие результаты можно объяснить тем, что у респондентов старше 35 лет было больше времени и возможностей для накопления знаний, но узкая специфика темы дает возможность также заподозрить наличие прогрессирующего упадка в области преподавания истории в стране.

Второй вывод: несмотря на свою исключительную длительность, Кавказская война оказалась одной из наименее известных войн, которые вела Россия. Общий уровень знаний о ней чрезвычайно низок даже у гуманитариев. Вообще тот факт, что в среднем 38% молодежи и 21% лиц старше 35 лет не смогли ничего рассказать об этой войне, а еще у 18% и 8% она замещена в сознании другими войнами (Крымской и т. д.), позволяет характеризовать Кавказскую войну как самую неизвестную войну. Это особенно печально и тревожно, учитывая острую политическую и военную ситуацию на Кавказе сегодня.

АЛЕКСАНДР ТАРАСОВ,
ведущий эксперт Центра новой социологии и изучения практической политики «Феникс»

Наш толковый словарь

В книгах и статьях, связанных с Кавказской войной, есть ряд терминов, достаточно понятных специалистам и потому не объясняемых специально. Тем не менее заинтересованному читателю-неспециалисту это грозит утомительным путешествием по словарям и справочникам. Поэтому редакция сопровождает этот номер журнала минимальным толковым словарем, в котором объяснены понятия и термины, могущие вызвать трудности при чтении статей. Значения толкуются прежде всего применительно к месту и времени Кавказской войны.

АБРЕК (вероятно, от осетинского «абрег» — скиталец, разбойник) — изгнанник из рода, ведущий скитальческую или разбойничью жизнь. С XIX века в России стали употреблять это название по отношению к кавказцам, борющимся против российской государственной администрации. На Северо-Западном Кавказе — ХЕДЖРЕТ. Кубанские казаки говорили о них: «Свинцом засевают, подковой косят, шашкой жнут».

АДАТЫ (арабск.) — неписаный закон, основанный на обычае (обычное право). У народов, исповедующих ислам, существовал вместе с шариатом и имел определенную сферу применения. Максимально заменить адаты шариатом было одной из целей имамов Чечни и Дагестана.

АМАНАТ (арабск.) — заложник, часто ребенок из знатной семьи, даваемый в обеспечение договора. Нарушение договора означало рабство или смерть аманата.

ГАЗАВАТ (множеств. число от арабск. «газва» — набег) — «война за веру», «священная война», частный случай ДЖИХАДА. Так называли свои военные действия участники войны против русской администрации и признающих ее горцев.

ГЯУР (турецк. «гяфур» — неверующий) — презрительная кличка немусульманина. Обычно переводится как «неверный», что не совсем точно, поскольку «неверными» считали только язычников или тех, кто вообще не исповедует никакой религии.

ДЖИХАД (арабск. «усилие») — в широком смысле слова любая борьба «на пути к Аллаху»: «джихад сердца» — борьба с собственными дурными наклонностями, «джихад языка» — «повеление одобряемого и порицание запрещаемого», «джихад руки» — дисциплинарные меры против нарушителей законов и нравственности и «джихад меча» — вооруженная борьба с неверными. Пророку Мухаммеду приписывались слова: «Мы вернулись с малого джихада (то есть с войны), чтобы приступить к джихаду великому» (то есть к духовному самосовершенствованию).

ИМАМ (арабск. «амма» — стоять впереди, руководить, предводительствовать) — руководитель общей молитвы в мечети, стоящий впереди всех. Поскольку первым функции имама выполнял сам пророк Мухаммед, сохранилась традиция признавать духовный и политический авторитет имама. В годы Кавказской войны имамы Чечни и Дагестана обладали верховной светской и духовной властью в подчинившихся им районах. В период Кавказской войны было три имама Чечни и Дагестана: Гази-Мухаммед (1828—1832), Гамзат-Бек (1832—1834) и Шамиль (1834—1859). Считается, что они были избраны «народом и учеными», но важную роль в их избрании сыграло веское слово крупного религиозного авторитета того времени Мухаммеда Ярагского (1770—1838).

ЛИНИЯ — вдоль российских границ на важнейших стратегических направлениях создавались пограничные укрепленные линии, представлявшие собой систему крепостей и укрепленных пунктов, охранявшихся войсками и казаками. В 1735 году, с постройкой крепости Кизляр в низовьях реки Терек, было положено начало кавказским укрепленным линиям. К началу XIX века существовали Моздокская линия (Моздок—Кизляр, с 1763), Азово-Моздокская линия (Азов— Моздок, с 1777—1780), Черноморская кордонная линия (Тамань—Екатеринодар, с 1792), Кубанская линия (по реке Кубань, с 1794). Во время Кавказской войны новые линии создавались по мере продвижения русских войск по территории горцев: Сунженская по реке Сунжа (1817—1821), Лезгинская в Закавказье (1830—1857), Черноморская береговая от Анапы до Сухума (1837—1839), Лабинская (1840), Урупская (1850), Белореченская (1860) — по левым притокам Кубани.

МЮРИД (ученик, добровольный последователь) — «ищущий путь к спасению» мусульманин, посвятивший себя духовному совершенствованию во имя сближения с Богом. Кроме строгого соблюдения всех положенных по исламскому учению правил, мюрид должен стремиться подражать во всем пророку Мухаммеду. Одним из главных путей духовного совершенствования считалось участие в священной войне против «неправоверных». Идея такой войны — газавата — стала одним из основных политических лозунгов мюридов. «Рай есть под тенью шашки, убитый в войне против неверных есть живой и будет он жить в раю, а кто будет бежать — тот есть ничтожный человек, и будущая его жизнь есть ад». Мюрид должен беспрекословно повиноваться своему религиозному наставнику «мюршиду», быть готовым пожертвовать по его приказу имуществом, семьей, жизнью. Иногда мюридами называли просто рядовых мусульман.

НАИБ — заместитель или помощник правителя. При Шамиле один из управителей областей, подвластных имаму, — наибств (число их изменялось в зависимости от успехов Шамиля, всего около 50). Деятельность наибов регламентировалась особыми правилами. Они обладали значительной самостоятельностью, практически полной властью в пределах вверенного им наибства — за исключением права предания виновного смерти.

НИЗАМ — во время имамства Шамиля: 1) Свод разработанных законодательных норм, определявший «общие и постоянные обязанности всех, а также ответственность за нарушение их». 2) Рядовые постоянного войска Шамиля, набираемого наибами согласно упомянутому своду законодательных норм. В 40-е годы Шамиль имел около 15 тысяч постоянного войска, а в отдельных кампаниях выставлял до 30—40 тысяч.

СУФИЗМ (арабск. «суф» — шерсть, грубое шерстяное одеяние — неизменный атрибут отшельника; есть мнение о родстве слова с греческим «софия» — мудрость) — мистико-аскетическое учение в исламе, призывающее к смирению и уходу от мирской суеты. Суфизм имеет множество толкований и приложений, поэтому в некоторых из них становился идеологией повстанческих движений и антиколониальной борьбы.

ТАРИКАТ (арабск. «тарик» — дорога, путь) — метод мистического познания истины, особый свод морально-этических положений и психологических приемов, позволяющий мюриду «подняться до духовного и внутреннего поклонения богу».

ШАРИАТ (арабск. «шариа» — прямой, правильный путь) — закон, предписания, установленные в качестве обязательных для всех мусульман. В широком смысле слова — исламский образ жизни в целом, всеобъемлющий исламский кодекс поведения, включающий религиозные, нравственные, бытовые нормы и т. д. В более узком значении — правовые нормы, основанные на Коране и регулирующие культовое поведение и взаимоотношения людей.

Наш анонс

НЕИЗВЕСТНЫЕ ВОЙНЫ РОССИИ

В ЭТОЙ СЕРИИ ВЫШЛИ:

Гражданская война (1918—1920) — *«Родина». 1990. № 10.*

Великая Отечественная война — *«Родина». 1991. № 6—7.*

Отечественная война (1812) — *«Родина». 1992. № 6—7.*

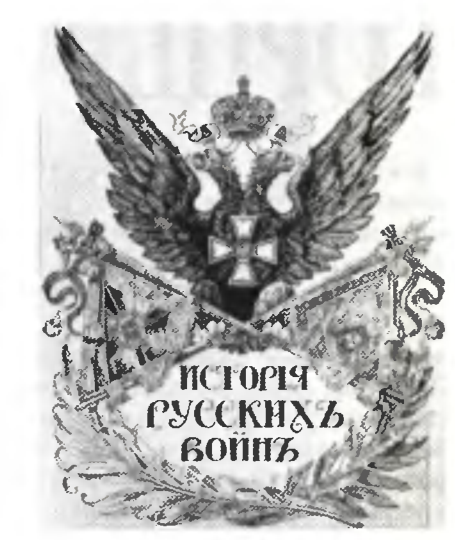
Первая мировая война — *«Родина». 1993. № 8—9.*

В БЛИЖАЙШЕЕ ВРЕМЯ ВЫЙДУТ:

Русско-польские войны (XVIII—XIX вв.)
Крымская война (1853—1856)

ГОТОВЯТСЯ К ИЗДАНИЮ:

Русско-японская война (1904—1905)
Византийские походы (IX—X вв.)
Холодная война (1945—1985)

Обложка дореволюционного журнала «История русских войн» (начал выходить в 1915 г.).

Подписаться на специальные выпуски
«Неизвестные войны России»
можно только вместе с подпиской на журнал «Родина».
Со следующего года мы планируем,
кроме очередных 12-ти номеров журнала,
печатать дополнительно два спецвыпуска по истории русских войн.

Редакция журнала благодарит за помощь в подготовке этого номера

Д. Магомедова, М. Коркмасова, Т. Хлынину, В. Гаджиева, М. Кожлаева, М. Блиева, Л. Гатагову, Л. Куприянову, Г. Вилинбахова, Т. Петенину, О. Будницкого, фонд Шамиля (Махачкала), дирекцию и сотрудников Дагестанского краеведческого музея, Дагестанского музея изобразительных искусств, Дагестанского научного центра РАН, Северо-Осетинского государственного университета, Государственного Литературного музея.

Рубрику ведет
кандидат исторических наук
ВЛАДИМИР НИКИТИН

ГОРЦЫ

В конце XVIII века Россия в Предкавказье остановилась на тех же рубежах, где останавлнвались все пришельцы с севера, и вошла в соприкосиовение с разноязыким населением горной части Кавказского хребта от Черноморья до Дагестана. Народы этой зоны находились на разных ступенях общественного развития. В равнинном и горном Дагестане было около 10 феодальных владений (шамхальство Тарковское, Аварское ханство, Дербентское ханство, уцмийство Кайтагское, Табасаранское майсумство и т. д.) и несколько десятков крестьянских общин. В Кабарде, за которой закрепилось культурное и политическое лидерство в центральной части Северного Кавказа, было пять княжеских уделов и развитая феодальная лестница. У западных адыгов частью объединений управляли княжеские фамилии, а у других — дворяне проживали вместе со свободными земледельцами. В горах Осетии, Балкарии, Карачая, так же как на всей территории Чечии и Ингушетии, основу организации населения представляла крестьянская семейная община, в ряде районов она сосуществовала с феодальными формами объединения. Все население, за исключением большей части осетин, считалось мусульманским, хотя ислам реально имел прочные позиции только в Дагестане, а горцы были скорее язычниками, унаследовавшими элементы древнего христианства. Нет смысла идеализировать горское общество. Наряду с высокими формами уважения личности в отношения между людьми входили жесткое принуждение и работорговля. Почти поголовно все мужское население было участником набегов, жестоких воинских забав, что диктовалось правилами поведения различных мужских союзов и особенно нормами дворянского этикета. Население Северного Кавказа и Дагестана жило иа своей земле, ценность которой в традиционной культуре горцев всегда была выше ценности человеческой жизни. Что и показала война длиной почти в полвека.

Научный сотрудник Российского
этнографического музея
кандидат исторических наук
ВЛАДИМИР ДМИТРИЕВ

Г. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Осетины.

Черкес.

Абазинка.

Горский татарин.

Пожилой кавказец.

Северные лезгины — продавцы тканей.

Сдано в набор 19.01.94. Подписано к печати 30.03.94. Формат 84x108 $^{1}/_{16}$. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,80.
Усл. кр.–отт. 75,8. Уч.-изд. л. 25,21. Тираж 35000 экз. Заказ № 1393 Цена в розницу — договорная, по подписке 100 руб.
Адрес редакции: 103132, Москва, Старая площадь, д. 4.
Типография издательства «Пресса». 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.
Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ. Регистрационный № 291.